

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»

На правах рукописи

Ивашина Надежда Сергеевна

**ДИАЛЕКТНЫЕ НОМИНАЦИИ ДОМОВОГО, ЛЕШЕГО И ВОДЯНОГО:
ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА, ТИПОЛОГИЯ И СИМВОЛИЧЕСКОЕ
ЗНАЧЕНИЕ**

10.02.01 – Русский язык

Диссертация
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, доцент
Якушевич Ирина Викторовна

Москва –2021

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НОМИНАЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЖА КАК МНОГОКОМПОНЕНТНАЯ СТРУКТУРА	16
1. ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ МИФА.....	16
1.1. Когнитивное понятие мифа.....	16
1.2. Когнитивные признаки мифа.....	19
1.3. Лингвокогнитивное понятие мифологического персонажа	23
1.4. Изучение названий мифологических персонажей в истории лингвистики. 25	
1.5. Понятие мифологема	32
2. ДЕНОТАТИВНО-ПОНЯТИЙНЫЙ КОМПОНЕНТ	34
3. КОННОТАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ	44
3.1. Структура коннотативного компонента	44
3.2. Источники коннотации диалектного слова.....	50
3.2.1. Оценочная корневая морфема	50
3.2.2. Экспрессивные деминутивы	52
3.2.3. Энантисемия и оксюморон	58
3.3. Внутренняя форма слова как коннотативный компонент значения номинаций мифологических персонажей	62
3.4. Символическое значение как коннотативный компонент лексического значения номинаций мифологических персонажей.....	70
3.5. Источники символического значения.....	76
3.5.1. Внутренняя форма слова.....	76
3.5.2. Народная этимология	77
3.5.3. Фольклорные тексты	78
3.5.4. Ландшафтные и гидрологические особенности местности, а также данные об этологии некоторых птиц и животных	80
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	83

ГЛАВА 2. ТИПОЛОГИЯ НОМИНАЦИЙ ДОМОВОГО, ЛЕШЕГО И ВОДЯНОГО.....	86
2.1. Основные принципы классификации названий мифологических персонажей в лингвистических исследованиях.....	86
2.2. Типология номинаций домового, лешего и водяного по внутренней форме слова	92
2.2.1. Типология номинаций домового по внутренней форме слова	92
2.2.1.1. Семантический портрет русского домового	129
2.2.2. Типология номинаций лешего по внутренней форме.....	130
2.2.2.1. Семантический портрет русского лешего	145
2.2.3. Типология номинация водяного по внутренней форме.....	146
2.2.3.1. Семантический портрет русского водяного.....	155
2.2.4. Семантические признаки, свойственные одновременно водяному, лешему и домовому.....	156
2.3. Типология номинаций домового, лешего и водяного по гендерному стереотипу.....	160
2.3.1. Типология номинаций домового по гендерному стереотипу	161
2.3.1.1. Семантический портрет русского домового женского пола	167
2.3.2. Типология номинаций лешего по гендерному стереотипу	167
2.3.3. Типология номинаций водяного по гендерному стереотипу	170
2.4. Типология номинаций домового, лешего и водяного по символическому значению	172
2.4.1. Порядок и уют в доме.....	172
2.4.2. Огонь	173
2.4.3. Двойник.....	176
2.4.4. Достаток и богатство	178
2.4.5. Судьба	180
2.4.6. Болезнь и смерть	181
2.4.7. Символическое значение мифологических персонажей	
с семантическим признаком ‘цвет’	184

2.4.7.1. Белый цвет	184
2.4.7.2. Синий цвет	186
2.4.7.3. Красный цвет	187
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	191
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	199
СПИСОК СЛОВАРЕЙ-ИСТОЧНИКОВ И ИХ СОКРАЩЕНИЯ	202
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	205
СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	231
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СЛОВНИК НОМИНАЦИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ.....	233
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. АТЛАС РАСПРОСТРАНЕНИЯ НОМИНАЦИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ	255

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена систематизации и описанию многокомпонентной структуры лексического значения диалектных номинации трёх мифологических персонажей – домового, водяного и лешего.

Актуальность работы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, русская мифология «не восстанавливается как свод текстов» в силу «отсутствия исконной восточнославянской письменности» и реконструируется «как архаичная когнитивная парадигма» [Кошарная 2003, с. 18]. Осколки древнего мифологического мышления скрыты в диалектной разговорной среде – языковой сфере, мало известной неспециалистам. Восстановить славянскую мифологическую ветвь – задача, важная для сохранения национальной самобытности. Обращение к диалектной лексике обусловлено её уникальным свойством объединять духовный и языковой компоненты культуры [Толстой 1995, с. 27-40]. В нём отражены черты личности, относящейся к определённой национальности, полу, возрасту и имеющей определённый менталитет. Диалектная лексика хранит языческие религиозные представления, скрытые в символической семантике.

Во-вторых, особенность лексики, называющей мифологических персонажей, состоит в том, что их денотат не существует в реальной действительности. Слово зачастую является единственным уникальным хранителем мифологического образа и породившего его мифологического мышления. Номинации русских мифологических персонажей уникальны как хранители национально-культурного своеобразия, а исследование различных сторон их функционирования способствует наиболее верному определению особенностей языкового сознания нации.

В-третьих, обращение к объективным источникам (в нашем случае – диалектной лексике) продиктовано тем, что в настоящее время актуальные знания о домовом, лешем и водяном в основном складываются из авторских медийных образов – ярких, но, к сожалению, предельно обобщённых стереотипов. Так, согласно данным ассоциативных словарей [ЕВРАС, САС],

большинству людей известна только широкая локация духов (домовой – дом, угол; леший – болото, тайга; водяной – баня, болото). Реальное же представление о мифологических персонажах принципиально другое. Оно скрыто в диалектной лексике и требует дешифровки.

В-четвёртых, поскольку необходимо доскональное изучение атласов духовной культуры, диалектных словарей, сборников фольклорных текстов, исследование находится на «территории» этнолингвистики и этнопсихоллингвистики, которые последние три десятилетия пребывают на пике гуманитарного знания, так как они не только находятся в русле «антропостремительных тенденций» (В.Н.Телия), но и создают точки пересечения разных дисциплин: а) лингвистических – лексикологии, этимологии и истории языка, психоллингвистики и когнитивной лингвистики; б) нелингвистических – этнографии, культурологии и фольклористики, иногда даже географии и биологии.

Цель исследования: систематизация и построение понятийно-коннотативной системы диалектных номинаций мифологических персонажей (домового, лешего и водяного) на основе изучения внутренней формы и символического значения лексемы, а также отражённых в ней гендерных стереотипов.

Объект исследования: зафиксированные на территории России диалектные номинации мифологических персонажей – домового, водяного и лешего.

Предмет исследования: компоненты лексического значения (ЛЗ) номинации: понятийный, коннотативный компоненты, последний из которых включает внутреннюю форму и символическое значение.

Задачи исследования:

1. Формирование теоретической базы исследования на основе анализа научной литературы по затрагиваемым в работе проблемам, а именно: определение понятий мифа и мифологического персонажа, изучение денотативно-понятийного и коннотативного компонентов ЛЗ; выявление

рабочего определения внутренней формы, соединяющего точки зрения различных исследователей; освещение проблемы гендерного стереотипа; исследование символического значения и его источников.

2. Определение специфики денотативно-понятийного и коннотативного компонентов ЛЗ номинации мифологического персонажа.

3. Реконструкция внутренней формы номинаций мифологических персонажей.

4. Описание символического значения ряда номинаций мифологических персонажей.

5. Систематизация и создание типологических систем диалектных номинаций с критерием «внутренняя форма», «гендерная принадлежность», «символическое значение».

6. Создание семантических портретов домового, водяного и лешего на основании внутренней формы называющих их диалектизмов.

Теоретическую базу исследования составляют труды, посвящённые изучению мифа и мифологического персонажа (Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский, Ю. С. Маслов, К. Леви-Строс, О. М. Фрейденберг, М. Элиаде, В. Я. Пропп, Б. М. Мелетинский, В. П. Гайденок, Е. Е. Пронина, С. А. Кошарная, М. Р. Жбанков, В. П. Шадеко, Е. С. Кубрякова, А. В. Алексеев, И. В. Якушевич), исследованию названий мифологических персонажей представителями Русской мифологической школы (А. А. Потебня, А. Н. Афанасьев), Московско-тартуской семиотической школы (В. Н. Топоров, В. В. Иванов), Ленинградской лингвистической школы (О. А. Черепанова), Уральской ономастической школы (Е. Л. Березович), а также такими учёными, как Н. И. Зубов, И. И. Русинова, М. А. Гранова, С. А. Толстик; рассмотрению понятия ‘мифологема’ (О. А. Черепанова, Н. В. Черемисина, А. П. Бабушкин, О. И. Быкова, О. Н. Ракитина, С. А. Питина, О. В. Абыякая, Е. В. Матвиенко, В. А. Маслова, В. И. Дынин, Хань Цзинхуэй), анализу денотативно-понятийного (В. Д. Девкин, И. А. Стернин, И. В. Арнольд, Г. Фреге, Г. В. Колшанский, Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова, Л. М. Васильев, Б. Ю. Норман, И. М. Кобозева, Ю.

П. Солодуб, Ф. Б. Альбрехт, А. А. Уфимцева, Н. Г. Комлев, И. В. Кононова) и коннотативного (Л. В. Щерба, Е. М. Галкина-Федорук, Ш. Балли, И. В. Арнольд, Д. Н. Шмелев, А. Н. Леонтьев, Р. Барт, В. К. Харченко, А. В. Филиппов, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, И. А. Стернин, К. А. Долинин, В. А. Маслова, Ю. Д. Апресян, В. Н. Телия, Г. В. Говердовский, Л. А. Новиков, Н. Г. Комлев, В. Н. Комиссаров, Г. И. Берестнев, Е. М. Сторожева, Н. Ф. Алефиренко, Р. Г. Давлетбаева, З. Д. Ханова) компонентов, описанию внутренней формы слова (А. А. Потебня, П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев, Н. Ф. Алефиренко, Ю. С. Маслов, В. В. Колесов, А. А. Зализняк, Е. В. Огольцева), а также исследованию гендерного стереотипа (Ш. Берн, А. В. Кирилина, Л. В. Маркина) и символического значения (А. Н. Афанасьев, П. Рикер, В. В. Виноградов, В. Н. Телия, К. А. Свасьян, М. М. Маковский, А. А. Потебня, М. В. Никитин, Е. В. Шелестюк, В. В. Колесов, А. В. Медведева, Д. А. Тараканова, И. В. Якушевич).

Материалом исследования являются номинации мифологических персонажей, обозначенных в диалектных словарях как «домовой», «леший» и «водяной», а также «мифологическое существо», «дух», «нечистая сила». Методом сплошной выборки и направленного поиска было изучено 25 диалектных словарей. Источником фольклорного материала (паремий, загадок и заговоров) стали собрания фольклорных текстов В. Г. Зиновьева, Е. А. Грушко, А. Н. Афанасьева, М. М. Забылина, П. Н. Рыбникова. В качестве справочной литературы привлекались также исследования, посвящённые изучению славянской мифологии. Всего было найдено 395 номинаций мифологических персонажей: 238 – домового, 97 – лешего, 57 – водяного и 20 номинаций, включающих в себя семантические признаки одновременно домового, лешего и водяного.

Междисциплинарный характер исследования определил сложную научно разнородную **методологическую базу**.

Доминирующими в работе стали методы диалектологического и этнолингвистического исследования: а) **метод семантико-мотивационной**

реконструкции слова, в том числе и **метод** этимологического анализа; б) **метод** сравнительно-типологического исследования, направленный на изучение ономазиологических характеристик номинаций, позволяющий раскрыть особенности номинативной деривации и постичь закономерности членения экстралингвистической действительности носителями различных диалектов; г) **метод** формализации лингвистического материала путём формирования лексико-семантических групп как единиц типологического описания лексики; е) **метод** компонентного анализа ЛЗ.

Кроме того, для анализа отражения в словообразовательной структуре и ЛЗ диалектных номинациях гендерных стереотипов использован психолингвистический метод наложения гендерных схем на внутреннюю форму лексем; привлечены методы словообразовательного анализа и этнографического комментария.

Для анализа символического значения использован метод лингво-семиотического описания символа и мифа как билатеральной модели.

К общим методам исследования относятся метод контекстного описания, метод сплошной выборки и статистического анализа лингвистических фактов. Привлекался также метод картографического и топонимического изображения результатов исследования.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что впервые 1) не только рассмотрены внутренняя форма и особенности денотативно-сигнификативного и коннотативного компонентов номинаций мифологических персонажей, но и внесены значительные семантические коррективы в толкование собирательного образа национальной мифологемы; 2) предложена типология мифологических персонажей с точки зрения внутренней формы номинации и гендерной характеристики персонажа; 3) рассмотрено символическое значение ряда номинаций и указаны его источники; 4) представлены семантические портреты мифологических персонажей.

Теоретическая значимость исследования. Основным результатом исследования являются формирование, систематизация и описание корпуса

лексики, называющей домового, водяного и лешего. Наибольшее научное значение имеют выводы, полученные в результате реконструкции внутренней формы лексем:

1) рассмотрена специфика понятийных и коннотативных сем, многогранно дополняющих современное представление о национальных мифологических персонажах: их топосе, типичных действиях, внешности, их оценке;

2) зафиксировано отражение гендерных стереотипов в исследуемых номинациях;

3) выявлены символические значения номинаций.

Практическая значимость исследования заключается в том, что реконструированный в результате этнолингвистического исследования образ домового, лешего и водяного может стать необходим как в литературно-художественном (в том числе и медийном) творчестве, так и в процессе преподавания историко-культурных и лингвистических дисциплин, таких как русский фольклор, русская литература, культурология, этнография, история языка и диалектология и др. Особое значение результаты исследования имеют для создания словаря символических значений диалектных номинаций.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Номинации мифологических персонажей следует рассматривать как лексемы с многоаспектной структурой ЛЗ. К компонентам такой лексемы традиционно следует относить денотативный, сигнификативный и коннотативный компоненты. Денотат диалектных номинаций мифологических персонажей назвать нулевым можно лишь в том случае, если иметь в виду факт отсутствия такого референта (существа, предмета) в реальной действительности. Денотат мифологической лексики порождён народной фантазией и представляет собой совокупность эмпирических признаков, часто являющихся результатом олицетворения и персонификации – главных маркеров мифологического мышления.

2. В микрокомпонентный состав коннотации мифологемы включаются мотивационные семы внутренней формы слова, семы символического значения слова, семы гендерных стереотипов, а также семы, источником которых являются факты зоологии, этологии, географии ландшафта и гидрообъектов.

3. Особую роль в формировании коннотативного компонента ЛЗ номинаций мифологических персонажей играют 1) оценочная корневая морфема (*жировік, родімец*), 2) уменьшительные (*дітьятко, лєсик, кормінчик*), экспрессивные/уменьшительно-экспрессивные (*черташка, дедуха*), экспрессивно-ласкательные деминутивы (*домовушка, ворогуша, жихорюшко*) и экспрессивные деминутивы со значением невзростости (*лешачонок*); 3) энантиосемия или оксюморон, являющиеся чаще всего следствием табуирования номинации (*жировой чёрт, ворогуша, кривохвостик*).

4. Названия мифологических персонажей необходимо рассматривать с точки зрения анализа их внутренней формы. Мотивационная семантика внутренней формы пополнит достаточно скудное представление современников о славянских мифологических существах и станет источником их объективного семантического портрета как совокупности сем, лежащих в основе наименования объекта, т. е. сем внутренней формы слова, каждая из которых – крупница мифологического мировоззрения народа.

5. Обнаруженные нами семантические признаки 'локус', 'оценка', 'действия', 'таксис', 'табуирование', 'родство', 'внешность', выявленные в процессе реконструкции внутренней формы слова, являются важнейшими классификаторами всех трёх групп номинаций мифологических персонажей.

6. Недостаточно классифицировать номинации мифологических персонажей только на основе мотивирующих семантических признаков внутренней формы. Диалектизмы не только сохранили веру народа в сверхъестественных существ, но и отразили ряд гендерных стереотипов в

крестьянской среде: к примеру, проблему положения женщины в семье, её труда, отношения к некоторым чертам характера и пр.

7. Естественным следствием реконструкции внутренней формы слова является обнаружение символического значения диалектного слова ('огонь', 'предок', 'достаток и благополучие', 'судьба', 'болезнь и смерть', 'обман'), подкреплённого контекстами разговорной речи носителей языка, фольклорными текстами, а также этнографическими и географическими данными областей, где были зафиксированы диалектизмы.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, а также списка использованной литературы, перечня иллюстративного материала, списка сокращений и приложений – словника мифологических персонажей и атласа распространения номинаций мифологических персонажей на территории России.

Во **Введении** сформулированы цель и задачи, объект, предмет, языковой материал исследования. Изложены актуальность, научная новизна, методическая база, теоретическая и практическая значимость работы. Описаны положения, выносимые на защиту.

В **Главе 1** содержатся общие теоретические и методологические основы настоящего диссертационного исследования. В данной части работы раскрывается многокомпонентная структура ЛЗ номинации мифологического персонажа (денотативно-понятийный, коннотативный компоненты, внутренняя форма, символическое значение), даются понятия мифа и мифологического персонажа, освещаются вопросы изучения названий мифологических персонажей, проводится анализ денотативно-понятийного и коннотативного компонентов ЛЗ диалектных номинаций. Для обозначения представления современного человека о мифологических персонажах приводятся данные толковых и ассоциативных словарей. Выводится определение основополагающего понятия данного исследования – внутренней формы слова, и уделяется внимание символическому значению слова и его источникам.

В **Главе 2** рассматриваются основные принципы типологии диалектных номинаций домового, лешего и водяного в фольклорных и лингвистических исследованиях. Проводится систематизация диалектизмов из разных регионов России на основе внутренней формы и гендерного стереотипа. Выявляются символические значения номинаций мифологических персонажей.

В **Заключении** содержатся основные выводы по проведённому исследованию и намечаются его научные перспективы.

Приложение содержит перечень всех используемых в диссертационном исследовании номинаций мифологических персонажей с указанием определений из диалектных словарей, а также карту распространения номинаций мифологических персонажей на территории РФ.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования были представлены в виде докладов на следующих конференциях:

- Международная научная конференция, посвящённая памяти профессора П.А. Леканта (г. Москва, 19 ноября 2019 г.);
- Студенческая открытая конференция #ScienceJuice2019 (г. Москва, 2019; Диплом 2-й степени);
- Международная научная конференция XVI «Виноградовские чтения «История и современность филологических наук» (г. Москва, 2020 г.).
- XI Всероссийская научно-практическая конференция «Современное филологическое образование: проблемы и перспективы» (г. Москва, 21 апреля 2021).
- XIV Международная научная конференция «Языковые категории и единицы: синтагматический аспект», посвящённая 120-летию профессора Н. П. Прокоповича (28-30 сентября 2021 г., г. Владимир).

Основные результаты диссертационного исследования описаны в 8 научных работах автора общим объёмом 4,26 печатных листов.

Статьи в российских рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации основных научных результатов:

1. *Ивашина Н. С.* Семантический портрет духов воды в говорах северорусского наречия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2020. –№ 3 (146). –С. 145-152.

2. *Ивашина Н. С.* Внутренняя форма диалектных номинаций лешего как источник его семантического портрета // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2020. –№ 2 (145). –С.166-173.

3. *Ивашина Н. С., Якушевич И. В.* Символическое значение 'водяной', мотивированное ландшафтными, гидрологическими и биогеографическими особенностями края // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки.– 2020. –№ 04.–С. 181-187.

4. *Ивашина Н. С.* Внутренняя форма номинаций домовых женского пола в русских народных говорах // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 166, кн. 5. –С. 144-158.

Публикации в других журналах, сборниках научных трудов и материалах научных и научно-практических конференций:

1. *Ивашина Н. С.* Амбивалентность семантики женского образа домового в лексике русских народных говоров. Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2019: Сборник трудов Международной научной конференции. М.: ИИУ МГОУ, 2019. – С. 191-195.

2. *Ивашина Н. С.* Цветовой семантический признак внутренней формы в диалектных номинациях домового. Лекантовские чтения. Материалы Международной научной конференции. М.: ИИУ МГОУ, 2020. – С. 148-152.

3. *Ивашина Н. С.* Символическое значение 'огонь' в диалектных номинациях домового. Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции. Москва-Ярославль, 2021. – С. 241-246.

4. *Ивашина Н. С.* Явление энантиосемии в диалектных номинациях мифологических персонажей. Языковые категории и единицы:

синтагматический аспект. Материалы международной научной конференции (Владимир, 28-30 сентября 2021 года), посвящённой 120-летию проф. Н.И. Прокоповича. Владимир: Транзит-ИКС, 2021. С. 113-118.

ГЛАВА 1. ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НОМИНАЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО ПЕРСОНАЖА КАК МНОГОКОМПОНЕНТНАЯ СТРУКТУРА

Данная глава посвящена изучению многокомпонентной структуры ЛЗ номинаций мифологических персонажей. В ходе исследования раскрываются понятия мифа и мифологического персонажа, освещаются вопросы изучения названий мифологических персонажей (В. Н. Топоров, В. В. Иванов, О. А. Черепанова, В. И. Дынин, И. И. Русинова, Е. Л. Березович, Н. И. Зубов, С. А. Толстик). В этой главе проводится анализ денотативно-понятийного и коннотативного компонентов ЛЗ диалектных номинаций. Сформировано понятийное значение номинаций 'домовой', 'леший' и 'водяной' в современном русском языке на основе данных толковых словарей. Для формирования ассоциативного представления современника об этих мифологических персонажах приводятся данные ассоциативных словарей. Выводится определение основополагающего понятия исследования – внутренней формы слова (А. А. Потебня, П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев, Н. Ф. Алефиренко, Ю. С. Маслов, В. В. Колесов, А. А. Зализняк, Е. В. Огольцева). Особое значение имеет анализ структуры и источников символического значения слова (А. Н. Афанасьев, П. Рикер, В. В. Виноградов, В. Н. Телия, К. А. Свасьян, М. М. Маковский, А. А. Потебня, М. В. Никитин, Е. В. Шелестюк, В. В. Колесов, А. В. Медведева, Д. А. Тараканова, И. В. Якушевич).

1. ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ МИФА

1.1. Когнитивное понятие мифа

Значительное внимание к мифу возникло в конце XIX века, когда история воспринималась как процесс, движущийся к завершению [Кошарная 2020, с.25]. Такое мировосприятие требовало найти какую-либо устойчивую силу, пребывающую над слоем культуры, т.е. миф. Европейское искусство базировалось на античной мифологии, отсюда появилось мнение, что «миф – это вечное живое начало» [Шадеко 2012, с. 380-391]. Возникло желание свести

искусство к мифу. Более того, миф – формирование именно коллективных, а не индивидуальных представлений человека о мире, предшествующих науке.

В сфере гуманитарных наук существуют два представления о мифе. Согласно первому, миф есть совокупность древних легенд, которые повествуют о деяниях героев и богов [Мелетинский 2000, с. 172]. Мифы-легенды – это достояние культуры в процессе её становления и развития. Так, первые сказания о языческих богах появились в дохристианскую эпоху, затем описывались в древнерусской литературе и фольклоре. Со временем им на смену пришли библейские легенды, а после них – легенды советской эпохи. Осмысление обществом того факта, что оно сталкивается с мифами, возникает по прошествии многих лет и даже веков. Такое понимание мифа можно считать диахроническим, ведь миф-легенда рассматривается с позиции другой эпохи [Якушевич 2018, с. 13]. М. Элиаде считает, что миф является повествованием, но не в привычном нам понимании. Это не рассказ какого-либо человека об однажды произошедших событиях, а повторение архетипа, идеала, связывающего прошлое с будущим посредством настоящего [Элиаде 1998, с. 5]. Миф рассказывает о прототипическом поведении. С одной стороны, он изначально задан представителю культуры. С другой стороны, он является непрерывной реальностью. Таким образом, миф – это система мировоззрения, особая форма познания и в то же время продукт этой формы, в котором метафорически обнаруживается его результат, бытовавший на конкретном этапе развития жизни [Шадеко 2012, с. 380-391].

Согласно второму представлению, миф – это мышление, благодаря которому действительность рассматривается в чувственно-наглядных образах, воспринимающихся как самостоятельные явления реальности [Жбанков 2003, с. 634]. «Миф – это константа сознания» [Алексеев 2013, с. 38], следовательно, чтобы её познать, необходимо погрузиться в эту субстанцию, то есть начать думать мифологически. Данное понимание мифа является синхроническим. Его задача – объяснить необъяснимое, раскрыть то, что не поддаётся рациональной логике, а также помочь человеку справиться с фобиями. Так, страх перед

ночными кошмарами и болезнями, приходящими ночью, породил в сознании древнего человека *гну́теницу*, *намного*, *пу́жанку*. Персонификацией страха перед водой и невидимым под ней пространством рек и озёр являются *водяные* и *русалки*. По мнению Е. Е. Прониной этот тип мышления характеризуется как «жизнь-на-границе-смерти». Это особая коммуникация, при которой человек жил с чувством победы над насильственной смертью, грозящей ему извне. Такая коммуникация порождает в нём чувство сплочённой общности, защищённости, значимости, власти. Е. Е. Пронина называет такой тип мышления магическим, так как первобытному человеку была свойственна уверенность в том, что только с помощью магии возможно подчинить себе судьбу и природу [Пронина 2002, с. 47-91].

С. А. Кошарная считает, что вся мифология находится в пределах концептуального объединения человека и природы. По мнению автора, своеобразная черта мифологического мышления заключается в том, что «мифологический» человек познаёт природу через свои ощущения. Однако в центре объективной реальности и субъективного восприятия находится бессознательное, что миф и выражает. Так, существуя в объективном мире, человек в своём сознании создаёт другой, иллюзорный мир. Эта воображаемая реальность возникает из «ощущения, осознания и запечатления в языке реально существующей картины мироздания». Такая воссозданная реальность является специфической когнитивной моделью, или парадигмой. Таким образом, как полагает С. А. Кошарная, мифология есть не исключительно сборник фантастических текстов, а в том числе и система мировоззрения, уникальный способ адаптации человеческой психики к действительности, не поддающейся логическому осмыслению [Кошарная 2002, с. 73-74].

Учение о мифе как о мышлении осуществляется в русле когнитивной лингвистики – направления, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны. Это наука о знании и познании, о восприятии мира в процессе деятельности людей [Маслов 2005, с. 6]. Процессы, связанные

со знанием и информацией, называются когнитивными, или когницией. Е. С. Кубрякова, основатель когнитивно-дискурсивной парадигмы, определяет когницию как обыденное познание, важное для взаимодействия человека с миром его повседневной жизни, т.е. это манипуляция со знаниями, работа с информацией [Кубрякова 2001, с. 4-10].

К. Леви-Строс, рассматривая структуру мифа, полагал, что миф выступает как языковое явление или объект лингвистики [Леви-Строс 2001, с. 218], следовательно, и структура мифа должна иметь лингвистические основания. Тем не менее, исследователь считает, что специфические свойства мифа не ограничиваются сферой языка, а занимают место на более высоком уровне, т.е. обладают более замысловатой природой в отличие от других языковых высказываний [Леви-Строс 2001, с. 218].

С. А. Кошарная подчёркивает, что слово, как любой знак, является не только отражением когнитивных процессов, в том числе и мифа как мышления, когниции, но и кодом лексикализации мифа, его семантизации [Кошарная 2010, с. 255-257]. Автор пишет о феномене «мифа как слова»: слово может быть прочитано как микротекст, «мифолексема представляет собой миф, свернутый в слово» [Кошарная 2003, с. 6]. Таким образом, если слово является свернутым мифом, то в его ЛЗ миф присутствует в виде семантического компонента.

Итак, современное представление о мифе сформировалось на стыке когнитивной лингвистики и семиотики: миф как особого рода мышление является уникальной когницией, индивидуальной и коллективной, поскольку обусловлен национальным менталитетом. Слово как знак является кодом лексикализации мифа и может быть «свёрнутым» мифом, а в системе семасиологии миф «измеряется» разного рода семами культурной коннотации, чему посвящён раздел 3.1 диссертации.

1.2. Когнитивные признаки мифа

Рассмотрим когнитивные признаки мифа.

1. **Миф – процесс.** Прежде всего, миф – это цепочка событий, некое повествование, истинность которого абсолютно бесспорна [Стеблин-Каменский 2003, с. 224].

Миф непрерывен и протяжён во времени. Так, К. Леви-Строс сравнивал миф с музыкой, так как, во-первых, для постижения искусства тоже требуется время, во-вторых, музыка и миф передают бессознательное человека, и в-третьих, организуют психологическое время слушателя, включая его в повествование мифа [Леви-Строс 1994].

2. **Миф антропоцентричен:** все пространственные компоненты семантизируются с позиции человеческого тела как оппозиции: верх/низ, своё/чужое и пр. [Якушевич 2018, с. 15]. Важно учитывать границы и переходы между этими сферами. Мифологическому пространству свойственно двойничество всех реалий: всё, где чувствуется нахождение человека, имеет неземные прообразы. В славянском мифологическом мышлении дом есть центр мира. С одной стороны, его стены создают внутреннее, «своё» пространство человека, с другой стороны, устанавливают связь человека с внешним, «чужим» миром. В частности, русская изба, имела множество «отверстий», которые связывали человека с потусторонним миром: окна, дверь, дымоход, печной зёв и пр. [Байбурин 1983, с. 134-145]. Такие места часто были излюбленными для домового, отсюда номинации *запéченник*, *запéчнушко*, *кутíнья*, *голбéшный*, *подполяники* пр.

Подчёркивая особую связь человека с природой, Е. Е. Пронина описывает понятие аниматизма (лат. *animatus* ‘одушевлённый’), подразумевая под ним «особое состояние веры во всеобъемлющую безличную одушевлённость природы, соединяющую всё и всех в единую мировую душу» [Пронина 2002, с. 51]. На феномен очеловечивания природы указывали и другие учёные. Так, Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский, О. М. Фрейденберг, В. Я. Пропп и др. говорили о том, что посредством мифов и обрядов поэтическая фантазия откликается на природу, т.е. люди пытались воздействовать на неё [Буслаев 1861; Веселовский 1873; Фрейденберг 1997; Пропп 2000].

3. **Миф–перцептивное мышление.** В качестве реалий мифа выступают чувственные образы, пространственные представления, конкретные действия и другие продукты чувственного созерцания действительности. Миф, являясь ярким образом, расценивается в качестве самой реальности [Гайденко 1995, с.167-174]. Так, через этимологическое значение номинаций мифологических персонажей мы можем обнаружить их перцептивные признаки. К примеру, внутренняя форма номинаций водяного *волосán* и *волосáтик* указывает на наличие у них длинных волос, а во внутренней форме названия лешего *большáк* содержится указание на его длинный рост.

4. **Миф – синкретичное мышление:** нет разграничения между образом и обозначаемой им сущностью. Синкретизм в мифологическом мышлении – следствие «антропоцентричного» познания природы и мира, в том числе и внутреннего мира человека [Якушевич 2018, с. 14]. Мифологическое мышление основывается на отсутствии границы между психической и объективной реальностью: мир = я [Пронина 2002, с. 128]. Из этого следует, что невидимые для человека физические и психические ощущения – болезни, переживания, страхи – опредмечиваются в окружающем мире или персонифицируются. Так, заблудившись в лесу, первобытный человек был уверен, что его водил леший (номинация *блуд*).

5. **Мифическое время,** представленное последовательностью и цикличностью событий вне и внутри мифа, – это время «первопредметов и перводействий» [Мелетинский 2000, с. 173]. Миф может повторяться бесконечное количество раз, при этом связывая историческое время с первобытием. К примеру, как и несколько веков назад, не принято купаться в водоёмах на Ильинской неделе: считается, что водяной в Ильин день обязательно накажет любого ослушавшегося [СРС, с. 81]. А в ныне известный всем День смеха обычно говорят: «1 апреля – никому не верь». Так, именно в этот день просыпается домовый, и необходимо много шутить, чтобы сбить его с толку [СРС, с. 19].

Миф выражается в словесной форме, и изучение мифа невозможно без анализа определённого, в частности, диалектного, языкового материала. Примером могут служить отрывки из быличек, сюжеты которых связаны с домовыми, лешими и водяными: *«Все ушли в клуб, а я устал с дороги, лёг спать. Вдруг старик лохматый из-за печки выходит... подходит ко мне и давай душить. Душит! Я уж думаю: «Да неужели такой старый задавит меня?!» Все силы собрал — как его толкну! Он улетел. А там западня, она открыта оказалась — он в неё. И замолк. Опять всё тихо»* [Зиновьев 1987, с. 58] // *«Поехал он домой да и заблудился, хотя недалеко от дома был. Бросил велосипед, плутал, плутал. Вдруг к нему старичок подходит, седой-седой, в рваной одежде, с бородой. И говорит: «Пойдём со мной. Я тебя выведу». Потом говорит парню: «Одет ты как-то не по-христиански». Да так парень переоделся, что вся одежда задом наперёд оказалась»* [Зиновьев 1987, с. 19] // *«Она (моя бабка) по речке ходила. Не ночью, а часов так около одиннадцати. Телёнка искала... Ну, и ноги, гыт, не видно, а руки-то, как у лягушки — четыре пальца. В воде сидит. И не слышно. Так-то если встанешь, слышно, как вода шумит <...> А он шевелится, всё»* [Зиновьев 1987, с. 49].

Все вышеперечисленные признаки отображены в данных примерах. Так, перед нами отнюдь не логичное повествование о неких существах, внезапно встретившихся на пути рассказчиков, уверенных в истинности своей истории. Во всех трёх примерах наблюдается чувственное созерцание действительности, синкретичность мышления рассказчиков. Все они видят, слышат и ощущают духов, испытывают к ним различные чувства (страх, доверие, неприязнь). Присутствует и указание на «своё» и «чужое» пространство: дух-старик (очевидно, домовый) убежал через западню (входное отверстие в подполье, погреб, на чердак [СРНГ, т. 10, с. 297]) в первом примере, леший встретился в лесу – во втором, и водяной сидел в воде – в третьем.

Итак, в нашей работе мы считаем **миф особым типом мышления, когницией, закодированной словом и представленный в структуре лексического значения как коннотативный компонент в ЛЗ номинаций**

мифологических персонажей. Среди основных признаков мифа – процессуальность, антропоцентричность, перцептивность, синкретичность, цикличность.

1.3. Лингвокогнитивное понятие мифологического персонажа

Исходя из данного понимания мифа, мы можем дать определение мифологическому персонажу. Это, во-первых, фантастическое существо, герой славянских народных легенд, во-вторых, персонификация страхов и фобий, константа сознания, возникающая в силу невозможности человека объяснить то или иное явление действительности, в-третьих, лексема.

Отметим, что в данном исследовании мы используем термин *персонаж*, так как в нашем понимании миф есть повествование, цепочка событий, а персонаж – постоянный герой этих событий. Данный термин подчёркивает процессуальность мифа.

В русской мифологической лексике существует большое количество наименований, приписываемых одному мифологическому персонажу. Так, в процессе исследования номинаций мифологических персонажей нами было найдено 97 номинаций лешего (*абла́стый, лёмбой, анчутка, залутчик* и пр.). Подобное разнообразие номинаций имеют также домовые, водяные, черти и т.д.

Существует несколько причин множественности диалектных номинаций мифологических персонажей. Во-первых, мы сталкиваемся с мифологической инверсией – «переносом мифологического наименования на принципиально иного персонажа» [Дынин 2012, с. 97]. Как один мифологический персонаж может иметь различные номинации, так и одна номинация может обозначать различных мифологических персонажей. Например, номинация *больша́к* в Казанской губернии обозначала домового, а в Вятской губернии – лешего [СРНГ, т. 3, с. 86]. Подобным образом, *анчуткой* в Орловской губернии называли чёрта, а в Калужской – лешего [СРНГ, т. 1, с. 262].

Большое количество мифологических наименований является «реликтом» архаических представлений о множестве различных духов,

находящихся в мире, окружавшем людей. В.И. Дынин, акцентируя внимание на данном факте, рассматривает мифологическую лексику в аспекте исторической эволюции религиозно-мифологических представлений. По мнению автора, большая часть номинаций является эвфемизмами, связанными с табуированием настоящих названий духов [Дынин 2012].

Во-вторых, причиной множественности номинаций может являться степень освоенности человеком того или иного пространства. Мы можем отметить большее количество номинаций духов дома (*голубёшный, запёченник, овинник* и пр.) по сравнению с другими мифологическими персонажами. Пространство дома и хозяйственных построек, а также территория полей и огородов организована самим человеком. Поэтому иноминаций домового (238) намного больше, чем лешего (97) и особенно водяного (57), которые персонифицируют недостаточно освоенное и опасное пространство леса и водоёмов.

В-третьих, разнообразие номинаций объясняется разветвлённой системой табуирования названий духов. Табу есть языковое явление, характеризующееся наложением запрета на произнесение имён человека, родственника, умершего, вождя, царя, божества. Как правило, их заменяют описательными выражениями [ЛЭС, с. 501]. Так, домовый воспринимался как умерший предок и представитель потустороннего мира. Древние славяне, веря, что произнесение слов равнозначно возникновению существа, не называли духов по имени, чтобы не притянуть к семье несчастья. Отсюда такие номинации домового, как *другая половина, они, сам* и пр.

В-четвёртых, одной из важнейших причин множественности номинаций духов является актуализация во внутренней форме слова доминирующих, согласно мнению народа, признаков или действий мифологического персонажа. В частности, *водяной* мог называться *синеобразным* (цвет воды) или *гадюгой* (зооморфный облик существа в виде змеи), леший же назывался *блудом* (блудит) или *игрунком* (играет).

Итак, миф и мифологический персонаж – взаимосвязанные многоплановые понятия. Миф является выраженным в языковой форме истинным повествованием, константой сознания, в центре которого находится мифологический персонаж, лексема, **фантастическое существо, герой славянских народных легенд, персонификация страхов и фобий, константа сознания, возникающая в силу невозможности человека объяснить то или иное явление действительности.** Большое количество номинаций мифологических персонажей объясняется мифологической инверсией, степенью освоенности пространства человеком и системой табуирования наименований.

Перейдём к обзору исследований, посвящённых мифологическим персонажам.

1.4. Изучение названий мифологических персонажей в истории лингвистики

В научных трудах мифологические персонажи находятся по большей части в центре историко-этнографических, фольклорно-литературных и мифологическо-эзотерических исследований. Известные отечественные этнографы и фольклористы М. М. Забылин [Забылин 1992], Э. В. Померанцева [Померанцева 1975], Н. А. Криничная [Криничная 2004], Т. Г. Голева [Голева 2008] и пр. уделяли внимание этой проблеме.

Что касается исследований мифологических персонажей с точки зрения лингвистики, количество работ, представляющих собой комплексный анализ диалектных номинаций, значительно меньше.

Большой вклад в данной области внесли представители русской мифологической школы А. Н. Афанасьев и А. А. Потебня. А. Н. Афанасьев провёл обширное мифологическое, этнографическое и лингвистическое исследование персонажей, относящихся к нечистой силе. Учёный описывал *домового* [Афанасьев 1850], *ведунá* и *вѣдьму* [Афанасьев 1851], зооморфных славянских божеств [Афанасьев 1852], обращался к этимологическому анализу

наименований мифологических существ и понятий, связанных с ними (*очаг, изба, хоромы* и пр.), к их фольклорному анализу.

Помимо этого, А.Н. Афанасьев рассмотрел символическое значение персонажей нечистой силы (*домово́й, ле́ший* и пр.) и привёл их этнографическое описание [Афанасьев 1865-1869], что, безусловно, значимо для нашего диссертационного исследования.

А. А. Потебне принадлежит большое количество научных работ, в которых раскрываются вопросы как языкознания, так и литературоведения, фольклористики, поэтики. Он описывал различные обряды и поверья [Потебня 1865; Потебня 1867], анализировал народные песни [Потебня 1883-1887]. Особое внимание учёный уделил *Ба́бе-Я́ге*, сравнивая её с персонажами немецкого фольклора, а также славянским словам *счастье, доля, горе* и *судьба*, проведя их этимологический анализ и рассмотрев их образы в фольклоре, где они представлены в виде персонажей [Потебня 1867]. Исследования А. Н. Афанасьева и А. А. Потебни имеют большую ценность, так как именно эти авторы связали понятия «миф», «символ» и «внутренняя форма слова».

Представителями Московско-тартуской семиотической школы являются В. Н. Топоров и В. В. Иванов. В.Н. Топоров посвятил множество своих работ исследованию этимологии и семантики слов в индоевропейских языках, пытаясь определить мотивацию обозначения исследуемых слов [Топоров 2005]. Он проводил реконструкцию мифорелигиозных систем славянских, балтийских и прочих народов и изучал связь древнейших типов текстов с ритуалом [Топоров 1995], анализировал основные символы и категории мифопоэтики [Топоров 1994], исследовал фольклорные жанры [Иванов, Топоров 1974].

В. Н. Топоров в соавторстве с В. В. Ивановым реконструировали этимологию ряда слов, сопоставив фольклорные славянские и балтийские тексты. Авторы восстановили древнейшие типы текстов, в которых воспроизводятся конкретные черты древнеславянской культуры [Иванов, Топоров 1974]. В центр их пристального внимания попали такие мифические персонажи, как *Авсень, волосы́ни, див, додо́ля, домово́й, дунáй, ку́кер, суд (усу́д)*,

яри́ла, иноро́дец; божества Велес, Перун, Дажьбог, Сварог, Стрибог, Хорс; а также герои русских сказок Иван Царевич, Иван-дурак, Волхв, Садко, Змей Горыныч и богатыри Алёша Попович, Горыня, Дубыня, Усыня, Вечорка, Зорька, Полуночка, Святогор [Иванов, Топоров 2011].

Для нашего исследования особый интерес представляют труды, посвящённые происхождению номинаций мифологических персонажей, их этимологии и символике. Так, В. Н. Топоров, В. В. Иванов обращаются к внутренней форме номинаций *во́лос* [Иванов, Топоров 1974, с. 44-46], *анчу́тка* [Топоров 1973, с. 29-44].

Большой вклад в исследование мифологической лексики сделали представители Московской этнолингвистической школы Н. И. Толстой, А. В. Гура, Е. Е. Левкиевская.

Н. И. Толстой занимался сравнительным изучением лексики славянских языков: уделял внимание созданию лексико-семантической реконструкции славянской лексики, проводил лексические и семантические параллели между разными славянскими языками и диалектными зонами, а также изучал мифологическую и обрядовую лексику [Толстой 1997]. Также его труды посвящены описанию символики различных предметов и действий [Толстой 1995]. Особенно значимы для нас работы, связанные с анализом демонологической лексики [Толстой 1995]. Подчеркнём также, что именно Н. И. Толстому принадлежит идея создания широко известного этнолингвистического словаря «Славянские древности».

А. В. Гура провёл лингвистический анализ славянских ритуальных форм речи [Гура 1981], свадебной терминологии [Гура 1984], подверг рассмотрению символики наименований животных в славянской народной традиции [Гура 1997], описал их демонологические свойства в мифологических представлениях [Гура 2000]. Используя метод семантической реконструкции, он сделал попытку на материале всех славянских традиций вскрыть символический смысл, лежащий в основе обряда бракосочетания [Гура 2003].

На его работы мы опираемся при описании символического значения мифологических персонажей.

Е. Е. Левкиевская посвятила свою докторскую диссертацию восточнославянскому мифологическому тексту, рассматривая его с точки зрения прагматики, диалектологии и семантики [Левкиевская 2007], что напрямую связано с тематикой нашего исследования. В её работах внимание уделяется поиску прототипа всем известного гоголевского Вия [Левкиевская 2007а] в украинской мифологии, субъектам и объектам мифологизации (вихрь, клад, страх и пр.) [Левкиевская 2014]. Автор провела анализ соотношения имени и функции мифологического персонажа [Левкиевская 2003], определила факторы изменения образа сидящей на ветвях русалки в прологе к поэме А. С. Пушкина [Левкиевская 2020].

Е. Е. Левкиевская, один из авторов словарей «Славянская мифология» и «Славянские древности», в соавторстве с Л. Н. Виноградовой провели обширное исследование текстов, включающих поверья о людях с демоническими свойствами (*вѣдьме, колдунѣ, знáхаре* и пр.) [Виноградова, Левкиевская 2010], о мифологизированных посмертных ипостасях человека (*покойник, душа* и пр.) [Виноградова, Левкиевская 2012] и о мифологизации природных явлений и человеческих состояний [Виноградова, Левкиевская 2016]. Данные исследования будут использованы нами при описании мифологических персонажей.

Независимый взгляд на систематизацию диалектных номинаций мифологических персонажей имеет О. А. Черепанова.

О. А. Черепанова в рамках региональной и исторической лексикологии провела лингвокультурологическое исследование мифологической лексики русского языка и рассмотрела принципы лексикографического описания этой лексики, основываясь на представлениях о номинациях мифологических персонажей (мифологемах) в сознании носителей языка, реализуемых во фольклорных источниках, и актуализируя различные дифференциальные свойства понятия. В центре внимания автора находится низший разряд

демонологической лексики, а именно номинации: *вѣдьма, лѣший, домовой, кикимора, русалка* и пр. [Черепанова 1983].

В основе данного широкомасштабного исследования, включающего более 700 номинаций, лежит классификация диалектных номинаций персонажей по степени ирреальности, функциям, месту и сфере обитания, формам их проявления, облику, атрибутам и отношению к ним человека. Однако исследование было написано в 1983 году, 38 лет назад. За этот, достаточно долгий период времени вышло большое количество диалектных словарей и других значимых для нас научных работ.

Хань Цзинхуэй систематизировала мифологических персонажей, проанализировав значения и употребления номинаций мифологических персонажей (мифологем), актуальных в современной языковой картине мира и встречающихся в тех или иных художественных произведениях, разговорной речи, публицистике и пр. При этом она выявила на фоне китайского языка национально-культурную специфику мифологем, называющих мифологических персонажей в русской языковой картине мира. В основе классификации номинаций мифологических персонажей данного автора лежит место их обитания и время их появления [Хань Цзинхуэй 2012].

И. И. Русинова в течение долгого времени занимается изучением лексики, действующей в мифологических текстах Пермского края и Русского Севера и охватывающей сферу бытовой магии, знахарства и колдовства, что, несомненно, затрагивается и в нашем исследовании. В частности, И. И. Русинова, М. А. Гранова акцентируют своё внимание на номинациях домового (*домоховѣст, избник, старичок, старик, маленькая бабка, сусѣдчиха, сусѣдушко* и пр.) и лешего (*шайтан, леш, лѣшай, большущий дяденька* и пр.), а также на сюжетных мотивах, находящихся в их основе. Исходя из анализа названных лексем, авторы определяют круг мотивов, осуществляемых в наименованиях указанных духов [Русинова, Гранова 2016]. Помимо этого, И. И. Русинова провела идеографический анализ номинаций злых духов, соотносящихся с *колдуном* на уровне мотивационных отношений, в Пермском

крае. Автор привела различные наименования колдуна (*враг, икóта, икóтка, пóрча, чёрт* и пр.) [Русинова 2014]. Учёный также рассмотрела номинации *колдуна́* и *зна́харя*, отражающие севернорусские мифологические представления, на материале диалектных словарей Пермского края. Автор провела связь между номинациями и существительными, глаголами со значением речи (*заговóрщица, шептáрь, бормоту́шка* и пр.) [Русинова 2011]. В поле зрения данного исследователя попали также номинации *бу́сенки* и *кулешáта* [Русинова 2014], *вещи́ца* [Черных, Русинова, Шкураток 2016], помощники *колдуна́* (*бéси, чёртики, медуни́цы, жу́чки, ку́тьки* и пр.) [Русинова 2014a].

С. А. Толстик описывает номинацию *букáтый*, произведя историко-этимологический анализ в его семантической структуре параметрического значения внешности ('толстый') [Толстик 2016]. Подчеркнём, что этот корень особенно часто встречается в диалектных номинациях домового.

Особое значение для нас имеют исследования представителя Уральской ономастической школы Е. Л. Березович.

Е. Л. Березович, рассматривая концептуальные поля «человек» и «пространство», большое внимание уделяет мифологическому пространству. Автор предлагает исследовать три типа реалий, связанных с наименованиями мифологических персонажей внутренней формой: типовая (*лес, лешáк, гóрный* и пр.), единичная (*чудни́ца, патрóмиха* и пр.) и абстрактная (*вольнóй*). Более того, Е. Л. Березович считает, что во внутренней форме некоторых географических терминов содержится указание на мифологического персонажа или на что-либо связанное с ним, к примеру, *черторóй* 'овраг, рывина от воды' [Березович 2007, с. 180-235]. Не осталась без внимания и демонологическая фразеология с пространственным значением: *у лéшего* 'неизвестно где', *с чёрта у ту́рка* 'неизвестно откуда'. Подчёркивается и указание на мифологического персонажа в семантике пространственных обозначений: *óмут* 'нечистое место, топит или водит', *закрётье* 'заколдованное место' [Березович 2007, с. 157-162].

Кроме того, Е. Л. Березович, желая показать специфику топонимии как языкового источника информации о духовной культуре народа, описывает такие номинации, как *бес, б́ука, дья́вол, кикíмора, лёший, лешачíха, оборо́тень, обмѐн, русáлка, сатана́, скоморо́х, упы́рь, чѐрт, шайта́н* [Березович 1998, с. 180-192]. Помимо этого, автор уделяет внимание номинации *кулѐш* и близким в формально-смысловом отношении диалектным словам русского языка, которые обладают следующими значениями: персонажи низшей демонологии (*кулешáта, кулиши́, кулешмѐнец, кулешмѐнчик, куля́, кулѐма*) и названия членов ритуальных бесчинств, облачавшихся в демонов (*гуля́ш, ку́лес, кулѐс, кулесѐнок, ку́леш, кулѐш*) [Березович 2017].

Одним из наиболее значимых исследований Е. Л. Березович в соавторстве с О. Д. Суриковой является статья, посвящённая лингвистическому анализу наименований нечистой силы [Березович, Сурикова 2020], встречаемых в русских проклятиях. Авторы представляют различные номинации нечистой силы, определяют их идеографический состав, выделяют способы их наименования и разделяют их на разряды: чѐрт (*сатана́, анти́христ, дѐмон, анчиби́л* и др.), леший (*лѐмор, лѐмех, лѐман, лямба* и пр.), другие природные духи-хозяева (*горно́й, ви́хорь, водяно́й* и пр.), домашние и дворовые духи (*дурной, хлѐвник, жма, по́кша* и пр.), другие демоны (*обмѐн, ма́ры*).

Н. И. Зубов провёл этимологическое исследование, анализируя теоним *мо́кошь* и связывая его происхождение с существованием религиозной номенклатуры. По мнению автора, в основе номинации заложено водное начало, реализующее представления о жизни и смерти. Исследователь приходит к выводу, что слово *мо́кошь* имеет праславянское происхождение, но при этом не отрицает возможной связи с иранскими верованиями [Зубов 1981]. Принципы анализа, использованные автором, будут задействованы в нашей работе.

Суммируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что мифологические персонажи находятся на пересечении фольклорного, идео-

изэтнографического, лингвокультурологического, лингвистического, историко-этимологического, прагматического исследований, осуществлявшихся в рамках Русской мифологической (А. А. Потебня, А. Н. Афанасьев), Московско-тартуской (В. Н. Топоров, В. В. Иванов, А. В. Гура, Е. Е. Левкиевская), и Уральской ономастической школ (Е. Л. Березович), а также описанных в работах таких учёных, как Н. И. Зубов, О. А. Черепанова, Хань Цзихуэй, И. И. Русинова, С. А. Толстик. Тем не менее, исследований, посвящённых систематизации и классификации диалектных названий мифологических персонажей, крайне мало. Не нашли мы и классификации, где в качестве критерия взята внутренняя форма слова. В нашей работе мы будем опираться на труды О. А. Черепановой, Е. Л. Березович и Хань Цзинхуэй. Количество работ, авторы которых анализируют отдельные номинации (В. Н. Топоров, И. И. Русинова, Н. И. Зубов, С. А. Толстик), значительно больше. Их точки зрения также будут учитываться в нашем исследовании.

1.5. Понятие мифологема

О мифологеме современная лингвистика имеет двойственное представление. Одни исследователи понимают её как концепт [Быкова, Ракитина 1999, с. 139; Матвиенко 2010, с. 6]. Другие указывают на неё как на наименование, не имеющее денотата [Питина 2002, с. 35] и причисляют мифологему к единицам лексической системы [Черепанова 1983; Абыякая 2004 и пр.].

А. П. Бабушкин полагает, что понятия, являющиеся фактами воображения (мифологемы), не имеют денотат, содержат нулевой объём. Притом, воображение понимается как деятельность сознания и её результат, выражающийся в создании образов, которые не имеют соответствующего оригинала в реальной действительности [Бабушкин 1997, с. 44].

О. А. Черепанова понимает под мифологемой «слова, служащие обозначением мифологических понятий, и среди них интересующие нас наименования мифологических персонажей» [Черепанова 1983, с. 24].

В отличие от О. А. Черепановой, В. А. Маслова понимает мифологему ещё шире: это не только мифологические понятия, в том числе персонажи, но и конкретные ситуации, переходящие из мифа в миф. По мнению В. А. Масловой, мифологема есть совокупность представлений, объединённых с конкретным сценарием, причем большинство из них направлено на ведущих персонажей и ситуации, передающиеся из одного мифа в другой. Мифологемой является также и «главный герой» мифа [Маслова 2001, с. 30]. Мифологемы образуют мир в человеческом сознании и позволяют описать многие черты национального образа мышления [Маслова 1988, с. 38]. Таким образом, подчёркивается культурная и ментальная значимости номинаций мифологических персонажей.

Хань Цзинхуэй в своём диссертационном исследовании представила узкое понятие мифологемы, обозначая её как «слово особого мифологического содержания, служащее наименованием персонажа и являющееся результатом деятельности мифологического мышления по структурированию мира» [Хань Цзинхуэй 2012, с. 9].

Аналогичную точку зрения о данном понятии имеет В. И. Дынин, раскрывающий причины множественности номинаций мифологических персонажей, или мифологем [Дынин 2012, с. 96-110]. Более подробно его работа была описана ранее.

О. И. Быкова, О. Н. Ракитина считают мифологему культурным концептом, с помощью которого конкретная лингвокультурная общность интерпретирует действительность [Быкова, Ракитина 1999, с. 133-140].

С. А. Питина, с одной стороны, называет мифологему культурным концептом, а с другой стороны, именем, не имеющим денотата. По её мнению, мифологемы воспроизводят национально-культурную специфику в отдельной мифологической концептосфере денотата [Питина 2002, с.5-18].

В нашей работе под мифологемой мы будем понимать **слово (Х. Цзинхуэй), называющее главного героя мифа (В. А. Маслова) и отражающее национальное мифологическое мышление народа и,**

следовательно, имеющее культурную ценность. Среди найденных нами номинаций мифологических персонажей мы выделили несколько их типов:

1) номинации с первичным номинативным значением «мифологический персонаж»: *подполяник, баенник* и пр.

2) номинации, включающие имена собственные: *Ванюшка, Соломия-бабушка, Иван чародей, Камышианов* и пр.

3) номинации с вторичным переносным значением: *сусёдка, байстрюк, мельник* и пр.

4) номинации с семой «мифологический персонаж» в фоновом ореоле как символическое значение: *дед, тень, куранко* и пр. Под фоновым ореолом мы понимаем непонятные семы, являющиеся частью семантики слова и передающие представления и знания о явлении или предмете [Черемисина 1991, с. 38-39].

2. ДЕНОТАТИВНО-ПОНЯТИЙНЫЙ КОМПОНЕНТ

Компонентный состав лексического значения – один из дискуссионных вопросов современной лингвистики [Комлев 2003; Девкин 1979; Стернин 1979; с. 37–38; Кобозева 2004, с. 61–62, 92; Васильев 1990 и др.]. Предметом научной дискуссии является как сам набор компонентов ЛЗ, так и статус, внутренняя структура каждого из них. Не исключение и денотативно-понятийный компонент.

Уже в определении денотата мнения учёных разделились: что считать денотатом – конкретный предмет (явление, действие, признак предмета), как реалию действительности или обобщённое представление о нём? Так, например, в ряде источников денотат-реальность и денотат-представление остаются недифференцированными. Например, в словаре Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой денотат – это предмет или явление окружающей нас действительности, с которыми соотносится данная языковая единица [ССЛТ, с. 61].

И. А. Стернин акцентирует внимание на этой двойственности денотата и разделяет «предметную отнесённость» и «денотативную отнесённость».

Первый тип появляется в акте речи и есть конкретный предмет, т.е. референт. Эта отнесённость ситуативная. Второй тип (а именно его учёный называет денотатом) – это «совокупность реальных признаков в их отвлечении от реальных предметов». Это обобщённые эмпирические признаки предмета, и их мы можем представить «не глядя». Эта отнесённость системная [Стернин 1979, с. 35].

Разграничение референта и денотата восходит к работам Г. Фреге [Frege 1974] и Г. В. Колшанского, который считал, что денотат «фиксируется в сознании в логической форме и закрепляется в той или иной конкретной языковой единице» [Колшанский 1976, с. 13–14]. И. В. Арнольд также разделяет информацию ЛЗ на системную и актуальную, относящуюся к конкретному коммуникативному акту, а денотат относит к первой группе [Арнольд 1973, с. 105–106]. И. М. Кобозева выделяет два вида денотата – актуальный (референт) и виртуальный, передающий информацию о классе объектов, которые могут одинаково именоваться [Кобозева 2004, с. 61–62, 92]. Аналогичная точка зрения у А. А. Уфимцевой [Уфимцева 1974, с. 43]. Ю. П. Солодуб также писал о двойственности денотата: он может обозначать и конкретный предмет действительности и целый класс предметов. Однако акцент учёный делает всё же на идеальной сущности денотата [Солодуб, Альбрехт 2003, с. 51].

Таким образом, большинство лингвистов указывают на сложную природу денотата: денотат как референт и денотат как обобщённое представление о классе предметов. Эта двойственность инициирует дискуссию о статусе денотата в мифологемах. Ряд исследователей считает, что мифологемы имеют так называемый нулевой денотат [БЭС, с. 129; см. также о «лексических фантомах» Норман 1994, с. 54].

Однако большинство учёных склоняются к тому, что у мифологем также есть денотат: нулевым его можно считать как денотат-референт – явление прагматики. Однако если же денотат имеет идеальную сущность и является представлением, пусть и вымышленным, то такой денотат нельзя назвать нулевым. Так, Н. Г. Комлев называет такие денотаты «конструктами»,

поскольку они сформированы в сознании говорящего из отдельных эмпирических признаков [Комлев 1969]. Согласно точке зрения Л. М. Кобозевой, А. А. Уфимцевой, Л. М. Васильева, денотат мифологем является вымышленным, виртуальным как совокупность эмпирических представлений носителя языка [Васильев 1990; Кобозева 2004; Уфимцева 1974, с. 43].

Мы разделяем точку зрения ряда диалектологов, считающих денотат мифологем вымышленным, виртуальным. Кроме того, в контексте данного исследования нам важна мысль о когнитивной природе денотата как результате дологического, а точнее мифологического мышления [Кошарная 2003, с. 47–49; см. также Кириллова 2010, с. 74]. О. Г. Черепанова в своей диссертации о мифологической лексике уточняет, что такой денотат отличается от денотата абстрактных слов, поскольку в нём очень много эмпирических признаков, появившихся вследствие прозопопеи – одушевления и персонификации чего-то отвлечённого (лихорадка как домового женского пола *гнетя*). Одушевление и персонификация, как выше уже отмечалось, являются основными признаками мифологического мышления. Таким образом, согласно О. А. Черепановой, специфика денотата мифологических существ заключается в том, что он, являясь результатом олицетворения и персонификации, состоит из эмпирических признаков [Черепанова 1983, с. 102-109]. Эта же мысль у И. В. Кононовой: образные мифические объекты, несуществующие в реальном мире, имеют более явственную «конкретность» для сознания по сравнению с существующими в действительности, хоть и неосязаемыми явлениями [Кононова 2005, с. 205].

Итак, денотат диалектных номинаций мифологических персонажей назвать нулевым можно лишь в том случае, если иметь в виду факт отсутствия такого референта (существа, предмета) в реальной действительности (БЭС, Б. Ю. Норман). Денотат мифологической лексики порождён народной фантазией и представляет собой совокупность эмпирических признаков, часто являющихся результатом олицетворения и персонификации – главных маркеров мифологического мышления (Л.

М. Васильев, И. М. Кобозева, А. А. Уфимцева, С. А. Кошарная, И. В. Кононова, О. А. Черепанова).

Среди ряда специфических особенностей ЛЗ мифологем О. А. Черепанова отмечает «гипертрофированную по сравнению с прочими типами словесных знаков роль образа в формировании понятия» [Черепанова 1983, с. 109]. В дологическую эпоху язычества мифологическое мышление доминировало, и в реальности существования домового, лешего и водяного не сомневались.

В настоящее время информация о мифологических персонажах, являющихся частью русской культуры, стремительно исчезает именно потому, что поменялось доминирующее мышление: сейчас в приоритете рациональная логика, а также клиповое мышление. Поэтому понятийный компонент мифологем крайне скуден. Под понятийным компонентом мы понимаем предметнологическое значение слово, входящее в первую часть информации, называющее понятия и соотносящееся через понятие с действительностью, составляющей предмет сообщения [Стернин 1979, с. 70].

С целью наглядно доказать факт утраты сведений о мифологических персонажах мы обратились к толковым и ассоциативным словарям. ЛЗ слова, как правило, отражено в толковых словарях, а ассоциативные словари определяют «круг понятий, наиболее важный для современного русского языкового сознания, т.е. для образа мира современных русских» [Уфимцева 1996, с. 141]. Следовательно, они отражают актуальные представления о названных персонажах.

Мы систематизировали сведения о понятийном значении лексем *домовой*, *водяной* и *леший*, обратившись к известным толковым и ассоциативным словарям: САР; СРЯ18; МАС, НСРЯ, ТСЖВЯ, словарям Ожегова; Срезневского; Ушакова; ЕВРАС; САС; БАС. Визуальное и количественное соотношения значений данных лексем представлены в таблицах 1, 2 и на рисунках 1, 2, 3.

Слово *домовой* имеет два значения:

1) ‘Относящийся к дому’. Первичное значение в СРЯ18 [СРЯ18, т. 3, с. 260-262] и в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова [Ушаков, т. 1, с. 767]. В САР данная лексема используется только в словосочетании «домовой припас» [САР, т. 2, с. 727].

2) ‘Добрый или злой дух, живущий в доме’. Первичное значение в СРЯ18 [СРЯ18, с. 260-262] (наряду с предыдущим), «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [ТСЖВЯ, т. 1, с. 415] и МАС [МАС, т. 1, с. 427]. Вторичное – в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова [Ушаков, т. 1, с. 767]. В словарях «Словаре русского языка» С. И. Ожегова и «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой является единственным [Ожегов, с. 169; НСРЯ, т. 1, с. 400].

К слову *домовой* в САС отмечено единственное ассоциативное слово – ‘дом’ [САС, с. 284], а в ЕВРАС – ‘дом’, ‘деловой’, ‘ленивый’, ‘угол’, ‘хозяин’ [ЕВРАС, т. 2, с. 174].

Слово *леший* имеет три значения:

1) ‘Сказочное существо, живущее в лесу’. Первичное значение в «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой [НСРЯ, т. 1, с. 774], БАС [БАС, т. 6, с. 202], «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова [Ушаков, т. 2, с. 54], МАС [МАС, т. 2, с. 180]. Вторичное – в СРЯ18 [СРЯ18, т. 11, с. 166-167]. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова [Ожегов, с. 314] является единственным.

2) ‘Лесной’. Первичное значение в СРЯ18 [СРЯ18, т. 11, с. 166-167] в первичном значении. Вторичное – в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [ТСЖВЯ, т. 2, с. 875].

3) ‘Бранное слово’. Вторичное значение в СРЯ18 [СРЯ18, т. 11, с. 166-167], в «Толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой [НСРЯ, т. 1, с. 774] и «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова [Ушаков, т. 2, с. 54], а также в МАС [МАС, т. 2, с. 180] и БАС [БАС, т. 6, с. 202].

К слову *леший* в САС ассоциативные слова отсутствуют, а в ЕВРАС – ‘болото’, ‘люди’, ‘тайга’ [ЕВРАС, т. 2, с. 306].

Слово *водяной* имеет значения:

1) ‘Прилагательное к слову вода’. Первичное значение в БАС (с пометой *прил.*) [БАС, т. 2, с. 521-522], МАС [МАС, т. 1, с. 195], САР [САР, т. 1, с. 801], СРЯ18 [СРЯ18, т. 3, с. 261-262], «Толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой (с пометой *прил.*) [НСРЯ, т. 1, с. 190], «Словаре древне-русского языка» И. И. Срезневского [Срезневский, т. 1, с. 279], «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова [Ушаков, т. 1, с. 329] и «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [ТСЖВЯ, т. 1, с. 194].

2) ‘Приводимый в движение водой’. Вторичное значение в БАС [БАС, т. 2, с. 521-522], МАС [МАС, т. 1, с. 195], САР [САР, т. 1, с. 801], СРЯ18 [СРЯ18, т. 3, с. 261-262], «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой [НСРЯ, т. 1, с. 190], «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова [Ушаков, т. 1, с. 329].

3) ‘Как составная часть некоторых ботанических и зоологических названий’. Вторичное значение в БАС [БАС, т. 2, с. 521-522], МАС [МАС, т. 1, с. 195] и «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [ТСЖВЯ, т. 1, с. 194].

4) ‘Хозяин водных местелищ, обитающий в воде’. Вторичное значение в «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой (с пометой *м.*) [НСРЯ, т. 1, с. 190], «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [ТСЖВЯ, т. 1, с. 194]. Единственное в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова [Ожегов, с. 314] и БАС (с пометой *м.*) [БАС, т. 2, с. 521-522].

5) ‘Живущий в воде или на воде’. Вторичное значение в «Толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой [НСРЯ, т. 1, с. 190] и СРЯ18 [СРЯ18, т. 3, с. 261-262]. В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова [Ушаков, т. 1, с. 329] входит в состав первичного.

6) ‘Чиновник, хранитель водоёма’. Данное значение встречается только в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [ТСЖВЯ, т. 1, с. 194].

7) ‘Бесцветный или слабоокрашенный’. Данное значение является вторичным в БАС [БАС, т. 2, с. 521-522], «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой [НСРЯ, т. 1, с. 190].

8) ‘Предназначенный для движения по воде’. Имеется только в «Новом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой [НСРЯ, т. 1, с. 190].

К слову *водяной* в САС ассоциативные слова отсутствуют, а в ЕВРАС – ‘баня’, ‘бедствие’, ‘болото’ [ЕВРАС, т. 2, с. 96].

Проанализировав данные толковых словарей, мы можем сделать вывод, что слово *домовой* в первую очередь имеет значение ‘духа’, реже ‘чего-либо относящегося к дому’. Слово *леший* также означает ‘дух’ или ‘бранное слово’ и лишь иногда синонимично прилагательному *лесной*. Самым популярным значением слова *водяной* является прилагательное ‘относящийся к воде’. Немного реже встречается значение ‘хозяин вместилищ’ и ‘приводимый в движение водой’. Менее популярными являются значения ‘живущий в воде или на воде’, ‘составная часть ботанических и зоологических названий’ и ‘бесцветный’. В единичных случаях имеются значения ‘чиновник, хранитель водоёма’ и ‘предназначенный для движения по воде’.

Таблица 1. Значения мифологических персонажей в толковых словарях

Словари/ значения	СРЯ 18	САР	Ожего в	НСРЯ	БАС	ТСЖВ Я	Срезнев ский	Ушак ов	МАС
<i>Домовой</i>									
Относящийся к дому									
Добрый или злой дух, живущий в доме				+					
<i>Леший</i>									
Сказочное существо, живущее в лесу				+					
Лесной									
Бранное слово				+					

Водяной									
Прил. к вода					+			+	
Приводимый в движение водой					+				
Как составная часть некоторых ботанических и зоологических названий									
Хозяин водных вместилищ, обитающий в воде					+			+	
Живущий в воде или на воде					+				
Чиновник, хранитель водоёма									
Бесцветный или слабоокрашенный					+				
Предназначенный для движения по воде					+				

Рисунок 1. Количественное соотношение значений домового в толковых словарях

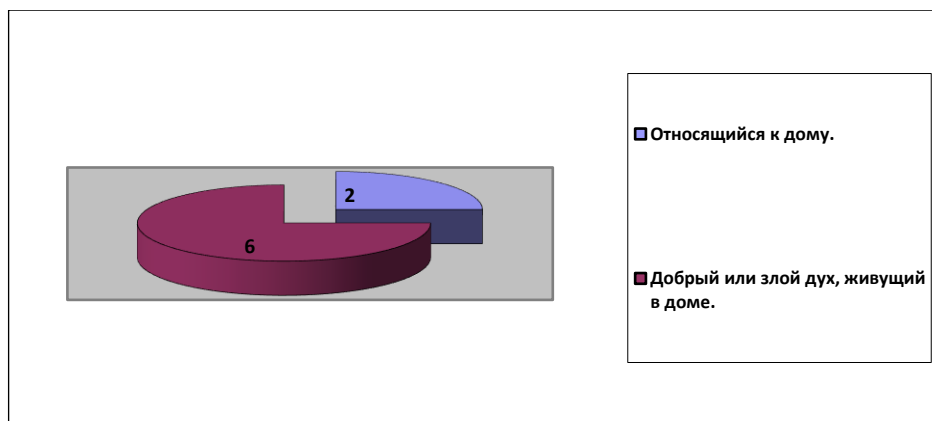

Рисунок 2. Количественное соотношение значений лешего
в толковых словарях

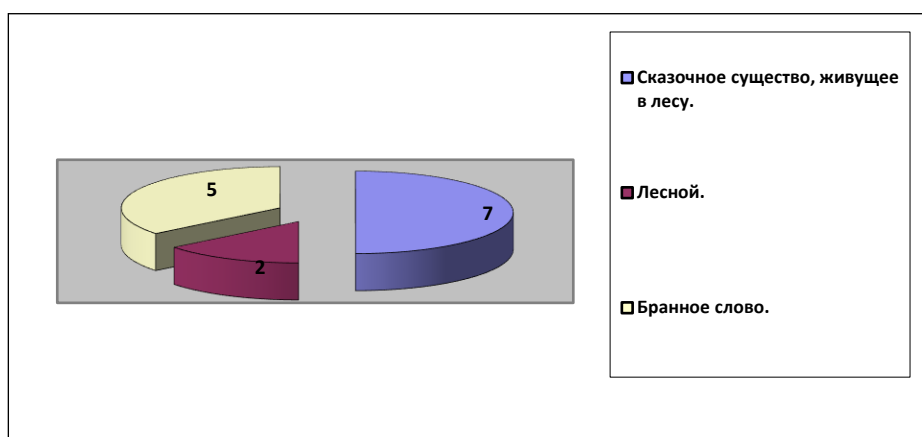

Рисунок 3. Количественное соотношение значений водяного
в толковых словарях

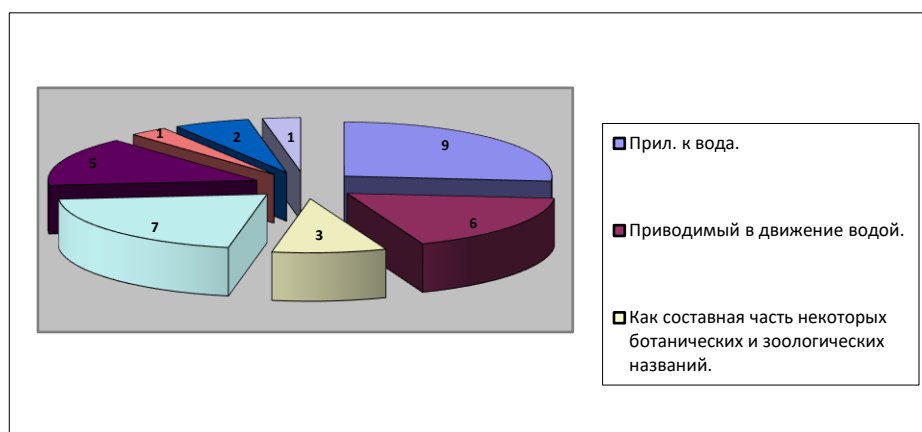

Таблица 2. Значения мифологических персонажей
в ассоциативных словарях

Словари / значения	САС	ЕВРАС
<i>Домовой</i>		
Дом	+	+
Деловой		+
Ленивый		+
Угол		+
Хозяин		+
<i>Леший</i>		
Болото		+
Люди		+
Тайга		+
<i>Водяной</i>		
Баня		+

Бедствие		+
Болото		+

Таким образом, обобщая данные таблиц, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, значение ‘мифологический персонаж’ остаётся актуальным в современном русском языке. Во-вторых, в наиболее известных толковых словарях названия выбранных нами мифологических персонажей имеют и другие значения. В-третьих, в сигнификативной составляющей ЛЗ данных понятий включена семантика, исходящая из производящего слова, называющего локус персонажа (*домовой* – относящийся к дому, *леший* – относящийся к лесу, *водяной* – относящийся к воде). В-четвёртых, в сигнификате *домового* даже в современных словарях указана амбивалентность этого мифологического персонажа: он и злой, и добрый дух одновременно. В-пятых, что касается ассоциативных словарей, они также не детализируют значение мифологического персонажа: уточняется лишь локация персонажа (*домового*–угол; *лешего* – болото и тайга; *водяного* – баня и болото). В-шестых, обратим внимание на то, что локус *водяного* и *лешего* в ассоциативном словаре пересекается: оба имеют отношение к болоту. Таким образом, современное представление о домовом, лешем и водяном крайне скудное.

Суммируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что в толковых и ассоциативных словарях отражена информация лишь о локусах мифологических персонажей и их добром и (или) злом отношении к человеку. Несмотря на значимость перцептивного компонента в сигнификате номинаций мифологических персонажей, словари не предоставляют данные об их внешности, специфических действиях, функциях. Да и локусы предельно обобщены и не дают нам полное представление о месте «обитания» домового, лешего и водяного. Такая картина говорит о потере национально значимой информации о персонажах русской мифологии и побуждает исследовать другие компоненты ЛЗ в поисках детализирующей семантики.

3. КОННОТАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ

3.1. Структура коннотативного компонента

Коннотация представляет собой дополнительные семантические и стилистические оттенки, налагающиеся на основное значение и передающие эмоционально-экспрессивную окраску [ССЛТ, с. 111]. Как и денотативный, коннотативный компонент относится к макрокомпонентам ЛЗ. Он не однороден и в свою очередь включает более мелкие микрокомпоненты (или семы) [Стернин 1979, с. 34], количество которых является предметом не теряющей актуальность научной дискуссии. Существует несколько направлений, изучающих коннотацию: семиотическое направление [Барт 1975], психолингвистическое направление [Леонтьев 1971], собственно лингвистическое направление, включающее стилистический [Шмелев 1973], прагматический [Стернин 1985], лексикологический [Телия 1986], лингвокультурологический [Апресян 1995, Маслова 1988, Алефиренко 2006] аспекты.

Несмотря на разное количество микрокомпонентов коннотации, большинство учёных выделяют так называемый традиционный состав сем:

- 1) оценочный [Арнольд 1970, Стернин 1979, Комиссаров 2002, Новиков 2001 и др.];
- 2) эмоциональный [Арнольд 1970, Стернин 1979, Комиссаров 2002, Телия 1986, Филиппов 1978, Шмелев 1973, Галкина-Федорук 1985 и др.];
- 3) стилистический [Арнольд 1970, Шмелёв 1973, Стернин 1979, Комиссаров 2002 и др.];
- 4) экспрессивно-образный [Арнольд 1970, Балли 1961, Харченко 1976 и др.].

Оценочный компонент есть базовая часть прагматического (эмотивного) значения слова. Л. А. Новиков считал его зафиксированным в языковой практике отношением говорящих к используемым знакам и соответствующим влиянием знаков на людей. По его мнению, в семантическую структуру оценочных слов входит денотативное значение, показывающее

объективную действительность, предмет и понятие, а также прагматическое значение, или коннотация, выступающее в роли языкового выражения оценки. Так, прагматическое и денотативное значения образуют лексическое значение оценочных слов [Новиков 2001, с. 459].

Эмоциональный компонент, как полагает В. Н. Телия, выполняет иллюкутивную функцию, т.е. побуждает испытывать «чувство-отношение» и представляет собой реализацию конкретного иллюкутивного намерения, достигая перлюкутивного эффекта. Благодаря таким свойствам В. Н. Телия разделяет психологическую оценку, связанную с эмоциональной сферой, на два типа: описание чувств и побуждение чувства-отношения. Автор приводит два примера: *Он – предатель, а я презираю предателей / Он – иуда, а я презираю иуд.* На первый взгляд, предложения идентичны. Однако в первом случае речь идёт об изменнике, а во втором – об изменнике, похожем на Иуду, что вызывает дополнительную эмоциональную окраску [Телия 1986, с. 61].

Стилистический компонент. Д. Н. Шмелёв называет экспрессивно-стилистическую окраску информацией, указывающей на отношение говорящего называемым данными словами явлениям, предупреждающей об условиях речевого общения, описывающего говорящего с разных сторон [Шмелёв 1973, с. 249]. Мы полагаем, что стилистический компонент коннотации выполняет прагматическую функцию, т.е. устанавливается отношение говорящего к предмету речи. И. А. Стернин анализирует «коннотативный семантический компонент», отмечая, что данный компонент отражает отношение адресата к предмету в виде оценки и эмоций [Стернин 1985, с. 45].

Экспрессивный компонент. Е. М. Галкина-Федорук определяет экспрессию как «усиление выразительности, изобразительности, увеличение воздействующей силы сказанного. И всё, что делает речь более яркой, сильно действующей, глубоко впечатляющей, является экспрессией» [Галкина-Федорук 1958, с. 107]. В роли экспрессивного средства выступают семантические взаимодействия корневой морфемы с суффиксом. Они

выражают какое-либо отношение к лицу: уменьшительно-ласкательное, пренебрежительное и пр.

Говоря об экспрессивности в слове, стоит отметить и фонетическую организацию, или звуковой образ слова. К примеру, номинация *лѣсик*, образованная с помощью мягкого бокового сонанта [л'] и шумных глухих с', к, соединённых гласными переднего ряда (э, и), дополняет своё уменьшительно-ласкательное значение.

Экспрессивно-стилистические синонимы, как правило, создают широкий диапазон номинаций с положительной оценкой: *домово́й, домовѣдушко, домобушко, домовитушко* и пр.

Образный компонент. Образность возникает вследствие взаимообусловленности образно мотивирующего и образно мотивируемого значений [Балли 1961, с. 228].

В. К. Харченко, рассматривая образность как элемент коннотации наряду с экспрессивностью, оценочностью и эмоциональностью, называет её способом представления значения слова. Он выделяет два признака образности: зрительность и сравнительную недолговечность, т.к. со временем слова могут приобретать различную образность на основе метафорического оценочного значения [Харченко 1976, с. 66-68]. Слова могут быть оценочными, но не образными (номинация *милáк*) или образными, но не оценочными (номинация *лѣший*), а могут совмещать в себе образность и оценочность: *жирові́к, гробовка*. Так или иначе, образность присутствует в большинстве номинаций мифологических персонажей, так как сами по себе мифологические персонажи выдуманы народом в целях объяснения определённых жизненных ситуаций, а значит, в каждом из них заложена определённая метафоричность, т.е. образность.

Однако мы считаем, что в связи с ослабленной гипертрофированной эмпиричностью номинаций мифологем [Черепанова 1983, с. 109] **наша задача – реконструкция семантики образа национальных мифологических персонажей, в частности, деталями внешнего облика и уникальных**

действий – может быть выполнена только при расширенном понимании микрокомпонентного состава коннотации мифологемы и включении в неё мотивационных сем внутренней формы слова, сем символического значения, сем гендерных стереотипов, а также сем, источником которых являются факты зоологии, этологии, географии ландшафта и гидрообъектов.

Впервые о национальной специфике коннотаций в русской лингвистике писал Л. В. Щерба [Щерба 1958, с. 86], положив начало лингвокультурологическому направлению в структурировании коннотации. За основу берётся положение о том, что коннотация отражает культурные традиции, национальные представления о мире, которые Ю. Д. Апресян называет «семантическими ассоциациями» [Апресян 1995, с. 67]. В концепции Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова носителями такого рода информации являются непонятные, фоновые, семы, которые в совокупности формируют лексический фон [Верещагин, Костомаров 1980].

Традиция рассмотрения коннотации как мотивационных сем внутренней формы и инициируемых ими символических смыслов восходит к учению А. А. Потебни. В. Н. Телия называет «культурной коннотацией» (термин В. Н. Телия) образно-мотивированный аспект в категории культуры – внутреннюю форму слова [Телия 1986, с. 5]. В. А. Маслова к культурной коннотации относит не только внутреннюю форму слова, но и «компоненты с символическим прочтением» [Маслова 2001, с. 42]. Вслед за Ю. Д. Апресяном Н. Ф. Алефиренко считает, что к культурной коннотации следует относить «образную структуру» внутренней формы, «этимологическую память слова». Особое внимание автор акцентирует на «внеязыковой (пресубпозиционной) природе культурных коннотаций» [Алефиренко 2010, с. 209]. Н. Г. Комлев также подчёркивает, что «созначения» можно считать символическим компонентом семантики слова, являющимся центральным компонентом коннотации и относящимся и к языковому, и к речевому уровням языка [Комлев 2003, с. 116-119]. Р. Г. Давлетбаева и З. Д. Ханова акцентируют своё

внимание на национальной специфике в коннотативной лексике и считают её лингвокультурологической категорией, эмоционально-экспрессивными, метафорическими, символическими, мифологическими компонентами [Давлетбаева, Ханова 2012, с. 340-343].

В отечественном языкознании возникла традиция относить к коннотации не только национально ориентированные, но и социальные, а также гендерные семы. Так, К. А. Долинин включает в коннотацию стилистическую окраску, отражающую социальную дифференциацию общества [Долинин 1987].

Г. И. Берестнев выделяет в коннотации прагматический микрокомпонент, куда относит характеристиками, стереотипами, которые определились в данной культурно-исторической обстановке [Берестнев 2002].

Наиболее полно этот компонент коннотации разработан Г. В. Говердовским, который в структуру стилистического значения (коннотации) включает социально-жанровый компонент, в состав которого входят разные типы окрасок: ситуативно-психологические (ирония, эвфемистичность, усиление и пр.), социально-лингвистические (жаргонность, разговорность, книжность), собственно языковые (иноязычность, архаичность, терминологичность), локальные (диалектность), окраска принадлежности трём стилям (возвышенное, сниженное и т.д.), окраска, показывающая принадлежность к определённому классу речевых жанров (разговорное, официально-деловое, научное и т.д.) и, наконец, что особенно важно подчеркнуть, окраска, связанная с биологическими признаками носителя (пол, возраст и т.д.) [Говердовский 1989].

Е. М. Сторожева предлагает делить все компоненты коннотации на внутриязыковые и внешнеязыковые. К первым относятся те компоненты, которые соответствуют восприятию слова с учётом исторического развития языковой системы. Они, в свою очередь, делятся на диахронические (прослеживают изменения в слове, произошедшие в течение какого-либо времени) и мотивационные (дополняют значение языковой единицы ассоциативно-образным представлением с помощью внутренней формы слова).

Вторую группу составляют внешнеязыковые компоненты коннотации. Главную роль здесь играют экстралингвистические факторы, включающие в том числе и социальную среду [Сторожева 2007, с. 115].

Таким образом, идея учитывать в коннотативном компоненте социальное и гендерное поведение, а также локальную (областную) специфику слова активно обсуждается в лингвистической науке. **Мы полагаем, что к культурной коннотации следует отнести ряд сем, источником которых являются:**

1) национальные гендерные стереотипы – культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов, отражение гендерной стереотипизации на всех уровнях языка, а также её тесную связь с формами выражения оценки в языке [СГТ, с. 98; Маркина 2019, с. 246];

2) факты зоологии, этологии, географии ландшафта и гидрообъектов. Их роль в раскрытии внутренней формы диалектизмов, возникших в определённых районах России, иногда имеет решающее значение. Уникальность ряда мифологем (см. параграф 3.4.2.4) заключается в том, что в их внутренней форме особенно отчётливо «звучит» голос природы той местности, где эти слова были зафиксированы. А значит, национально-культурная и когнитивная составляющая слова материализуется в образах конкретного животного, ландшафта или водоёма России. Об этом см. в статье [Якушевич, Ивашина 2020, с. 181-186].

Итак, учитывая значимость для нашего исследования лингвокогнитивной концепции мифологического персонажа и скудность информации в понятийном толковании исследуемых номинаций, мы разделяем точку зрения ряда учёных о расширенном составе микрокомпонентов коннотации ЛЗ и включаем семы национальных гендерных стереотипов, а также семы, отражающие этнографические, зоо- и этологические факторы, данные географии ландшафта и гидрообъектов. Таким образом, помимо традиционных микрокомпонентов в состав коннотации мифологемы входит:

1) внутренняя форма слова (В. Н. Телия, Ю. Д. Апресян, Н. Ф. Алефиренко, В. А. Маслова);

2) символическое значение слова (В. А. Маслова, Н. Г. Комлев, Р. Г. Давлетбаева, З. Д. Ханова);

3) социальные семы, полученные в результате индивидуальной или групповой дифференциации общества, в том числе и гендерные (Е. М. Сторожева, Г. В. Говердовский);

4) этнографические, зоо- и этологические факторы, а также данные географии ландшафта и гидрообъектов.

3.2. Источники коннотации диалектного слова

3.2.1. Оценочная корневая морфема

Корневым называется морф, который имеется во всех словоформах и содержит в себе базовый элемент ЛЗ [ССА, с. 14]. Среди номинаций мифологических персонажей мы выделили номинации, в корневой морфеме которых включена положительная (*родімец, ласка, доброхот, лад* и др.) и отрицательная (*во́рог, негóдный, ляд* и др.) оценки.

По суеверным представлениям, леший незаметно проникал в дом и, подобно домовому, следил за тем, чтобы люди жили ладом [Калашников 2014, с. 104]. Вероятно, так возникла номинация – *лад* ('домовой'). Слово *лад* считается однокоренным с *лагодой* в значении 'мир, лад, порядок' [ЭСРЯ1, с.231]. Пример: *Лад* ты возьми. Где у *ладов*! [СРНГ, т. 16, с. 227].

Положительная оценка в номинации *норово́юшко* [СВГ, т. 5, с. 112] отмечена не только ласкательным суффиксом *-юшк-*, но и тем, что произошла от *норовить* 'угождать' [Фасмер, т. 3, с. 84]: *Норовоюшко* дома живёт, ребята видели его [СВГ, т. 5, с. 112].

Номинации по прилагательным *родимый* – *родімец* (Орл., Калуж., Новосиб.) [СРНГ, т. 35, с. 133] и *милый* – *милáк* (Курск.) [СРНГ, т. 18, с. 159] – подчёркивают уважительное отношение домочадцев к их духу-покровителю. Отметим, что производящее прилагательное *родимый* указывает и на связь мифологического персонажа с родом. Как уже было сказано ранее, домовый

считался предком-родоначальником. Пример: *Приедут, как **родимцы**, волосы накрашены, вот так юбашки* [СРНГ, т. 35, с. 133].

Мифологический персонаж *гробóвка (Волог.)* [СГРС, т. 3, с. 136] обитает в воде и топит других: *Утонет девка кака – станет **гробовкой**, сама других топит* [СГРС, т. 3, с. 136]. Номинация восходит к праславянскому **grobь* ‘могила, склеп, гробница’ [ЭССЯ, т. 7, с. 133]. Вероятно, вода становится могилой для тех, кого топит описываемый дух.

Слова *дурно́й* и *лихо́й* объединены синонимичными производящими словами – *дурь* и *лихо*. В некоторых оценочных значениях слова *лихо* и *ляд* синонимичны: 1) ‘нечистая сила’, 2) ‘горе-беда’. А ‘болезнь’ есть в трёх номинациях – *дурь*, *ли́хо* и *ляд*. Отрицательная оценка этих слов сохраняется и в значении ‘домовой’, о чём можно судить из контекстов: *Ах, горя какая! Дурной – от всю лошадь измучал, кости да кожа только остались* [СРНГ, т. 8, с. 268] // *Лихой тебя возьми (измучь, избеи)!* [СРНГ, т. 17, с. 76] // *Пошёл ты к ляду!* [СРНГ, т. 17, с. 259].

Древнерусский корень *-лих-* ‘злой, дурной, несчастный’ [Фасмер, т. 2, с.505] имеется в диалектизме *лихомáнник (Яросл.)* [СРНГ, т. 17, с. 80]. Отметим, что в составе последней номинации выделяется ещё и корень *-ман-* ‘что-либо манящее’ [ЭСРЯ1, с. 255]. Таким образом, леший и делающий, и манящий зло. Пример: *Я слышал, как **лихоманник**-то кричал около полуночи в ближнем лесу разными голосами* [СРНГ, т. 17, с. 80].

Диалектные номинации домового, лешего и водяного, в корневых морфемах которых отображена положительная и отрицательная оценки, систематизированы в Таблице 3.

Таблица 3. Оценочные корневые морфемы
в номинациях домового, лешего и водяного

Оценка	Домовой	Леший	Водяной
Положительная	<i>Доможі́л, доможи́рко, доброхо́д ушко, доброхо́т, жи́рові́к, жи́ровый, жи́тель,</i>	<i>Вольный, лад, пра́ведный, сесі́льный</i>	<i>Жи́тель</i>

	<i>жіхарь, жихарёк, жихорічка, жихаріха, жіхорько, жихорюшко, матица- доброхотица, милак, норовоюшко, родімец</i>		
Отрицательная	<i>Страхилат, дурной, страхилатка, ляд, лихой, чертан, анчутка, мардас, навной, упирь, кикимора, кикумора, еретник, кикиморка, марушка, мара, шиликун, коловёрш, лёмбой, шайтан, Ванюшка, нечисть банная</i>	<i>Анчутка, ворог, враг, дикий, диконький, Иван чародей, леман, лёмбой, лёмор, лихоманник, неведом ый, негодный, некрещёный, проклянённый, проклятый, сатайла, сатана</i>	<i>Албаста, анцибал, анчутка, ворогуша, гадюга, гробовка, кондрашка, кривохвостик, кромешники, куляш, мавка, мартушка, проклянённый, проклятый, русалка, русланка, святка, черташка, шелюкин, шуликин</i>

Номинации *домового* имеют и положительную (17 ном.), и отрицательную (22 ном.) оценки практически в равной степени, тогда как в номинациях *лешего* отрицательная оценка значительно преобладает: 4 положительных ном. и 17 отрицательных ном. Номинация *водяного* с положительной оценочностью обнаружилась в единичном случае.

3.2.2. Экспрессивные деминутивы

Исследователи выделяют словообразовательные форматы как источники коннотации в слове. Е. А. Земская включает сюда все словообразовательные суффиксы, выражающие ту или иную оценку, либо эмоционально характеризующие предмет или явление [Земская 2011, с. 125-128]. На способность словообразовательных суффиксов выражать дополнительные оттенки значения слов указывают такие исследователи, как В. В. Лопатин, Улуханов [ССА, с. 5; Улуханов 2011], Н. А. Бекетова [Бекетова 2014] и др.

С целью систематизации аффиксальных средств в данном исследовании особое значение мы придаём уменьшительно-ласкательным суффиксам, или деминутивам. Под деминутивом мы подразумеваем суффикс, который не меняет лексическое значение и часть речи производящего слова и выражает ласкательность как основное (-ушк(а)-безударный, кровинушка), одно из основных (-чик-, трамвайчик), или побочное значение (-онок-, внучонок) [Фуфаева 2017, с. 19].

Частотное использование деминутивов при наименовании мифологических персонажей обусловлено табуированием: чтобы не разозлить или не обидеть духов, люди ласково обращались к ним. Примером могут служить приговоры: *Дедушко-домовеюшко, вот тебе дар Божий, скотинка. Корми сладко, стели местушко гладко, сам не обижай и детям не давай* [Мадлевская 2005, с. 201] // *Дворовой батюшка, дворовая матушка со своими малыми детушками, Христос воскрес!* [Мадлевская 2005, с. 202]. Деминутивы применялись и при обряде приношения с целью задобрить духа. Так, в Костроме *овиннику* приносили пироги и петуха, чтобы отблагодарить его за хорошую работу: *Спасибо, хозяинушко-батюшко, что подсобил обмолотиться* [Мадлевская 2005, с. 212].

И.В. Фуфаева выделяет 4 типа деминутивов, в которые входят суффиксы, выражающие не только экспрессию, но и нейтральные деминутивные значения [Фуфаева 2017, с. 61-73]:

1. Уменьшительные / Уменьшительно-экспрессивные. К этой группе относятся суффиксы, придающие как уменьшительность с окраской (номинация *лэсик*), так и без неё. Среди номинаций мифологических персонажей мы обнаружили суффиксы: -ок-/-ек-, -к(а/о)-, -ик-, -чик-: *игруно́к, дитя́тко, лэ́сик, корми́нчик*.

Отметим, что суффикс -ок- имеет сопутствующие значения: отдельный акт действия, способного повторяться неоднократно, названного мотивирующим словом (*кивок*), предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом (*стрелок, объедок*), предмет, сходный с

другим предметом, названным мотивирующим словом, или представляющий собой его разновидность (*язык – язычок*), единичный предмет, принадлежащий к массе вещества или совокупности однородных предметов, названной мотивирующим словом (*мелок*) [ССА, с. 577-593]. Суффикс *-к(о)-* имеет такие значения, помимо ласкательного: животное, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом (*воронко*) и неодушевлённый предмет, сделанный из материала, названного мотивирующим словом (*железко*) [ССА, с. 476]. Суффиксу *-ик-* принадлежат также значения: предмет, названный мотивирующим словом (*мультик*), лицо, характеризующееся отношением к тому, что названо мотивирующим словом (*романтик*) [ССА, с. 360-362]. Суффикс *-чик-* встречается в стилистически сниженных синонимах (*субъект – субчик*) [ССА, с. 362], а также обозначает предмет или лицо, характеризующиеся действием, названным мотивирующим словом (*лётчик*) [ССА, с. 695].

По нашему мнению, в данную группу также необходимо добавить деминутив *-инк(а)-*, образующий существительное женского рода уменьшительно-ласкательным значением: *домови́нка*. Помимо этого, этот деминутив также образует имена существительные женского рода со значением частицы (*росинка*), признака или носителя признака (*слабинка*) и предмета или явления, которые характеризуются признаком, названным мотивирующим именем прилагательным (*первинка*) [НСРЯ, т. 1, с. 591].

2. Уменьшительно-экспрессивные/экспрессивные суффиксы. К этой группе принадлежат суффиксы, которые выражают уменьшительность только с экспрессивной окраской. Это суффиксы *-ишк(а)-*, *-ушк(а)-* ударный, *-ёнк(а)-/-онк(а)-*, *-ёшк(а)-*, *-урк(а)-*, *-ашк(а)-*, а также малопродуктивные суффиксы *-ец-*, *-ц(е/о)-/-ец(о)-/-ице-*. Среди номинаций мифологических персонажей обнаружили следующие суффиксы: *-ушк(а)-* и *-юшк(а)-* ударный, *-ёнк-*, *-оньк-*, *-онок-*, *-ашк-*: *ма́тушка-подворёнка*, *мару́шка*, *Ваню́шка*, *дико́нький*, *черта́шка*. Автор отмечает, что при отсутствии уменьшительности данные

суффиксы выражают пренебрежительность, иногда с оттенками снисходительности, жалости (номинация *черташка*).

Отдельно отметим номинации с суффиксами *-ух-, -юх-*: *деду́ха, дворову́ха, двору́ха, лесну́ха, сара́юха, водяну́ха*. Данная группа суффиксов достаточно спорна, так как эти суффиксы могут образовывать названия лиц женского пола, характеризующиеся признаком или действием, которые названы мотивирующими словами. Среди найденных нами номинаций нет названий лиц женского пола, образованных от прилагательного или глагола, например: *стряпать - стряпуха, толстый – толстуха* [РГ80, т. 1, с. 150]. Помимо этого, данные суффиксы образуют: 1) стилистически сниженные синонимы мотивирующих имён существительных – личных имён и нарицательных существительных (*Валюха, Гришуха* и пр.); 2) предмет, действие или явление, характеризующиеся отношением к тому, что названо мотивирующим словом (*восьмуха, голодуха, желтуха* и пр.); 3) названия животных по их характерному признаку (*белуха, лысуха, серуха* и пр.) [НСРЯ, т. 1, с. 1112].

Для того чтобы оценить экспрессивность в данных номинациях, мы рассматриваем их производящую основу. Так, номинации *дворову́ха, водяну́ха* и *лесну́ха* имеют мужские эквиваленты: *дворово́й, водоно́й* и *лесно́й*, следовательно, в данном случае деминутив имеет значение ‘фантастическое существо женского пола, принадлежащее к разряду существ, названных мотивирующим существительным’ [ССА, с. 411]. Таким образом, мы отрицаем экспрессивность в названных наименованиях. Номинации *сара́юха* и *двору́ха* называют мифологических персонажей, обитающих в сарае и во дворе, следовательно, данные деминутивы называют лиц женского пола лицо, по роду занятий имеющих дело с тем, что названо мотивирующим существительным [ССА, с. 671]. Экспрессивность также отсутствует. Мы полагаем, что лишь номинация *деду́ха*, образованная от слова *дед*, имеет пренебрежительный оттенок, так как с помощью деминутива образуется женское наименование

мифологического персонажа, при этом сохраняются мужские черты, заложенные в сигнификате.

3. В данную группу входят исключительно экспрессивные ласкательные суффиксы, не выражающие уменьшительность вообще: *-ушк(а/о)- безударный, -еньк(а)-, -оньк(а)-, -ан(я)-, -ул(я)-, -ус(я)-, -аш(а)-, -уш(а)-, -ун(я)-, -ушек-*. Среди номинаций мифологических персонажей нами найдены суффиксы *-ушк-* и *-юшк-* *безударный, -уш-, -ашк-*: *домóвушка, жихóрюшко, ворогу́ша, черта́шка*.

В эту группу следует отнести суффикс *-он(я)-*, который, по мнению автора, является «мёртвым», вытесненным суффиксом *-оньк-* (номинация *лопухоня*) [Фуфаева 2017, с. 23].

Особое внимание, по нашему мнению, необходимо уделить лексемам *бабушка* и *дедушка*, имеющим суффикс *-ушк-*. И. В. Фуфаева подчёркивает, что при длительном употреблении диминутивов их экспрессия стирается, они приобретают нейтральное значение [Фуфаева 2017, с. 70].

4. К данной группе относятся суффиксы *-онок-, -ёнок-* и *-ёныш-*, в которых обнаруживаются экспрессивные диминутивные значения при основной специализации невзрослости. Суффиксы *-онок-, -ёнок-* также часто используются в основах с семантикой «высшие животные», а малопродуктивный суффикс *-ёныш-* образует экспрессивные окказионализмы со значением невзрослости: *шимпанзёныш, зайчоныш, галчоныш, детёныш* и пр. Среди номинаций мифологических персонажей номинации с данными суффиксами мы обнаружили: *лешачо́нок, водянёнок*.

Номинации мифологических персонажей, образованные с помощью экспрессивных деминутивов, систематизированы в таблице 4.

Таблица 4. Экспрессивные деминутивы в номинациях мифологических персонажей

Суффиксы	Домовой	Леший	Водяной
Уменьшительны е или	-чик- <i>Корми́нчик</i>	-ик- <i>Леси́к</i>	-к(а/о) <i>Де́душко</i>
уменьшительно- экспрессивные	-ок- <i>Домовичок</i>	-ок- <i>Игруно́к, мужичок</i>	<i>водяно́й</i> -ик-

деминутивы	<p>-ёк- Жихарёк</p> <p>-к(а/о)- Букáнко, гнётко, дédка, дéдко, дéдко- рыгáч, дéдушко, дídько, домовéйко, домождiрко, жiхорько, кикiморк а, котáнко, лыско, манiлко, медведко, овiнушко, сосéдко</p> <p>-инк(а)- Домовiнка</p>	<p>-к(а/о)- Белолáнко, дéдушко, курáнко, леснóй дiтятко, леснóй дéдушко, лесовóй дéдушко.</p> <p>-ик- Волосатик</p>	Кривохвóстик
Экспрессивные или уменьшительно- экспрессивные деминутивы	<p>-ёнк- Мáтушка- подворёнка</p> <p>-ушк-/-юшк- ударный Мару́шка, Ваню́шка</p> <p>-ух(а)- деду́ха</p>		-ашк- Кондрáшка, черта́шка
Экспрессивно- ласкательные деминутивы	<p>-ушк- безударный Батáнушка(о), бáтюшка, ботамáнушко, брatáнушко, дворóвушко, доброхóдушко, домовéдушка, домовéюшко, домовiдушко, домóвушко, жихóрюшко, запéчнушко, норовóюшко, овiнушко, сéдушко- букáнушко, сосéдушка, сосéдушко, сусéдушка, сусéдушка- букáнушка, сусéдушка-</p>	<p>-ушк- безударный Дóлгий дядюшка</p> <p>-еньк-/-оньк- Дикóнький</p>	<p>-ушк- безударный Мáртушка</p> <p>-уш- Ворогу́ша</p> <p>-он(я)- Лопухóня</p>

	<i>бурéдушка, сусéдушко</i>		
Экспрессивные деминутивы при специализации невзрослости		-енок- <i>Лешачóнок</i>	-ёнок- <i>Водянёнок</i>

Итак, номинации *домового* содержат наибольшее количество суффиксов, придающих слову уменьшительно-экспрессивное значение (25 ном.), экспрессивное значение пренебрежительности (1 ном.), экспрессивно-ласкательное значение (22 ном.).

Названия *лешего* и *водяного* значительно уступают в количестве названиям *домового* с точки зрения экспрессивности. Так, номинации *лешего* имеют экспрессивно-ласкательное значение (2 ном.), уменьшительно-экспрессивное значение (10 ном.) и экспрессивное значение невзрослости (1 ном.).

Названия *водяного* включают экспрессивно-ласкательное (3 ном.), уменьшительно-экспрессивное (2 ном.), пренебрежительное значение (2 ном.) и экспрессивное значение невзрослости (1 ном.).

3.2.3. Энантиосемия и оксюморон

Мы отметили, что в случае, когда наблюдается конфликт корневой морфемы, имеющей отрицательную оценку, и аффиксальной морфемы с уменьшительно-ласкательным значением, возникает энантиосемия. Такой «взрыв» оценок происходит по причине уважения и боязни к духу. К примеру, люди, стараясь задобрить водяного, проснувшегося после зимней спячки, топили лошадь в качестве подарка и приговаривали: *Вот тебе, дедушка, гостинец на новоселье: люби да жалуй нашу семью!* [СРС, с. 81].

В лингвистике явление энантиосемии впервые было описано в XIX веке и породило множество точек зрения. Так, В. Шерцль рассматривал антонимичные значения в слове и подразумевал под энантиосемией явление, при котором в одном слове совмещаются два абсолютно противоположных значения [Шерцль 1884, с. 1]. В. М. Панов считал энантиосемию

разновидностью антонимии, акцентируя внимание на том, что с греческого данный термин означает «противоположность значений внутри слова» [Панов 1984, с. 336]. Ряд исследователей акцентируют внимание на когнитивном аспекте энантиосемии. Так, К. Леви-Строс писал, что в сознании древнего человека не существовало различия между бытием и сознанием, и поэтому в мифе истина смешивалась с вымыслом [Леви-Строс 2001, с. 162-163]. О.Г. Скворцов считал, что в мифологическом мышлении каждая часть не только репрезентирует целое, но им и является, как бы вбирая в себя силу целого, его значение и действенность» [Скворцов 1991, с. 96]. И. В. Якушевич считает, что энантиосемия возникает в результате символизации – стремления максимально полно в чувственном образе «объять» познаваемую метафизическую реальность и установить противоположные пределы ее проявления [Якушевич 2012, с. 75].

В ряде исследований явление энантиосемии рассматривается в историческом аспекте как особенности внутренней формы слова: появлению энантиосемии способствует неопределённость семантики древних корней [Булаховский 1988, с. 78; Новиков 1973, с. 185], полисемичность морфем, выполняющих словообразующую функцию [Булаховский 1988, с. 79]. Более подробно феномен энантиосемии рассматривается в статье Н. С. Ивашиной [Ивашина 2021, с. 113-118].

По нашему мнению, для номинаций мифологических персонажей особенно важна энантиосемия как источник противоположных оценок персонажа. Ведь одной из значимых черт мифологического мышления является амбивалентность. Амбивалентность (от лат. *ambo* – оба и *valentia* – сила; противоречивый, двойственный) – сосуществование в глубинной структуре личности противоположных, взаимоисключающих эмоциональных установок (например, любви и ненависти) по отношению к какому-либо объекту или человеку [ФС, с. 25]. Так, в мифе постоянно присутствует противопоставление света и тьмы, добра и зла, своего и чужого.

Отметим также ещё одно проявление амбивалентности мифологического мировоззрения: аспект «правда – вымысел». К. Леви-Строс объяснял это тем, что первобытному мышлению было свойственно упорядочивание чувственного многообразия мира через классификацию окружающих объектов. Тем не менее, в мифе истина смешивалась с вымыслом, так как в сознании древнего человека не существовало различия между внешним бытием и внутренним сознанием, то есть он полагал, что абсолютно всё в этом мире реально [Леви-Строс 1994, с. 162-163].

Феномен энантиосемии О. С. Ахманова определяет следующим образом: «1. (поляризация значений). Способность слова (морфемы и т. п.) выражать антонимические значения. 2. То же, что антифразис (во 2 знач.)» [СЛТ, с. 526].

Так, наличие энантиосемии присутствует в номинациях *ворогуша*, *кривохо́стик*, *черта́шка*, *мару́шка* и др.

В семантике номинации *ворогуша* [СВГ, т. 1, с. 83] сталкиваются положительная оценка ласкательного суффикса *-уш-* и отрицательная корневая морфема: (от ст.-слав. *врагъ* ‘враг, нечистый, чёрт’ [Фасмер, т. 1, с.352]).

Мару́шка (Пск.) [СРНГ, т. 17, с. 377] – фантастическое существо, незаметно похищающее вещи [СРНГ, т. 17, с. 377]. Мотивирующая основа *-мара-* (диалектное ‘домовой’, укр. *мара́* ‘призрак, привидение’ [Фасмер, т. 2, с. 571]) сочетается сэкспрессивно-ласкательным суффиксом *-ушк-*.

Очевидное указание на нечистую силу содержится в номинациях *черта́шка* [СРГЮП, т. 3, с. 351] и *кривохо́стик* (Перм.) [СРНГ, т. 15, с. 247]. Ведь чёрту часто приписывают зооморфные признаки: рога, хвост, копыта и пр. и характеризуют его как злое существо, сидящее на левом плече [Кононенко 2013]. А одно из значений праславянского корня **krivъ*– ‘левый’ [ЭСРЯ, т. 8, с. 391; Фасмер, т. 2, с. 376], т.е. неправильный [ТСЖВЯ, т. 2, с.873]. Такое отрицательное значение в номинациях сопровождается уменьшительными суффиксами *-ашк-* и *-ик-*.

Интересно, что амбивалентность может проявляться не только на уровне морфем, но и на уровне словосочетания, что является оксюмороном. Так, Г. Г.

Курегян в своём диссертационном исследовании рассматривает оксюморон с точки зрения прагматики. Автор считает, что оксюморон усиливает признак объекта: «Внутри этого бинарного амбивалентного знака атрибут и носитель атрибуции дополняют, усложняют значения друг друга контрастными характеристиками. Атрибутивность модифицируется в оксюморонном сочетании с последующей реализацией осложненного смысла в определённом контексте. Оксюморон — это проявление «смежной» атрибуции» [Курегян 2007, с. 7]. Такие оксюморонные сочетания, или оксюморонные анализемы, образуются на основе определённой синтаксической модели и обладают денотативной соотнесённостью [Курегян 2007, с. 8].

М. В. Никитин считает, что оксюморон производит гибридное значение, так как комбинирует интенционал первого слова с нетипичным для него импликационалом, заимствующимся у второго слова. Таким образом, одно слово жертвует импликационалом, а второе – интенционалом. В результате, оксюморон сочетает несовместимые признаки [Никитин 2007, с. 107-108].

К примеру, в номинации *лесной херувим* также присутствует амбивалентность. Это оксюморон: херувимы на небе, а лес в народной мифологии – место тёмных сил и зла. Это пространство потустороннего мира [Соколов 1980, т. 2, с. 49-50].

Аналогичным примером проявления оксюморона может служить номинация *жировой чёрт*. Слово *жировой* является производным от слова *жир*, этимология которого синкретична и соединяет значения 1) ‘жить’, 2) ‘есть’ [Фасмер, т. 2, с. 56], а также ‘нажитое’, ‘изобилие в доме и пище’ [ЭСРЯ, т. 5, с. 293]). А слово *чёрт* называет нечистую силу и имеет негативное значение.

В таблице 5 обозначены номинации мифологических персонажей, включающие энантиосемию и оксюморон.

Таблица 5. Энантиосемию и оксюморон в номинациях домового, лешего и водяного

Феномен	Домовой	Леший	Водяной
Энантиосемию	<i>Гнетко́,</i>	<i>Дико́нький, лесно́й</i>	<i>Ворогу́ша,</i>

	<i>мару́шка, Ваню́шка, кикіморка, сусе́душка- бакáнушка, се́душко- букáнушко</i>	<i>ді́тятко</i>	<i>кривохво́стик, кондра́шка, ма́ртушка, черта́шка</i>
Оксюморон	<i>Жи́рово́й че́рт</i>	<i>Лесно́й херуві́м, лес честно́й</i>	

Все три мифологических персонажа имеют номинации, содержащие энантиосемию и оксюморон, практически в равной степени: *домовой* – 7 ном., *леший* – 4 ном., *водяной* – 5 ном.

Подведём итог. Коннотация является структурой объединённых между собой элементов. Отсутствие или наличие каких-либо элементов коннотации зависит от функционирования слова в конкретных областях, социальных группах, ситуациях, а также от оценки говорящего. Следовательно, каждое слово самостоятельно актуализирует коннотативные компоненты. При анализе номинаций мифологических персонажей для нас имеют особое значение такие компоненты коннотации, как психологические, социальные, функционально-стилистические, национально-культурные, этнографические, зоо- и этологические факторы, а также данные географии ландшафта и гидрообъектов. Таким образом, в ЛЗ номинаций мифологических персонажей экспрессивность выражается с помощью словообразовательных формантов, или суффиксов, имеющих уменьшительно-экспрессивное, пренебрежительное, экспрессивно-ласкательное значения и экспрессивное значение невзрослости. Помимо этого, нами были обнаружены номинации мифологических персонажей положительной и отрицательной оценками, а также номинации, имеющие энантиосемию и оксюморон.

3.3. Внутренняя форма слова как коннотативный компонент значения номинаций мифологических персонажей

Данный параграф посвящён ключевому понятию исследования – «внутренняя форма».

В концепции В. Гумбольдта язык формируется из представлений и понятий и определяет поведение человека и его позицию по отношению к объективной действительности, т.е. язык является деятельностью, трансформирующей внешний мир в собственность духа [Гумбольдт 2001, с.83]. В. Гумбольдт различал внешнюю и внутреннюю формы языка, основываясь на том, что язык есть единство материального и идеального. Он считал, что первое выражается звуковой (внешней) формой, а второе – психической субстанцией (внутренней формой). Согласно данной теории, звуковая оболочка слова взаимосвязана с обозначением предмета.

Внутренняя форма, согласно мнению В. Гумбольдта, есть проявление «духа народа». Она обусловлена психическими свойствами народа, его философией, наукой, образом мыслей, искусством и пр. Называя язык средством проявления «духа народа», В. Гумбольдт писал, что существует что-то систематическое в деятельности духа, перевоплощающее артикуляционный звук в выражение мысли, что и образует форму языка. Однако автор не рассматривал форму языка как постоянное явление или неимеющее реального бытия умозаключение, т.к. в конечном итоге она является индивидуальным способом, с помощью которого народ воспроизводит в языке свои чувства и мысли [Гумбольдт 2001, с. 71].

В учении В. Гумбольдта для нашего исследования важно то, что язык является деятельностью, трансформирующей внешний мир в собственность «духа народа». Это некая психическая субстанция, которая сначала объективируется во внутренней форме, а потом воплощается в языке [Гумбольдт 2001, с. 83]. А. А. Зализняк считает, что данное понимание внутренней формы сходно с современным пониманием термина «языковая картина мира» [Зализняк 2002, с. 41].

В концепции В. Гумбольдта миф осмысливается в качестве способа концептуализации действительности. Так, мифологическая картина мира есть мировоззренческая система, характерный образ мироведения, индивидуальный способ распознавания действительности.

В отличие от В. Гумбольдта, А. А. Потебня в своих исследованиях уделял внимание внутренней форме слова, а не языка. Учёный выявил ментальный механизм преобразования внешней формы слова, или фонетической, во внутреннюю. Как полагал Ю. С. Маслов, это своего рода лежащий в слове отголосок движения мысли, существовавшей в период возникновения слова [Маслов 2005, с. 113]. В данном процессе лишь один признак осознаваемого человеком предмета принимал участие. К примеру, в образе стола таким признаком является наличие плоскости и допустимость стлать что-либо на ней. Соответственно, этимологическое значение данного слова содержит сему 'стлать'. Подобным образом слово *туча* имеет признак льющейся жидкости, ведь корень *-ту-* означает 'пить, лить'. А слово *окно*, связанное со словом *око*, имеет признак смотрящего глаза [Потебня 1999, с. 97].

Внутренняя форма, по мнению А. А. Потебни, представляет собой вовсе не этимологическое значение, а его связь с общепринятым представлением о предмете, т.е. отношение содержания мысли к сознанию [Потебня 1999, с.98]. Так, внутренняя форма слова *туча* – это соотношение всего образа тучи и наличия в ней жидкости. Таким образом, по А. А. Потебне, внутренняя форма слова есть выделенное народным сознанием одно ключевое свойство предмета (т.е. этимон), соотнесённое с обобщённым полным представлением об этом предмете, т.е. денотатом, и воплощённое в звуковом облике слова, т.е. внешней форме. Например, в слове *сосёдка*: мотивирующая основа *-сосед-* имеет общеславянский корень **sqsědъ*, соотносительно с *sъsěděti* 'сидеть рядом, жить вместе', в котором *съ* 'вместе', а *sěděti* 'сидеть' [ЭСРЯ1, с. 422]. Концепция А. А. Потебни незаменима при анализе внутренней формы слова с производной основой или в случае затемнённого значения производящего слова.

А. Ф. Лосев также считал, что внутренняя форма есть отношение мысли к сознанию. Под мыслью он подразумевал идею предмета, её смысл, а не человеческую мысль о предмете. А. Ф. Лосев, как и А. А. Потебня, акцентировал внимание на том, что внутренняя форма может возникать в процессе общения, т.е. в контексте. Однако, по А. Ф. Лосеву, предметом

общения становится объективная вещь со своей объективной идеей. Разные люди, смотря на одну и ту же вещь, могут называть её по-разному, но понимание этой вещи остаётся похожим, а вот интерпретация предмета различается. Именно таким образом, по его мнению, появляется внутренняя форма слова: изначально объективная вещь имеет общую идею для всех людей, потом её смысл сравнивается со смыслом другой вещи и становится её внутренней формой, или нозмой [Лосев 1993, с.64]. Следовательно, внутренняя форма, по А.Ф. Лосеву, – это субъективное восприятие объективного смысла предмета, которое под влиянием общения может приобрести или не приобрести общеязыковой характер.

Особый взгляд на внутреннюю форму изложен в концепции П. А. Флоренского. Он сравнивал её с «телесной душой», которая происходит от акта духовной жизни. Так, внешняя форма является неизменяемой, а внутренняя – индивидуальной. Исследователь отмечал трёхфазовое строение слова. Внешняя форма имеет две составляющие: фонему и морфему. Морфема же поддерживает семему и внутреннюю форму слова. Так, философ убеждён, что слово обладает так называемой душой, поэтому семема имеет свойство безгранично расширяться, влияя на строение содержащихся в ней духовных элементов, принимать новое содержание, связанное с предыдущим, менять свои очертания. Эта душа не порождает внешнюю форму, а только «облекает», трансформируя её [Флоренский 2013, с. 132]. Такой взгляд на внутреннюю форму в полной мере можно соотнести с диалектными номинациями, так как они возникли путём чувственного восприятия народом того или иного феномена действительности. Наглядным примером трансформации морфемы может служить номинация лешего *блуд*. Ст.-слав. *Блждь* имеет значение ‘беспутство, распутство’ [ЭССЯ, т. 2, с. 126]. Со временем значение номинации расширилось, и появилось значение русск. *блуд* ‘уклонение от прямого пути в прямом и переносном смысле’ [ТСЖВЯ, т.1, с. 88].

Н. Ф. Алефиренко исследует внутреннюю форму в совокупности всех смыслообразующих компонентов, рассматривая её ономаσιологическую и

семасиологическую трактовки, на примере фразем. При детальном анализе внутренней формы Н. Ф. Алефиренко задаётся вопросом: «Внутренняя форма — синхронный компонент значения или его культурно-исторический стимулятор?» [Алефиренко 2006, с. 132].

Автор подвергает сомнению точки зрения лингвистов, наблюдающих взаимозависимость предметов с их генетическими образами. В представлении Н. Ф. Алефиренко внутренняя форма слова не может быть отождествлена с генетическим образом, т.к. она становится его единственным выразительным признаком, представляющим собой всю универсальность дискурсивно-когнитивного образа. Он подчёркивает, что необразные знаки также имеют внутреннюю форму, и утрата внутренней формы не всегда придаёт знакам статус необразных: «В таких случаях образность создаётся двуединым «видением двух картин», проектируемых – первичной денотативной ситуацией, закодированной прямыми номинативными значениями контекста, и вторичной денотативной ситуацией, репрезентируемой обобщённо-переносной семантикой» [Алефиренко 2006, с.133]. Лингвист пишет о сигнификативной природе внутренней формы: она является эпидигматическим звеном между денотатом и коннотацией и предстаёт как обобщённо-абстрагированное понятие о денотате, формирующее предельно конкретные ассоциативно-образные коннотации [Алефиренко 2006, с. 135].

Н. Ф. Алефиренко, помимо внутренней формы эпидигматического типа, указывает ещё и на внутреннюю форму словообразовательного типа. Такой вид внутренней формы свойственен словам, образованным от общего для них другого слова по живой словообразовательной модели. В результате любое слово, имеющее деривационную историю, является носителем внутренней формы. Примером может служить слово *поджарка* (*под-жар-ка – жарить*). Однако, как замечает автор, не во всех словах внутренняя форма очевидна, как, например, у слова *вертлуг* – ‘подвижный конец бедренной кости, входящий в чашку таза’. При этом следует различать равные деривационные истории сходных по звучанию слов. Их внутренняя форма также отличается. Например,

слово *поджарка* могло быть мотивировано словом *поджарый* – ‘сухощавый и мускулистый, сухопарый’. Это важно для различения слов-омонимов [Алефиренко 2006, с. 136].

Таким образом, в учении Н. Ф. Алефиренко внутренняя форма слова обладает способностью к субъективному представлению номинации в языковом сознании носителей определённого языка. Она не ограничивается лишь концептом, эмосемой или этимологическим значением. Автор говорит о внутренней форме слов как о словесно-логическом представлении заключённого в них смысла [Алефиренко 2005, с. 7]. Эта теория играет важную роль в нашем исследовании, так как мы имеем дело с диалектной лексикой, насыщенной словами с деривационной историей.

Ю. С. Маслов считает, что базовую часть внутренней формы большинства слов составляет мотивировка [Маслов 2005, с. 122]. Данное понятие даёт обоснование звуковой оболочке слова. Так, мотивированными являются слова *столяр* (делает столы) или *кукушка* (кричит ‘ку-ку’). В том случае, если слово не имеет очевидную мотивировку, оно является немотивированным (*орёл, слесарь* и пр.) [Маслов 2005, с. 123]. Следовательно, по мнению Ю. С. Маслова, внутренняя форма слова – содержащийся внутри слова след того движения мысли, которое присутствовало во время появления слова [Маслов 2005, с. 81]. Более того, мотивировка иногда бывает связана с эмоциональной коннотацией. Автор приводит в пример слова с «неприятной» мотивировкой, которые сознательно заменили на слова с нейтральной мотивировкой: *прислуга* – *домашняя работница*, *жалование* – *заработная плата* [Маслов 2005, с. 123].

В. В. Колесов, рассуждая об образовании концептов, полагал, что на первом уровне развития корня стоит концептум, мысль (то, что А. А. Потебня называл внутренней формой). Первообраз, или первосмысл, материализованный в слове, с течением времени приобретает иные значения за счёт прибавления суффиксов.

В. В. Колесов считал, что внутренняя форма, заключаясь в слове, «необъективна» по отношению к сущности вещи и в то же время само её присутствие свидетельствует о необходимости к познанию сущности вещей. Таким образом, исследователь приходит к выводу, что концептум, или внутренняя форма – это «инвариант всех возможных значений, данный как отношение смысла знака к обозначенной им вещи» [Колесов 2018, с. 444]. По мнению автора, данный «первосмысл» является исходной точкой символического значения, его источником [Колесов 1992, с. 34].

С точки зрения Е. В. Огольцевой, внутренняя форма включает в себя совокупность представлений, чувств, характерных для носителя того или иного языка. Она является способом обозначения предметов реального мира и отражает путь их видения, их духовное проявление. Внутренняя форма – промежуточное звено между мышлением и языком. Рассматривая внутреннюю форму слова, автор полагает, что она есть образ, предшествующий формированию понятия. В семантике производных слов с конкретным предметным значением (подснежник – под снегом, опёнок – около пенька и пр.) наиболее отчётливо отражается связь между образом и понятием. Е. В. Огольцева считает внутреннюю форму компонентом семантики производного слова, компонентом его лексического значения [Огольцева 2019, с. 37-39].

Подведя итог обзору точек зрения на понятие «внутренняя форма» и суммируя их, приведём итоговую таблицу 6.

Таблица 6. Ключевые понятия внутренней формы

<i>Учёный</i>	<i>Термин</i>	<i>Значение термина</i>
А. А. Потебня	Внутренняя форма слова	Выделенное народным сознанием одно ключевое свойство предмета, т.е. этимон, соотнесённое с обобщённым полным представлением об этом предмете, т.е. денотатом, и воплощённое в звуковом облике слова, т.е. внешней форме
П. А. Флоренский	Внутренняя форма слова	Соотношение содержания слова и собственно внутренней формы слова

А. Ф. Лосев	Внутренняя форма слова	Субъективное восприятие объективного смысла предмета, которое под влиянием общения может приобрести или не приобрести общезыковой характер
Н. Ф. Алефиренко	Внутренняя форма слова	Внутренняя форма слов как словесно-логическое представление заключённого в них смысла
Ю. С. Маслов	Мотивировка	Содержащийся внутри слова след того движения мысли, которое присутствовало во время появления слова
В. В. Колесов	Концептум	Инвариант всех возможных значений, данный как отношение смысла знака к обозначенной им вещи
А. А. Зализняк	Внутренняя форма	Это осознаваемая говорящими мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова, т.е. образ или идея, положенные в основу номинации и задающие определённый способ построения заключённого в данном слове концепта
Е. В. Огольцева	Внутренняя форма	Компонент семантики производного слова

В нашем исследовании мы опираемся на определение внутренней формы А. Зализняк [Зализняк 2002], суммирующей, на наш взгляд, точки зрения разных учёных: это **осознаваемая говорящими мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем (Н. Ф. Алефиренко) или исходным значением того же слова, т.е. образ или идея, положенные в основу номинации (А. А. Потеня, А. Ф. Лосев, П. А. Флоренский) и задающие определённый способ построения заключённого в данном слове концепта (В. В. Колесов), компонент семантики производного слова (Е. В. Огольцева); иногда в том же значении**

используется термин **мотивировка** (напр., [Маслов 2005]); несколько шире используется термин **мотивация** ([Толстая 2002]). Кроме того, внутренняя форма, имеющая семную природу, является коннотативным компонентом ЛЗ.

3.4. Символическое значение как коннотативный компонент лексического значения номинаций мифологических персонажей

Уникальность диалектного слова как знака состоит в целостности языкового и культурного бытования. В диалектизме кодируются черты личности, относящейся к определённой национальности и имеющей определённый менталитет – систему религиозных представлений, или иначе – мифологическое мировоззрение народа. В настоящее время крайне мало работ, посвящённых языковой природе символического значения, его иерархическому статусу в системе смыслов слова, источникам его появления в слове.

Согласно классическому учению А. А. Потебни, лингвистически обусловленным источником символического значения является внутренняя форма слова. Учёный полагал, что слово имеет два содержания. Одно из них – совокупность субъективно выделенных признаков. Так, перцептивным образом слова *окно*, является обобщённое представление о раме со стеклом. В числе его многочисленных признаков – прозрачность, отверстие в стене, квадратная или прямоугольная форма и пр. Другое, объективное, – ближайшее этимологическое значение слова. Это только один признак, объективно выделенный в народном сознании как ‘прозрачность, то, куда смотрят или куда проходит свет’ [Потебня 1999, с. 97]. Именно так признак ‘куда проходит свет’ соотносится с обобщённым перцептивным образом окна и мотивирует номинацию предмета через уподобление с человеческим глазом: ведь только при помощи него мы можем судить о прозрачности и светопропускности окна. Так возникает внутренняя форма слова *окно*: буквально ‘то, что прозрачно и поэтому подобно глазу’. Уподобление глазу – символическое значение слова *окно*. Этимон как источник символического значения рассматривается в исследованиях А. Н. Афанасьева [Афанасьев 1854], М. М. Маковского [Маковский 1996], К. А. Свасьяна [Свасьян 1989].

«Зерно первосмысла», или «концептум», «первосмысл» В. В. Колесова соотносимый с понятием «внутренняя форма» А. А. Потебни, присутствует во всех корнях индоевропейских языков и инициирует «ментальную матрицу» семантики образа, символа и понятия [Колесов 2018].

Анализ мотивационной функции внутренней формы как источника символического значения положило начало исследованиям о многозначности слова, включающего символическое значение – слова-символа. Так, символ в теории В. В. Виноградова вырастает из тезиса «лексема – это синкретизм смыслов» [Виноградов 1976, с. 372], который «всплывает», разворачиваясь в тексте в виде слов или словосочетаний («целостных лексем»). Они формируют смысловые ряды, переход между которыми возможен благодаря параллелизму и метафоре. Столкновение между этими рядами в одном из «сцепляющих» механизмов вызывает у читателя эффект внезапности и вспышку эмоций. Символ, по В. В. Виноградову, подобен лексеме своей синкретичностью смыслов, но отличается тем, что является единицей речи: «сеть» смысловых приращений дополняют его семантику и являются важнейшим источником символического значения [Виноградов 1925, с. 12-21].

Близко к теории В. В. Виноградова более позднее понимание символа как проявление речевой полисемии П. Рикером: в контексте реализуются несколько разных и даже противоположных значений, объединённых под одним именем [Ricoeur 1969, с. 72].

В. Н. Телия символическим значением называет переносное значение конкретной единицы, помогающей представить непредметное явление. При этом предметная (перцептивная) семантика преобразуется в отвлечённое значение [Телия 1981, с. 270].

Е. В. Шелестюк в своём исследовании рассматривает символ как многосмысловой мотивированный знак, «репрезентирующий помимо собственного денотата ...качественно иной, отвлечённый или абстрактный референт». Исследователь отмечает мотивацию означаемым символа его означаемого. Механизмами такой мотивации является метафора и метонимия

[Шелестюк 1997, с.46 – 54]. Слово имеет «символическую ауру» имплицитных сем, имеющих древний архитипический характер. «При актуализации имени в соответствующем контексте аура воплощается в переносном символическом значении. Возможно воплощение сразу нескольких слоёв ауры, в этом случае в слове реализуются сразу несколько символических значений» [Шелестюк 1997, с. 140]. Аналогичное мнение у М. В. Никитина, который считает, что символическое значение возникает на импликационной (метонимия), аналогической (метафора), гипер-гипонимической природе ассоциаций [Никитин 1996, с. 191].

А. В. Медведева также считает, что символическое значение возникает из сопоставления семем в составе одной лексемы («семантема»), точнее из двух денотативных и двух коннотативных значений – это вторичное коннотативное значение, не имеющее мотивированную связь с первичным денотативным значением [Медведева 2000, с. 46–48].

Опираясь на историко-языковую концепцию символа В. В. Колесова, А. В. Алексеев утверждает, что исследование символического значения слова обязательно должно осуществляться в диахроническом аспекте и основываться на тесной связи языка и культуры в перспективе исторического изменения ЛЗ [Алексеев 2016, с. 108]. Символическое значение возникает при условии, что слово пересекается с каким-либо кодом культуры, и вместе с тем «означаемое первой системы становится означающим во второй». По мнению А. В. Алексеева, символическому значению свойственна двуплановость: слово фигурирует и в языковой, и в культурной коммуникации. В таком случае символическое значение определяется экстралингвистическими факторами, то есть ограничивается обрядовым дискурсом [Алексеев 2016, с. 109].

В диссертации Д. А. Таракановой, исследовавшей диалектную лексику обрядового дискурса, символическое значение – компонент культурной коннотации диалектного слова. Он реализуется в фольклорном тексте, магических приговорах, рассказах диалектоносителей. Например, в контексте

погребального обряда – тризны – блин символизирует вечную жизнь, а свадебного – любовь и брак [Тараканова 2012, с. 42–43].

В нашем исследовании мы опираемся на семантико-семиотическую концепцию слова-символа И. В. Якушевич. Символ – это языковой знак с тремя компонентами и двумя ступенями означения: 1) звуко-буквенная форма слова; 2) перцептивный образ, представленный как понятие и совпадающий, как правило, с первичным номинативным значением; 3) символическое значение. Символизация – это процесс означения перцептивно-обобщённым образом или его деталями некой другой, мало исследованной человеком, чаще абстрактной реальности ('зрение', 'мир', 'смерть', 'душа', 'плодородие' и пр.) [Якушевич, 2018, с. 56–83]. Полученное в результате символизации значение и следует называть символическим. Так, слово-символ «окно» состоит из 1) звукобуквенной формы слова окно; 2) перцептивного образа 'отверстие для света и воздуха в стене здания, окно' [СРЯ11-17, с. 327]; 3) закреплённых за означаемым символических значений, отражённых в русской культуре, среди которых и мотивированное внутренней формой значение 'окно как глаз' [Якушевич 2020, с. 171]. Означаемому символу автором присваивается термин «символическое значение».

1. Оно абстрактно или непознано и часто обозначает либо не подающиеся чувственному восприятию реалии действительности (жизнь и смерть, мироздание, бог и пр.), либо перцептивную, но неуправляемую стихию природы (**воздух, огонь, вода и пр.**). К примеру, домовый (означающее) как хранитель домашнего очага является символом огня (означаемое): *хозяин, подпечник, гнетёя, печая, калёная пёчка, печной хозяин и др.*

2. Оно многозначно: диалектизм может иметь несколько символических значений. Об имманентной многозначности символа писала Е. В. Шелестюк: это наличие у символа «перспективы, цепочек значений, все более абстрактных по мере удаления от исходного значения» [Шелестюк 1997, с. 56]. К примеру, диалектизм *бобовница* символизирует жизнь и смерть. У южных славян бобы считаются символом здоровья и жизни, так как воспринимались как семя. Тем

не менее, многие славянские народы верили, что бобы вселяют души предков и являются пищей мёртвых [Плотникова 1995, т. 1, с. 201-202].

3. Оно антропоморфно, т. е. содержит значение, которое относится как сфере «макрокосма» (это огонь, вода, земля, воздух, небо, солнце и пр.), так и к «микрокосму» человека (болезнь, домашний уют, предок, чувства и пр.). В частности, каждый из исследуемых нами мифологических персонажей является персонификацией 4 стихий мира: домовый – огня, леший – леса и земли, водяной – воды. Примером также может служить номинация домового *гнетёя*, так как у этого слова и слова *огонь* есть общий корень *-гн-*. ('гореть'). Именно эта сема и инициирует символическое значение 'огонь': домовый – персонификация печного огня [Афанасьев 1865-1869, т.2, с. 24]. Из фольклорных текстов известно, что второе символическое значение этого слова – 'болезнь', 'лихорадка'. По сути, это переносное значение корня *-гн-*, т.к. высокая температура воспринималась как телесный огонь – лихорадка.

4. Оно энантиосемично. В. В. Колесов считал, что энантиосемия (наряду с метонимичностью русского языка) является наследием синкретизма древнего мифологического мышления и, как следствие, семантики праиндоевропейских корней, из которых развиваются противоположные символические значения [Колесов 2002, с. 146, 148]. И. В. Якушевич причиной энантиосемии символического значения называет гносеологическую природу символа как «механизма познания неведомого для человека метафизического иррационального начала (неба и небесных явлений, Бога, духа и души, жизни и смерти) посредством чувственного образа ... в своём стремлении «объять» познаваемую реальность сознание вычленяет пределы его проявления, что и порождает энантиосемию» [Якушевич 2012, с. 72–77].

Энантиосемия символического значения характерна и для названий мифологических персонажей. К примеру, номинации *мотовілиха* и *пряха*, мотающие нити, могут предсказывать как долгую жизнь, так и скорую смерть, ведь в мифологии нити – символ судьбы. Отсюда и выражение «связать судьбу».

Номинации *белолáпко, бéля, бéлая ба́ба, белу́н* содержат в своей семантике указание на белый цвет, что обычно противопоставляется чёрному: хороший – плохой, добрый – злой, мужской – женский. Так, появление данных персонажей – символ добра, жизни. Тем не менее, белый цвет может символизировать и несчастье [Толстой 1995, т.1, с. 151-154].

5. Символическое значение отражает ту или иную мифологическую систему – языческую, христианскую, коммунистическую и пр. В названиях большинства мифологических персонажей отражено языческое мировоззрение. Христианское мировоззрение сквозит в таких номинациях, как *Иван Чародей, упырь, полуношница, праведный* и пр. Но чаще всего диалектизмы отражают факт народного смешения реалий языческой и христианской мифологии. К примеру, в день Герасима Грачевника 17 марта читали молитвы, чтобы изгнать *кикíмору* [СРС, с. 198]. Помимо этого, христиане обращались к пророку Илие, чтобы тот изгнал *удéльницу* [СРС, с. 475].

Итак, в современной лингвистике очевидны два подхода к понятию «символическое значение»: семантико-семиотический и семасиологический. С точки зрения первого слово является знаком второй степени и означает нечто отличное от себя, непознанное и неосвоенное человеком. В этом случае символическое значение – означаемое этого знака, антропоморфное и многозначное (включая энантиосемию). С точки зрения второго, символическое значение – компонент культурной коннотации ЛЗ слова. На наш взгляд эти две позиции не исключают друг друга, но термин «символическое значение» все же требует дополнительного комментария:

1. Символическое значение как сема культурной коннотации (об этом см. раздел 3.4.2.1). Это основная точка зрения в диссертации и связана с анализом слова в языке, точнее в том или ином его говоре. Означаемое символа как сема ЛЗ понимается нами в большинстве рассмотренных примеров, в которых источником символического значения является внутренняя форма слова. Компонентом ЛЗ слова символическое значение является и в том, случае, если их источником стали ландшафтные и гидрологические

особенности местности, а также данные об этологии некоторых птиц и животных. О такого рода семах культурной коннотации см. выше в разделе 3.1. Если источником символического значения является фольклорный текст или речь диалектоносителя, то и в этом случае символическое значение считаем семой культурной коннотации ЛЗ, актуализованной контекстом.

2. Символическое значение как лексико-семантический вариант слова отмечен нами только в ряде лексем, чьё первичное значение относится к литературному языку, а вторичное – к диалектной речи. Например, слово *выпь* в 1 значении – ‘птица’, а во втором – ‘водяной’. Хозяин: 1) ‘владелец, собственник’ (МАС). 2) ‘домовой’ (БАС).

3.5. Источники символического значения

3.5.1. Внутренняя форма слова

Как уже было сказано выше, А. А. Потебня утверждал, что именно этимон является источником символического значения. Приведём в качестве примеров несколько номинаций мифологических персонажей, в которых внутренняя форма перетекает в символическое значение.

Так, в номинациях *кузютка*, *Кузя*, образованных от праслав. **kosъ* ‘волос, волокно, масть, цвет шерсти (животного)’ [ЭССЯ, т. 11, с. 143]. По народным поверьям, волосатые домовые символизируют богатство, достаток.

Номинация лешего *курáнко*, образованная от слова *кур* ‘петух’ [ЭССЯ, т. 13, с. 119] или, по другой версии, от *курити* ‘раскладывать огонь, разжигать’ [ЭССЯ, т. 13, с. 123]. Этимологическая сема огня, совмещённая с общим представлением о птице с ярким опереньем и красным гребешком, мотивирует символическое значение ‘солнце, огонь’.

Символическое значение богатства наблюдается в номинациях *жировік*, *жирóвый*, *жіхарь*, *жихарёк*, *жіхорько*, *жіхорюшко*, *доможіл*, *доможірко*, *жихаріха*, *жихорічка*. В частности, *жир*, совмещающая в себе значения ‘жить’ и ‘есть’ [Фасмер, т. 2, с. 56], является символом достатка. Наиболее ярко он прослеживается в северных говорах, где в условиях сурового климата достаточно трудно достичь благополучной «жирной» жизни.

Другой источник символического значения – словообразовательная мотивация. И. С. Улуханов подразумевает под ней следующие отношения между двумя словами, имеющими один и тот же корень: 1) значение одного слова в полной мере входит в значение другого (*палец – пальчик* ‘маленький палец’), 2) ЛЗ одного слова тождественно ЛЗ другого, но синтаксические позиции этих слов различны (*скорый – скоро*), 3) ЛЗ одного слова тождественно ЛЗ другого, но слова различаются стилистически (*погода – погодка*) [Улуханов 2010, с. 10-11].

Так, номинация *лешák* символизирует нечистую силу, а однокоренная номинация *лешачóнок*, образованная с помощью экспрессивного суффикса -*онок*- символизирует ребёнка лешего.

3.5.2. Народная этимология

Символическое значение не всегда вырастает из «зерна» этимологического значения. Причина этого заключается в том, что «слово участвует как в собственно языковой, так и в культурной коммуникации, то есть определяется экстралингвистическими факторами» [Алексеев 2016, с. 108].

Народная (ложная) этимология – это переосмысление слова по модели схожего по звучанию слова родного языка, формирование семантических связей между ними по принципу лишь внешнего звукового соответствия, при этом игнорируются реальные факты их происхождения [ССЛТ, с. 139]. А. А. Зализняк объясняет этот феномен тем, что людям присуще устанавливать возможную логическую связь между понятиями. Вследствие этого переосмысливается, а иногда и переделывается непонятное слово, благодаря чему появляется некая понятная для человека внутренняя мотивированность. Так, известное слово *близорукий*, ‘плохо видящий на далёкое расстояние’, изначально имело форму *близозорокий*, в буквальном смысле ‘имеющий близкое зрение’. С течением времени повторяющийся слог -*зо*- утратился, а непонятный элемент -*рок*- превратился -*рук*-. Полученное слово *близорукий* приобрело значение ‘видящий близко, на расстоянии своей руки’

[Зализняк 2010, с. 30-31]. К «народной» этимологии, в понимании В. Н. Топорова, относятся слова с прозрачной внутренней формой, заимствования, описательные слова и пр. Их отличает тот факт, что, кроме основной информации, заключающейся в слове, они содержат и дополнительную. Так, по мнению автора, научная этимология напрямую связана с «народной», так как при анализе слова нельзя ограничиваться только словарными статьями. Автор предлагает использовать синхронический подход к этимологии, предполагающий «выяснение мотивированного данного слова внутри каждой из систем, пересечение которых и образует это слово». Данный подход позволит создать элементарную модель акта этимологизации и организовать этимологический анализ, построенный на структурных принципах, и сделает понимание этимологии наиболее содержательным, стирая границу между научной и «народной» этимологией [Топоров 2005, с. 30].

Среди диалектных номинаций мифологических персонажей народная этимология встречается в созвучных названиях *доброхот* и *доброходушка*. В действительности они имеют различные корни. Так, *доброхот* – буквально ‘добро хочет’, а *доброходушка* – ‘добро ходит’, т.е. в первом случае мифологический персонаж приносит добро в дом, а во втором – сам является олицетворением добра.

Примером народной этимологии может служить наименование *большак*, образованная от прилагательного *большой*. На первый взгляд может показаться, что данная номинация домового указывает на размер мифологического персонажа. Однако в крестьянской традиции так называли главу семьи. Подтверждением этому являются слова из свадебной песни: *Большаком он был в дому да настоятелем. На крестьянскую работу разрядителем* [СРНГ, т. 3, с. 86].

3.5.3. Фольклорные тексты

Ещё один источник символического значения – это текст фольклорного произведения. В таком случае символ актуализируется в речи в полном

объёме (означающее и означаемое вербализованы) или частично (означаемое имплицитно).

Приведём в пример былички «Домовой заранее знал»: *Этот случай у нас был давно уже. Поженились одни а через месяц война началась. Мужа тут же забрали а жена одна осталась. Никаких вестей от него не было: а как тут – оккупация вскоре разруха! А как немцы-то ушли тут ей **домовой** показался. Испугалась она вначале а потом и спрашивает:– К худому иль к доброму **батюшка** кажешься? – К доброму внученька к доброму. А через неделю получила она письмо от мужа из госпиталя: жив мол скоро приедет на побывку. Приезжал он тогда неделю гостил – вот **бабе счастье-то** подвалило! У других-то мужики и без вести иной раз пропадали. тут как складно-то получилось – прямо в точку! **Домовой-то** видно заранее знал. Правильно тогда сказал – так получается [Глебова 2011, с. 296-297].*

В данном тексте домовой выступает в качестве символа судьбы, предсказывая будущие события хозяйке дома. В то же время в другой быличке «Страху натерпелась» тот же самый персонаж символизирует смерть, приходя к людям по ночам и пытаясь их задушить: *Вот. Легла я спать – ещё и не заснула, а так – дремала. Вдруг навалилось мне что-то на грудь: прям не вдохнуть – не выдохнуть. Хочу встать а тело-то прям отвердело не пошевелюсь. Чую: **смертушка** моя пришла. Тут вдруг ка-ак вырвется из меня: – Господи спаси меня сохрани и помилуй! Отдышалась после этого кое-как. А самой так плохо так плохо что прям не передать. Вот: что это было? Я на сердце тогда подумала. А бабка наша так та прямо на **домового** указала: только он де так наваливается – не иначе. Да кто ж точно-то знает: **домовой** – не **домовой**?! Но страху я тогда точно натерпелась [Глебова 2011, с. 60]. В пословице «**Леший** пошутит — домой не пустит; **водяной** пошутит — утонит» [ПиПРН, т. 2, с. 337] леший выступает как символ обмана, коварства, так как он путает людей, приходящих в лес, и не позволяет им вернуться домой, вынуждая плутать*

по лесу. Водяной же предстаёт символом смерти, топя людей в своих водах.

Согласно народным суевериям, на Покров Пресвятой Богородицы, 14 октября, лешие, наслаждаясь последним днём свободы перед «спячкой» до весны, ломают деревья, кусты, кричат, распугивая всех вокруг. В связи этим люди не ходят в лес в этот день и говорят: *Леший — не свой брат переломает косточки не хуже медведя!* [СРС, с. 254]. В данном случае леший является символом болезни или смерти. Это значение не вербализовано, но следует из фразеологизма *переломать косточки* [Фёдоров 2008, с. 462].

Таким образом, фольклорный текст актуализирует то или иное символическое значение – сему в составе семемы. Оно может быть выражено эксплицитно (вербализовано) или имплицитно (предполагается с большой очевидностью).

3.5.4. Ландшафтные и гидрологические особенности местности, а также данные об этологии некоторых птиц и животных

Помимо вышеперечисленных источников символического значения мы также уделяем внимание данным этнографии, этологии, географии ландшафта и гидрообъектов, так как полагаем, что для понимания значения именно диалектного слова они играют важнейшую роль. Уникальность таких диалектизмов состоит в том, что их внутренняя форма раскрывает особенности природы того края, где эти слова были найдены.

На первый взгляд, внутренняя форма номинации *лопухóня* очевидна: она образована от слова *лопух*. Тем не менее, в северных русских говорах *лопухом* называются любые растения с крупными круглой формы листьями [СГРС, т. 17, с. 144-145]. Само слово восходит к прасл. **lop-* ‘лист’. Исходя из того, что данный корень является производящим для слов *лопушистый* ‘широколистый’, *лопата лопасть* и пр., мотивирующими семами стали ‘большой’ и ‘широкий’ [ЭССЯ, т. 16, с. 69-73]. Местом обитания

мифологического персонажа *лопухоня*, по всей видимости, является река Бакланка Грязовецкого района Волог. Данная река известна медленным течением и болотистыми берегами [Карандеева 1957, с. 110-111], заполненными лопухой – кувшинками и кубышками, поэтому *лопухоня* – Вологодский водяной, обитающий среди кувшинок.

Номинация водяного *камышанов* образована от слова *камыш*. Её возникновение объясняется тем, что данный мифологический персонаж обитает в Соль-Илецком районе Оренб., который перенасыщен мелководными озёрами, заросшими камышами. Даже известные в той местности реки Урал и Илек наполняются большим количеством воды только в период весеннего половодья, в остальное время уровень воды ничтожно мал, камышами покрывается всё пространство поймы и русла [РПВ СССР, т. 12, в. 2, с. 46–49]. Подчеркнём, что данный мифологический персонаж, возможно, совмещает в себе функции и водяного, и лешего. Ведь Соль-Илецком районе нет лесов. В настоящее время поймы рек уже не существуют: они были распаханы в период освоения Целины.

Другая номинация – название водяных, леших, домовых и пр. – *кромешник*. Он обитает в Кадуйском районе Волог. Мы полагаем, данное наименование принадлежит водяному-картёжнику из знаменитых легенд об озёрах Кадуйского и Вытегорского районов. В частности, известно, что куштозёрский водяной постоянно проигрывал воду, рыбу и себя в кости хозяину озера Онего, после чего уходил к нему отрабатывать долг [Максимов 2006, с. 74]. Мотивирующим словом данной номинации является *кромешный* ‘ад, преисподняя’: «*Провались-ко ты в кромешный*» (*Вят. Костром.*) [СРНГ, т. 15, с. 275]. Данное слово входит в состав фразеологизма «*кромешная тьма*». Кромешными называли опричников или нечистую силу. В Кадуйском районе эта номинация возникла ввиду того, что на территории Мегорской гряды периодически исчезают карстовые озёра, в одном из которых и обитал данный мифологический

персонаж – водяной-картёжник. Периодическое исчезновение озёр связано с тем, что подземные полости, по которым течёт грунтовая вода, сообщаются с поверхностью земли. *Кромéшник*, таким образом, есть персонификация ушедшей воды и «знаток» преисподней, по которой он «уходит» и «возвращается». Отметим, что переносным значением слова *кромéшник* является ‘жадный, корыстный человек’ [СГРС, т. 6, с. 170].

Мифического червя *волосáтика* в некоторых областях отождествляли с водяным, например, в Волог. В Тул. Им пугали детей, чтобы без разрешения не ходили на речку. А в Смол. распространено было суеверие о том, что *волосатик* больно кусает людей до смерти. По мнению Н. А. Криничной, волосы, как и шерсть, водяного – «знак средоточия в нем стихийной жизненной силы, физической и магической» [Криничная 2004, с. 326].

Номинация имеет праславянский корень **volsъ* со значением ‘волос’ [РЭС, т. 8, с. 166]. Волос – имя славянского языческого бога, покровителя крупного рогатого скота, бога плодородия. Возможно, именно поэтому червь *волосатик* по легенде возникает из шерсти животного (лошади, коровы, реже – свиньи) или из волос человека, упавших в реку. В воде у волоса вырастает головка, и он становится живым червяком: *А он прямо вот волос небольшой а весь... и как у человека мордочка-то* (Читин.) [СГРСБС, т. 8, с. 93-95].

Внутренняя форма слова *волосатик* – метафора волоса человека или шерсти животного. Реальный червь-паразит (волосатик или конский волос) также очень тонкий и длинный (до 1,5 м). Его зоологическое название – немательминт (греч. *nema-* ‘нить’ и *helmins* – ‘червь’). Сходство с жёстким конским волосом ему обеспечивает прочная оболочка-кутикула. Этот червь-паразит живет в реках и озёрах. Однако в отличие от мифологического персонажа, реальные волосатики человеку почти не опасны: у них нетротового отверстия и пищеварительного тракта, поэтому питаться в теле человека они не могут и паразитируют в основном в организме насекомых: кузнечиках, жужелицах, стрекозах. Есть предположение, что под видом

волосатика может скрываться более опасный паразит – ришта. Этот червь, также тонкий и длинный, действительно живёт в теле человека, попав в него грязной водой перорально. Однако ришта живёт в тропиках и субтропиках Азии и Африки, поэтому на роль водяного волосатика тоже не подходит. Таким образом, *волосатик* как зооморфный образ водяного сходен с реальным червём-паразитом только внешне и является собирательным народным образом, персонифицирующим страшные и до сих пор малообъяснимые (как, например, рожистое воспаление или флегмона) инфекционные заболевания, сопровождаемые опасными симптомами [Ивашина 2020, с. 181-186].

Итак, данные этнографии, этологии, географии ландшафта и гидрообъектов относятся к источникам символического значения. Они могут играть значимую роль в анализе внутренней формы диалектизмов, появившихся в определённых районах России. Уникальность исследуемых нами слов состоит в том, что в их внутренней форме «слышен» голос природы той местности, на которой были обнаружены данные слова. Следовательно, национально-культурные и когнитивные элементы слова, чувство Родины, выражаются в образах определённого животного, ландшафта или водоёма России.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. В данном исследовании центральными являются два взаимосвязанных понятия: ‘миф’ и ‘мифологический персонаж’. Под мифом мы понимаем когнитивное мышление, уникальную индивидуальную и коллективную когницию, обуславливающую сферу национального менталитета; истинное повествование, в центре которого находится мифологический персонаж.

2. Многие фольклористы, этнографы и лингвисты, обращаясь к номинациям мифологических персонажей, в большинстве своём

анализируют отдельные номинации. В трудах, где номинации рассматриваются системно, мифологические персонажи классифицируются по тематическому и культурологическому принципу.

3. Мы рассматриваем номинации мифологических персонажей как лексемы с многоаспектной структурой ЛЗ. К компонентам такой лексемы традиционно следует относить денотативный, сигнификативный и коннотативный компоненты. Денотат диалектных номинаций мифологических персонажей назвать нулевым можно лишь в том случае, если иметь в виду факт отсутствия такого референта (существа, предмета) в реальной действительности. Денотат мифологической лексики порождён народной фантазией и представляет собой совокупность эмпирических признаков, часто являющихся результатом олицетворения и персонификации – главных маркеров мифологического мышления. Источниками коннотации диалектного слова являются оценочная корневая морфема, экспрессивные деминутивы, энантиосемия и оксюморон.

4. Мы разделяем точку зрения ряда учёных о расширенном составе микрокомпонентов коннотации ЛЗ и включаем семы национальных гендерных стереотипов, а также семы, отражающие этнографические, зоо- и этологические факторы, данные географии ландшафта и гидрообъектов. Таким образом, помимо традиционных микрокомпонентов в состав коннотации мифологемы входит: внутренняя форма слова (В. Н. Телия, Ю. Д. Апресян, Н. Ф. Алефиренко, В. А. Маслова), символическое значение слова (В. А. Маслова, Н. Г. Комлев, Р. Г. Давлетбаева, З. Д. Ханова), социальные семы, полученные в результате индивидуальной или групповой дифференциации общества, в том числе и гендерные (Е. М. Сторожева, Г. В. Говердовский), этнографические, зоо- и этологические факторы, а также данные географии ландшафта и гидрообъектов.

5. Экспрессивность в ЛЗ номинаций мифологических персонажей выражается с помощью словообразовательных формантов, или суффиксов,

имеющих уменьшительное, уменьшительно-экспрессивное, экспрессивное и экспрессивно-ласкательное значения. Помимо этого, нами были обнаружены номинации мифологических персонажей с положительной и отрицательной оценками, а также номинации, имеющие энантиосемию и оксюморон в ЛЗ.

6. Являясь компонентом коннотации, внутренняя форма слова – осознаваемая говорящими мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем (Алефиренко) или исходным значением того же слова, т.е. образ или идея, положенные в основу номинации (Потебня, Лосев, Флоренский) и задающие определённый способ построения заключенного в данном слове концепта (Колесов).

7. Как компонент коннотации символическое значение – это отражающее определённую мифологическую систему (Якушевич) абстрактное значение (Колесов, Якушевич), которое получено в результате означения перцептивным образом или его деталями некоей метафизической реальности, не познанной человеком (Шелестюк, Якушевич).

8. Среди диалектных номинаций мифологических существ мы обнаружили следующие источники символического значения: внутренняя форма, народная этимология, фольклорные тексты, а также ландшафтные и гидрологические особенности местности, данные об этологии и некоторых птиц и животных.

ГЛАВА 2. ТИПОЛОГИЯ НОМИНАЦИЙ ДОМОВОГО, ЛЕШЕГО И ВОДЯНОГО

В данной главе рассматриваются основные принципы типологии диалектных номинаций мифологических существ в фольклорных (Н.А.Криничная, Т.Г. Голева, Л.Н. Виноградова, О.Ю. Николенко, Н.А.Файлерт) и лингвистических (О.А. Черепанова, Е.Л. Березович, Хань Цзинхуэй) исследованиях. Систематизированы диалектные номинации домового, лешего и водяного в разных регионах России на основе внутренней формы, гендерного стереотипа (А.В. Кирилина, Л.В. Маркина) и символического значения.

2.1. Основные принципы классификации названий мифологических персонажей в лингвистических исследованиях

В фольклорных исследованиях основной принцип классификации мифологических персонажей – тематический. Известны классификации мифологических персонажей Н. А. Криничной [Криничная 2004], Т. Г. Голевой [Голева 2008], Е. Е. Левкиевской, Л. Н. Виноградовой [Левкиевская, Виноградова 2010-2019], О. Ю. Николенко, Н. А. Файлерт [Николенко, Файлерт 2014] и др. Авторы, как правило, создают лексико-семантические группы, объединённые одной из архисем.

Так, Н. А. Криничная, анализируя былички, бывальщины, легенды и поверья о различных мифологических персонажах, разделяет их на два типа: духи-«хозяева» (покровители территорий: *водяной, леший, домовый* и сопряжённые с ними персонажи) и властители мироздания (божества судьбы, люди с магическими способностями: *знахари, колдуны, ведьмы* и т.д.). Согласно мнению автора, важнейшей хозяйственной постройкой была баня, поэтому её хозяин – *баенник* – открывает **первый тип** мифологических персонажей. Продолжают ряд этого типа персонажей домовый (*дворовой, хлёвник, овинник, ригачник* и пр.), леший (*дядя, навь, дедушко* и пр.) и

водяной (*мельник, водяница, навной* и пр.). **Второй тип** мифологических персонажей включает чародеев (*чародейка*), ведунов-зелейников (*вещун, вещица, вещьель, ведунья*) и оборотней (*ведьма, вёкишица* и пр.) и пр. [Криничная 2004].

Т. Г. Голева составила классификацию мифологических персонажей в зависимости от мировоззрения и образа жизни коми-пермяков. Так, в **первую группу** входят мифологические персонажи, отражающие привычную деятельность народа: охоту (*вёрись, вёрисьинька*), рыболовство (*ваись*), земледелие (*вуншёррика, обороника*), животноводство и пастушество (*суседко, суседушко-батюшко*), мельничное (*шулюкун, мельникысшуёма*) и кузнечное (*кузничачуды, чуды, черти*) дела, строительство (*вёрись*) и новоселье (*кикимора, суседко, суседка-братан, нянь кётан*), домоводство и прядение (*суседка*). **Вторую группу** составляют персонажи, связанные с обрядами жизненного цикла: рождением и крестинами (*некодя, ичетики, выгдул-лоза, кутыси, тёдись*), свадебными обрядами (*вежливец*), проводами в солдаты, представлениями о смерти и похоронно-поминальной обрядностью (*ены, каляны, тёдись*) [Голева 2008].

Соавторы Е. Е. Левкиевская и Л. Н. Виноградова представили в четырёх томах полевые материалы по народной демонологии из украинского и белорусского Полесья и ближайших южнорусских областей [Левкиевская, Виноградова 2010-2019]. В соответствии с собранными текстами авторы делят мифологических персонажей на несколько категорий. К **первой категории** относятся люди со сверхъестественными способностями: ведьма (*знахарка, чародейка, колдунка, ворожка* и пр.), колдун (*ведьмач, чаровник, чорнокнижник, чухмар* и пр.), колдунья (*колдуниха, колдуница, чародейница, ворожка* и пр.), залом(*завитка, закрутка, завязка, кукла* и пр.), знахарь (*шептун, дед, дедушка* и пр.), знахарка (*бабка, бабушка шептуха* и пр.), волколак (*вовкулак, вовколак, вукодлак* и пр.). В эту группу входят колдуны –

представители разных профессий (гончары, мельники, пастухи и пр.), а также «чужие» (нищие, цыгане и пр.).

Вторую категорию составляют умершие души. Авторы полагают, что именно душа является проводником в иной мир, и рассматривают различные виды душ: *покойники, деды, умершие некрещёными дети, ходячие покойники, самоубийцы и русалки*.

Третья категория посвящена слабо персонифицированным мифологическим существам. Например, персонификацией страха являются *страх, ляк, ляки, ляковка, пужайло, пужака, пужайка, зданки* и пр. Персонажи-устрашители – существа, относящиеся к традиционной полесской мифологии (*русалка, чёрт, ведьма, знахарь, домовой, топельник, волколук, дикие люди* и др.), детские персонажи-устрашители (*баба, железная баба, баба Агата, баба Яга, голобаба, дед, дядька, бабай* и др.) и социальные и этнические чужаки (*цыган, цыганка, еврей, поп* и др.).

Стоит отметить, что авторы только одно явление рассматривают отдельно и не включают ни в одну из групп – вихрь (*лихий крутит, лихе кружит, нечисты крутить, чёрты крутят* и пр.).

О. Ю. Николенко и Н. А. Файлерт предлагают другой принцип классификации – культурологический, с точки зрения генезиса сверхъестественных существ. **Первую группу** составляют языческие сказочные герои, представляющие дохристианскую славянскую мифологию: *леший, домовой, водяной, русалка, Баба-Яга* и пр. Ко **второй группе** относятся античные персонажи: *муза, титан, кентавр, василиск* и пр. **Третью группу** представляют мифологические персонажи иудео-христианского и европейского оккультизма: *дьявол, бес, дух, дракон, единорог* и пр. **Четвёртая группа** – *джинн, гурья* и пр. – относятся к восточно-мусульманской мифологии. Отдельно исследователи выделяют лексемы обобщённого значения (*божество, бог* и пр.), и лексемы, обозначающие людей, имеющих сверхъестественные способности (*маг,*

колдун, ведьма и пр.) [Николенко, Файлерт 2014]. Описанные выше фольклорные классификации мифологических персонажей будут учтены и в нашей диссертации.

Лингвистических исследований, в которых систематизируются диалектные номинации мифологических персонажей, значительно меньше. Этому посвящены труды О. А. Черепановой [Черепанова 1983], Е. Л. Березович [Березович 2007] и Хань Цзинхуэй [Хань Цзинхуэй 2012].

Особое значение для нас имеет диссертация профессора О. А. Черепановой. Учёный выделяет 5 типов мифологических существ по степени их фантастичности и характеру ирреального признака [Черепанова 1983]. К **первому типу** относятся повелители, хозяева, персонажи, связанные со временем, и протекторы. В частности, повелители – это некие божества, распорядители вод, лесов, зверей. Верховный правитель, бог, противопоставлен боженятам. Кроме того, в классификации учитывается специализация богов: *бог под землёй, бог над землёй, бог детский, волосатик-бог* и пр. Между повелителями и следующим типом мифологических персонажей, хозяевами, находятся цари: *царь лесной, царица небесная, царь дорожный* и пр.

Духов-хозяев О. А. Черепанова распределяет по сферам обитания: дом (*домовой, дворовой, запечник* и пр.), вне дома (*лесной, блуд, зыбочник* и пр.), ниже земли (*подземный царь, водильник, мельник, царь морской* и пр.), выше земли (*ветреник* и пр.). Отдельного внимания заслуживают персонажи, персонифицирующие время: *полночник, долудница, денник* и пр. Есть персонажи-протекторы, выполняющие функции указателей, распределителей в разных сферах хозяйственной деятельности – земледелии, скотоводстве, промыслах и в их сезонной цикличности: *Лука-залутчик, Сергей-курятник* и пр.

Ко **второму типу** относятся мифологические персонажи – источники зла. В первую очередь, это названия чёрта: *бес, чёрт, сатана, дьявол* и пр. В

номинациях некоторых низших существ христианские названия сочетаются с народными эпитетами: *чёрт подпольной, бес полуденный, дёдка водяной дьявол* и пр. Этому типу принадлежат и члены семьи мифологического персонажа (*бесенята, бесиха*), табуистические названия чёрта (*лукавый, некошной, некошиха* и пр.), а также имена собственные, называющие духа зла (*Сенахия, Елизда, Дайл, Мардикия* и пр.). В группу включены названия нехристианского чёрта: *оагаль, мерек, куд* и пр. Отдельный подтип составляют духи-персонификации болезней: *оспа Ивановна, икота Васка, холёра, коровья смерть* и пр.

Третий тип включает персонажей-помощников, являющихся порождением культа предков: ожившие покойники и приведения (*стеня, еретник, игоша* и др.). Они попали в категорию нечисти, так как были некрещёными. В этом скрыт корень амбивалентности этих существ. Культ предков является важной семантической доминантой домового, водяного и лешего.

Четвёртый тип составляют персонажи-устрашители. Они или покровительствуют человеку, или приносят ему вред. Самую большую группу составляют персонажи, для которых устрашение является единственной функцией (*кока, бомка, мека* и пр.). Названия устрашителей смешиваются с номинациями низших существ: *бука, букарица, буканушка, вóза, рóхля* и пр.

В пятый тип мифологических персонажей входят номинации тех существ, у которых ведущая функция или признак прямо не называется, а всё внимание уделяется второстепенным признакам: *любостай, шиишка, чёрт* и пр.

Е. Л. Березович рассматривает мифологических персонажей с точки зрения пространства в русской языковой традиции. Так, исследователь выделяет три группы мифологических существ, во внутренней форме номинаций которых заложена пространственная характеристика: типовая

ландшафтная реалия (*лес, лешák, болóтник, гóрный* и пр.), единичная ландшафтная реалия (*патромíха, чúдница* и пр.) и абстрактная, неопределённая пространственная характеристика (*вóльный, вольнóй* и пр.). Внутренняя форма номинаций является в нашем исследовании ведущим принципом систематизации, так как именно в ней заложена основная идея обоснования сущности персонажа.

Другая классификация мифологических персонажей принадлежит Хань Цзинхуэй, которая выявляет наиболее употребительные русские номинации мифологических существ на фоне китайского языка. Классификация этого автора определяется местом обитания мифологического персонажа и отрезком времени. В её исследовании фигурирует следующая типология: домашние духи (*домовóй, кикíмора*), небесные духи (*жар-пти́ца, Змей Горыныч*), водные духи (*водяно́й, русáлка*), лесные духи (*лéший, вéдьма, Ба́ба-Яга́*), духи без определённого места обитания (*Коще́й Бессме́ртный*), временные и сезонные духи (*полунóчник, ржани́ца* и др.) [Хань Цзинхуэй 2012].

Автор выявляет внутреннюю форму номинаций, рассматривает их содержательную сторону на основе словарных дефиниций, прослеживает синтагматические и деривационные связи номинаций в языке и выявляет лингвокультурологические различия в русской и китайской языковых картинах мира.

Суммируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что известные нам фольклорные классификации мифологических персонажей строятся по тематическому (Н. А. Криничная, Т. Г. Голева, Е. Е. Левкиевская и Л. Н. Виноградова) и культурологическому (О. Ю. Николенко, Н. А. Файлерт) принципам. Мы полагаем, что авторы пытались определить закономерность существования персонажей и объединить их номинации в группы, основываясь на лексическом значении слов и их общей архисеме.

В лингвистических классификациях (О. А. Черепанова, Е. Л. Березович, Хань Цзинхуэй) внимание также уделяется тематическому принципу, однако основным критерием является внутренняя форма наименования.

Отметим, что лингвистических классификаций диалектных номинаций мифологических персонажей в настоящее время крайне мало, и они требуют дальнейшего исследования.

2.2. Типология номинаций домового, лешего и водяного по внутренней форме слова

2.2.1. Типология номинаций домового по внутренней форме слова

В данном исследовании именно внутренняя форма стала критерием классификации номинаций мифологических персонажей, так как в большинстве случаев она является единственной характеристикой образа. Внутренняя форма содержит информацию, которая была забыта или утеряна, и, следовательно, играет важную роль для формирования сигнификата. Особое внимание этому вопросу было уделено в **Главе 1**.

Главный критерий соотнесения мифологических персонажей к категории «домовой» – определение «домовой» в словарной статье диалектного словаря, а также определения «мифический персонаж», «добрый или злой дух», «нечистая сила», «сверхъестественное существо» с указанием на характеристики:

1) Место обитания – пространство, освоенное человеком (дом, домовые постройки, огород и пр.) [Байбурин 1983, с. 18].

2) Мифологический персонаж является предком человека [Левкиевская 2000, с. 276].

3) Мифологический персонаж является духом огня, хранителем домашнего очага [Афанасьев 1865-1869, т. 2, с. 106].

Нами были выделены следующие группы номинаций домового по внутренней форме: 'локация', 'родство', 'действие', 'оценка', 'внешность', 'табуистический характер домового', 'таксис'.

I. Номинация мотивирована семантическим признаком 'локация'

В представлении славян пространство имеет символическую организацию. В первую очередь, его делили на своё (внутри дома) и чужое (за пределами дома), что символизировало этот мир и потусторонний. А. К. Байбурин, описывая пространство восточных славян, ввёл понятие «освоенности» и объяснил его так: «Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что к сфере освоенного относится не просто всё то, что подверглось изменениям вследствие вмешательства человека в область «природы», но получившее при этом некоторое «избыточное» (с точки зрения оценки физических свойств объекта) содержание, необходимое для включения этого объекта в простейшие классификации, без чего он также не может считаться освоенным» [Байбурин 1983, с.18].

С позиции мифологического мышления дом является центром мира. Пространственные границы вне его пределов расходились концентрическими кругами: 1. Дом. 2. Двор, усадьба. 3. Изгородь, ворота, калитка. 4. Улица в деревне. 5. Граница деревни. 6. Пашня, луг за деревней. 7. Окрестности деревни. 8. Дорога около деревни [Якушевич 2018, с. 31]. По степени отдаления от центра «своё» пространство переходит в «чужое» (природное). Так, чем дальше от центра, печи, тем признаки домового становятся слабее [Белова 2002, с. 425-426]. Для нашего исследования важны три концентрические окружности – дом, двор, поля. Концентрические круги пространства домового представлены на **рисунке 4**.

[СРГСУ, т. 1, с. 141], *домовітушко* (Ворон., Костром.) [СРНГ, т. 8, с. 120], *домовейко* (Арх.) [СГРС, т. 3, с. 248], *домовейушко* (Арх.) [СГРС, т. 3, с. 248], *домовичок* (Волог.) [СГРС, т. 3, с. 249], *домовіха* (Волог.) [СГРС, т. 3, с. 249], *домáха* (Смол.) [СРНГ, т. 8, с. 117] имеют общую мотивирующую основу – *дом*–. Внутренняя форма раскрывает основное значение номинаций: ‘относящийся к дому’. Экспрессивные суффиксы (-ушк-, -юшк-, -инк-, -ик-, -чок-, -к(о)-) подчёркивают уважительное отношение к духу дома, а суффиксы -ах-, -их- придают номинациям значение женского пола [ССА, с. 111]. Приведём примеры из речи респондентов: *Старушка-домовушка живёт. Маша была дома и пела песни. Из-за печки вылезла домовушка и сказала: «Перестань!» Маша закричала, а старушка испугалась и обратно за печку убежала* [Криничная 2004, с.141] // *Домовитушко* *давит во время сна; как шар какой прикатится и прямо на грудь* [СРНГ, т. 8, с. 120].

Хозяин [СВГ, т. 11, с. 199], *похозяйственник* [БТСДК, т. 413] *хозяйка* [СВГ, т. 11, с. 199], являющиеся производными от *хозя* ‘господин’ [ЭСРЯ1, с.479] называют персонажей, имеющих власть в доме. Приведём примеры: *Пахазяйствиник* *весь пух на козах спутал* [БТСДК,с.413] // *Хозяин-то наш шалить стал много. То дверью скрипнет, то посудюю громыхнёт // Иной раз цюю, на пеце кто-то постукивает эдак-то: тук-тук. То хозяин хозяйку греться зовёт* [СВГ, т. 11, с. 199] // *Хозяин, хозяин! От нас нятбивайся, пайдём с нами у новаю жилишишу* [Криничная 2004, с. 232].

Сосёдко (Влад., Перм., Вят.) [СРНГ, т. 40, с. 41], *сосёдка* (Якут.) [СРНГ, т. 40, с. 41], *сосёд* (Вят.) [СРНГ, т. 40, с. 41], *сосёдушка* (Нижегор., Тобол., Свердл.) [СРНГ, т. 40, с. 42], *сосёдушко* (Вят. Свердл.) [СРНГ, т. 40, с. 42], *сусёдиha* (Перм.) [СРНГ, т.42, с. 295], *сусёдка* (Вост.-Сиб.) [СРНГ, т. 42, с. 295], *сусёдушка* (Костром., Свердл., Ср. Урал., Иркут.) [СРНГ, т. 42, с. 297], *сусёд* (Ленингр.) [СРНГ, т.42, с. 295], *скотной сусёдка* (Енис.) [СРНГ, т. 38, с. 117], *сусёдушко* (Перм., Арх., Сев.-Двин., Костром., Свердл.) [СРНГ, т. 42, с. 297], *суседко* (Сиб., Север., Арх., Волог., Новг., Костром., Вят., Киров.,

Перм., Оренб., Свердл., Tobол., Тюмен., Новосибир., Кемер.) [СРНГ, т. 42, с. 296] – духи, обитающие в доме. Происхождение данных номинаций, описанное на стр. 65, даёт все основания отнести их к группе ‘локация’. В них также присутствуют экспрессивные суффиксы (-к(о)-, -ушк-) и суффикс, придающий значение женского пола –их- [ССА, с. 111]. Приведём примеры из речи респондентов: *Конь ко двору пришёлся: **суседко** колтун сколтунил* [ПиПРН, т. 2, с. 389] // *Поздно вечером видели, как **суседиха**, вся обвешанная картошкой, насобиранной на нитку до самого пола, тоже вслед за ними переходила* [Криничная 2004, с. 235] // *Сплю-де и слышу — жуужжит веретено, а кто прядёт у меня, боюсь посмотреть. Подняла голову, а там женщина сидит, **суседка-то*** [Криничная 2004, с. 488].

Кругово́й – домово́й [ССГ, т. 5, с. 112]. Мотивирующая основа этого мифологического персонажа — -круг-. Мы связываем данную лексику с концентрической организацией пространства вокруг дома. Находясь на своей территории, он оберегал дом. Пример: *А у домаи ищё **кругавой** живёт* [ССГ, т.5, с. 112].

Погребни́ца-ныхтёлка (Сев.-Двин.), по суеверным представлениям, обитает в погребе и пожирает людей [СРНГ, т. 27, с. 312]. Внутренняя форма данной номинации определяется через этимологическое значение: *погреб* — производное от *погребати* ‘копать’. Погреб буквально – выкопанная и покрытая яма [ЭСРЯ1, с. 346]. Любопытно, что, по мнению некоторых исследователей, все отверстия в доме (дымоход, двери, окна, чердак, подполье) являются «вратами» в мир иной. Погреб, или подпол, не исключение [Криничная 2004, с. 180]. Слово *ныхтёлка* происходит от глагола *ныхтеть*, восходящего к звукоподражательному *ны* [Фасмер, т. 3, с. 421]. Внутренняя форма слова указывает на тот факт, что данный мифический персонаж издаёт звуки, вроде «пых», т.е. пыхтит: ***Пыхтелка** зла не делает человеку, только спать не даёт ему, всё пыхтит вот так: пых-пых-пых* [СВГ, т. 6, с. 116].

Другим излюбленным местом домашнего является печь. *Запéченьница* [СРГК, т. 2, с. 173], *запéченник* (Арх.) [СРНГ, т. 10, с. 315], *запéчнушко* (Волог.) [СГРС, т. 4, с. 153], *калёная пéчка* (Свердл.) [СРНГ, т. 27, с. 7], *печáя* (Эст.) [СРНГ, т. 26, с. 346], *печной́ хозя́ин* (Мурман.) [СРНГ, т. 27, с. 9], *подпéчник* [СРНГ, т. 28, с. 135] обитают на печи или за ней. Номинация *запéчнушко* имеет уменьшительно-ласкательное значение благодаря экспрессивному суффиксу *-ушк(о)-*. Приведём примеры: *А за печкой жила запечельница, и говорят: положи пряжу, благословясь, а то придёт запечельница* [СРГК, т. 2, с. 173] // *Печая не любит, когда ночью топят. Она хозяйка печи* [СРНГ, т. 26, с. 346] // *Калёная печка поймает тебя* [СРНГ, т. 27, с. 7].

В припечном пространстве расположен голбец – невысокий ящик у русской печи, имеющий горизонтальную опускающуюся дверь, или чулан со спуском в подполье [Криничная 2004, с. 143]. Там обитали *подпо́ляник* (Пудож. Олон.) [СРНГ, т. 28, с. 145] и *голбéшный* [СПГ, т. 1, с. 168]. Слово *голбец* заимствовано из др.-сканд. *golf* ‘пол, отделение’ [Фасмер, т. 1, с. 427]. Приведём пример: *Ночью в голбец-от не ходили, голбешного боялись* [СПГ, т. 1, с. 168].

Углы дома имели сакральное значение. В четырёхугольной структуре крестьянского жилища углы именовались так: *передний* (мужской), *печной*, *куть* (женский) и *задний*, или *дверной* [Агапкина 2011, с. 15]. *Куть*, или *бабий кут* [Рябцев 1997, с. 218], считался сугубо женским углом, так как там располагалось всё необходимое для приготовления пищи. По народному поверью, в этом углу обитала *кутíнья* (Сев.-Двин.) [СРНГ, т. 16, с. 169]. Слово *кутíнья* образовано от общеслав. **kotъ* ‘угол, укрытие’ [ЭСРЯ, т. 8, с. 460].

В сенях обитал *сенной́* (Калин.) [СРНГ, т. 37, с. 167]. Сени — общеславянское слово со значением ‘тень, защита’ [Фасмер, т. 3, с. 602]. По мнению А. К. Байбурина, сени являются своеобразным мостиком,

переходной зоной между домом и двором [Байбурин 1983, с. 139]. Пример: *Не ходи в сени, а то заберёт сенной* [СРНГ, т. 37, с. 167].

Иногда сени назывались ещё и сараем [СВГ, т. 9, с. 93]. Сарай охраняет *сарáюха* [СВГ, т. 9, с. 94]. Данное слово происходит от персидского *sarai* ‘дом, дворец’ [Фасмер, т. 3, с. 560], а суффикс *-юх-* придаёт значение женского пола. Пример: *Эта, видно, сараюха скреблась* [СВГ, т. 9, с. 94].

В кладовке обитали *кладовiк* [СРНГ, т. 13, с. 258], *кладовóй* [ОСВГ, т. 5, с. 47] и *байдáрошник* [СРГЮП, т. 1, с. 36]. Мотивирующая основа — *клад* ‘то, что положено’ [ЭСРЯ, т. 8, с. 144]. Слово *байдарка* впервые встречается в САР в 1789 году [САР, т. 1, с. 83]. Оно образовано от заимствованного из тюркских языков сущ. *бадья* ‘лодка’ [ЭСРЯ, т.2, с. 12]. Лодки, как и другие ценные вещи, крестьяне хранили именно в кладовке, отчего там поселился названный дух. Приведём пример: *Байдарошник в байдарке живёт, вон кладовочка* [СРГЮП, т. 1, с. 36]. Вероятнее всего, появление такого духа, как *байдáрошник*, свидетельствует о важности для местных жителей рыболовецкого промысла на Каме и её притоках.

Визуальное расположение домового в русской избе можно наблюдать на **рисунке 5**.

По мнению многих учёных [Ушаков 1896; Успенский 1952; Померанцева 1975], пространство домового не ограничивается только домом. Оно включает в себя ещё и прилегающие к нему локации: двор, овин, сараи, огороды, даже поля, т.е. все места, освоенные человеком и используемые в хозяйстве.

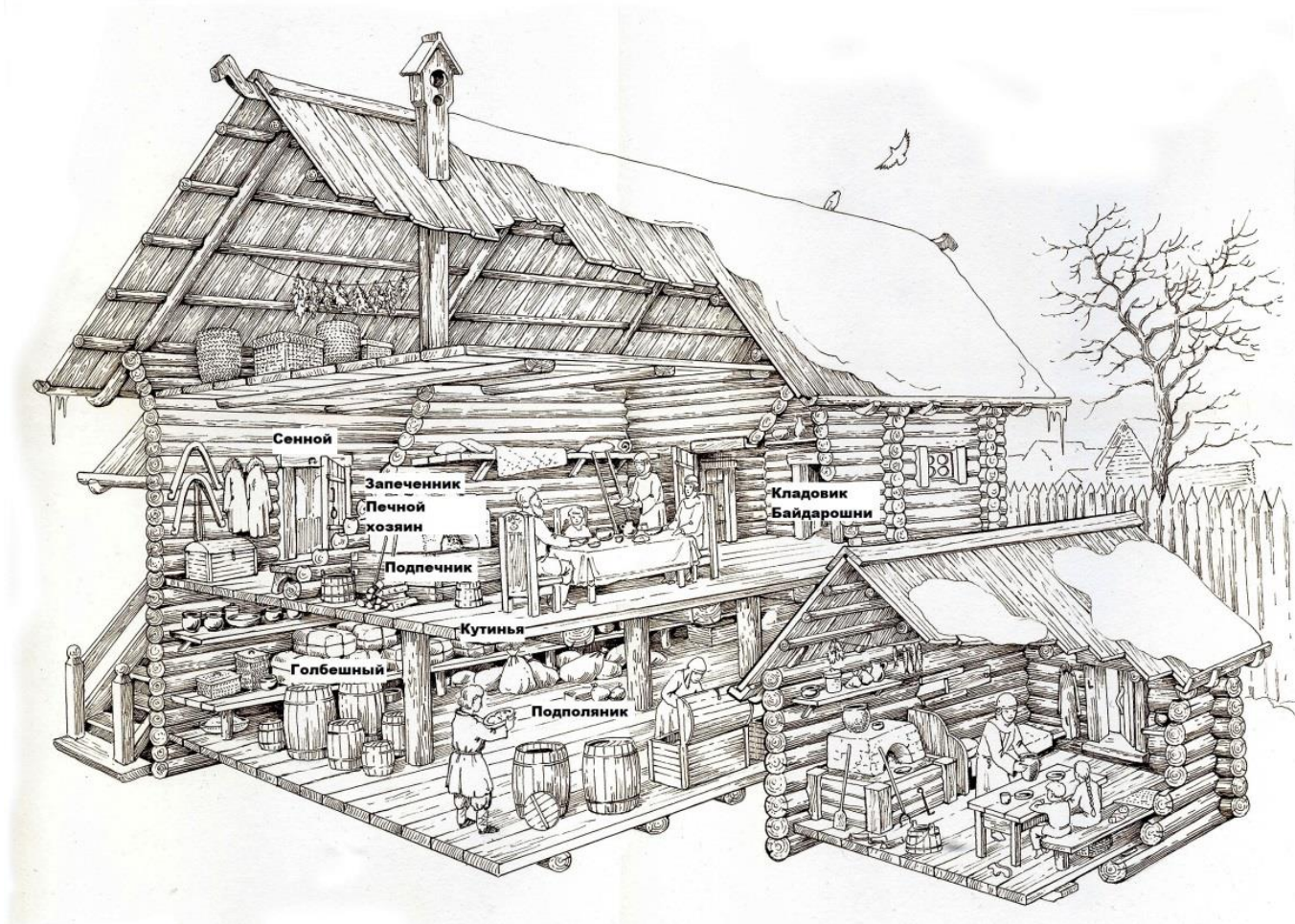

Рисунок 5. Мифологические персонажи в русской избе

Двор охраняют такие духи, как *дворной* [АОС, т. 10, с. 338], *дворовой* [СПП, т. 1, с. 167], *дворовушко* [СВГ, т. 2, с. 13], *дворник* [СВГ, т. 2, с. 12], *матушка-подворёнка* (Волог.) [СГРС, т. 7, с. 254], *дворовик* (Пск.) [СРНГ, т.7, с. 300], *дворовуха* (Арх.) [АОС, т. 10, с. 339], *дворуха* (Арх.) [АОС, т. 10, с. 339]. Мотивирующая основа *двор* имеет индоевропейский характер. Интересно, что *двор* и *дверь* обладают одним корнем, т.е. двор – то, что находится за дверьми, воротами [ЭСРЯ, т. 5, с. 28]. Диалектизм *матушка-подворёнка* получила уменьшительное значение (суффиксы *-ушк-*, *-ёнк-*).

Приведём примеры: *Дядя дворовой, приходи ко мне, не зелен, как дубравный лист, не синь, как речной вал, приходи таким, каков я, — а я тебе Христовское яичко дам!* [ССМ, с. 120] // *Хозяин-от у меня последние денёчки*

доживал. Тогда я и слышала, как **двороушко** плачет // На неё навалилась тягось какая-то. Она и спросила: «**Батюшко дворовушко**, к худу или к добру?» Он как ухнёт! А поутру она встала да пошла — её параличом и розбило [СВГ, т. 2, с. 13].

Мякільница (Сев.-Двин.) [СРНГ, т. 19, с. 77], по народному поверью, есть дух плодородия и достатка, обитающий в помещении, где хранится мякина – отходы, получаемые при обмолоте и очистке зерна хлебных злаков, льна и некоторых других культур [НСРЯ, т. 1, с. 894]. Переработав остатки, крестьяне получали дополнительный корм для скота. Хранилась мякина в мякиннике, защищающем её от дождей и снега.

Амбар – строение для хранения зернового хлеба, муки и др. [ТСЖВЯ, т. 1, с. 12], что подтверждает его внутренняя форма: заимствовано из перс. *anbār* ‘сарай, кладовая’ [Фасмер, т. 1, с. 75]. В амбаре обитали *амбáрник* (Арх.) [СРНГ, т. 1, с. 251] или *амбáрный* (Яросл.) [СРНГ, т. 1, с. 251].

Хлеб молотили на гумне [ТСЖВЯ, т. 1, с. 362]. Данное слово образовалось из двух корней **gi-* ‘говядина’ и **тъnti* ‘мять’. Так появилось значение ‘место, где скотина мнёт, топчет скошенный хлеб’ [Фасмер, т. 1, с. 474]. Гумно оберегали *гумѣнник* (Пск., Новг., Смол., Перм.) [СРНГ, т. 7, с. 228] или *гумѣнный* (Арх., Новг., Волог., Пск., Смол., Енис.) [СРНГ, т. 7, с. 229]. Приведём примеры: *Девушки (под новый год) ходят в баню или на гумно, чтобы гуменный или военный погладил голую часть тела* [СРНГ, т. 7, с. 229] // *Гуменник мохнат — крестьянин богат* [КЭСМ, с. 221].

Изменчивый климат не позволял крестьянам поддерживать хлеба постоянно сухими. Поэтому для хранения зерна и муки использовали специальное помещение – овин. Его оберегали такие духи, как *ови́нщик* [ССГ, т. 7, с. 148], *ови́нник* (Волог., Новг.) [СРНГ, т. 22, с. 299], *ови́нница* (Арх.) [СРНГ, т. 22, с. 299], *ови́нничиха* (Арх.) [СРНГ, т. 22, с. 299], *ови́нушко* (Арх.) [СРНГ, т. 22, с. 299] *подови́нник* (Новг., Сев.-Двин.) [СРНГ, т. 28, с. 109], *подови́нный* (Мурман.) [СРНГ, т. 28, с. 109]. Номинации образованы с

помощью мотивирующей основы *овин*, суффиксов, указывающих на лицо, производящее действие (-щик-, -ник-, -их-), диалектизм *овинушко* – спомощью диминутивного суффикса *-ушк(о)-*, придающего ему ласкательное значение. Примеры: *Пъд празник гнали тарелку в авине, а нада была малицца, нас так выпужьбу авинишык, къмнями стау кидацца, чуть убегли* [ССГ, т. 7, с. 148] // *Овин, ты, овин, возьми мой утин, а не возъмьшь утина, сожгу тебя, овина* [СРНГ, т. 22, с. 299] // *Овинник умеет лаять по-собачьи и, когда удаётся ему напакостить мужикам, хлопает в ладоши и хохочет не хуже лешего* [КЭСМ, с. 383].

Многие исследователи указывают на любовь духа дома к лошадям [Криничная 2004, с. 120]. Поэтому одна из его излюбленных локаций – конюшня. Отсюда номинация *конюшник* [СРНГ, т. 14, с. 278]. О существовании данного мифологического существа свидетельствуют поговорки, записанные В.И. Далем: *Есть домовые одиночки, есть сдружливые, пускающие во двор гуменника, сарайника, конюшника и пр. Домовой лешему враг, а полевой знаетя и с домовым, и с лешим* [ПиПРН, т.2, с. 389].

Огород и сад – те места, которые не позволяли крестьянам голодать, но занимали много времени и сил. Люди верили, что *огорóдница* [СРГЮП, т. 2, с. 221] защищает их плоды от бед. Номинации *бобóвница* [СПГ, т. 1, с. 41], *коноплянница* [ОСВГ, т. 5, с. 86] и *земляной царь* [СРГЮП, т. 3, с. 331] мотивированы семантикой плодов и почвы: *бобóвница* – бобы, *коноплянница* – конопля, *земляной царь* – земля. Приведём пример: *Говорили раньше – земляной царь, дай нам урожай полный амбар* [СРГЮП, т. 3, с. 331] // *Коноплянница в конопле сидит, пойдёшь – ухватит* // *Если кто-то в огороде щиплет, то это коноплянница* [ОСВГ, т. 5, с. 86] // *Люди говорят, что мол в огороде бобовница водится* [СПГ, т. 1, с. 41]. Отметим, что конопля и бобы были незаменимы в крестьянской жизни. Бобы являлись неприхотливой зерновой культурой, способной прокормить и людей, и

животных. У конопли же было намного больше функций: из неё не только варили кашу, но и шили одежду, а также использовали как лекарство от множества болезней. Сеяли эти культуры особым образом. При посеве бобов приговаривали: *Уродись, бобы, и круты и велики, на все доли, на старых и малых! В поле густы, на столе вкусны!* [Усачёва 2008, с. 109]. Сея коноплю, славяне разбрасывали по полю яичную скорлупу в надежде, что конопля вырастет такой же белой: *Роды, Боже, конопля билы, як яйца!* [Усачёва 2008, с. 94]. Более того, в пожеланиях на праздниках также упоминались зерновые культуры и конопля как особо ценные продукты: *Здесь и дети, и домашние животные, птица, разного рода зерновые, масло, мёд, сыр, конопля, лён, деньги и главное — пожелание долгих лет жизни и здоровья всем* [Усачёва 2008, с. 78].

Стога́фья [СВГ, т. 10, с. 122] – обитательница стога. Стога сена также были неотъемлемой частью крестьянской жизни. Заготовленные на зиму стога обеспечивали питанием домашний скот, а значит и хозяев. Пример: *Будешь шалить, дак вот ужо стогафья заберёт // Детей пугали стогафьями, чтоб на сенокос-то не просились* [СВГ, т. 10, с. 122].

В риге не только сушили снопы, но и проводили традиционные святочные гадания [КЭСМ, с. 447]. Данное слово образовано от фин. *riihi* ‘сарай для молотьбы’ [Фасмер, т. 3, с. 482]. Ригу охраняли *дэ́дко-рыга́ч* (Арх.) [СГРС, т. 3, с. 198], *рига́чник / рига́шник* (Олон., Ленингр.) [СРНГ, т. 35, с. 101], *рижа́ник* (Петерб.) [СРНГ, т. 35, с. 102], *ри́жница* [СВГ, т. 8, с. 56], *ры́жный* (Сиб.) [СРНГ, т. 35, с. 306]. Отметим здесь и номинацию *ре́йский* (Смол.) [СРНГ, т. 35, с. 44], образованную от сущ. *рей* ‘рига, овин’ [Фасмер, т. 3, с. 463]. Пример: *Рыгачиха как сарайка така, в рыгачихе дедко-рыгач живёт, по ночам пугает* [СГРС, т. 3, с. 198].

Места обитания домового в крестьянском дворе отображены на **рисунке 6**.

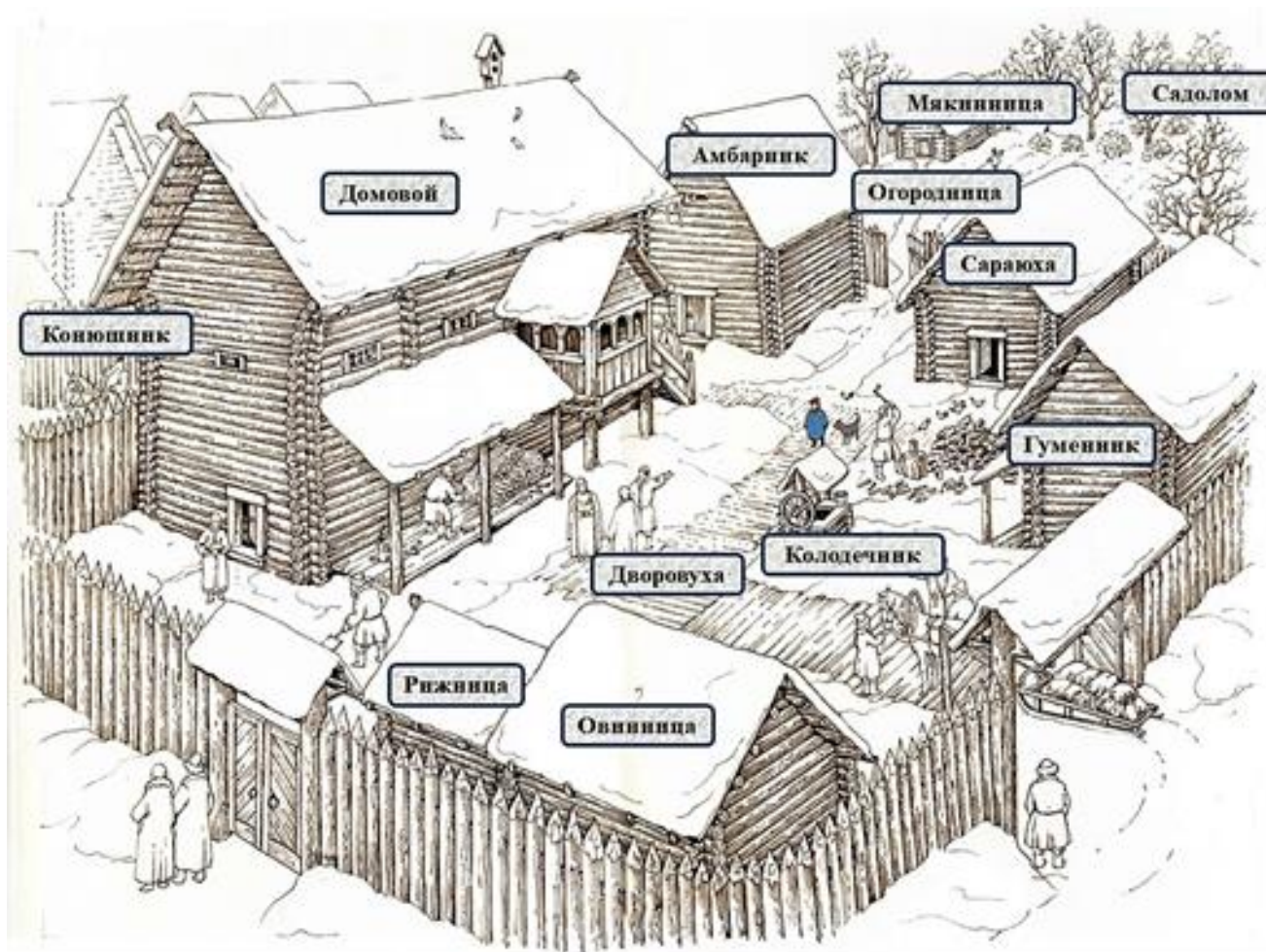

Рисунок 6. Мифологические персонажи в крестьянском дворе

Поле являлось значимым местом для крестьян. Как уже было сказано выше, в летний сезон поле становилось «вторым домом», где работали, ели, спали, рожали и пр., что отображено на **рисунке 7**. В полях, по суеверным представлениям, жили *поляница* (Нижегор.) [СРНГ, т. 29, с. 190], *поляха* (Смол.) [СРНГ, т. 29, с. 192], *полевик* [ОСВГ, т. 8, с. 117]. Таких духов часто называли «полевыми домовыми» [КЭСМ, с. 421]. Приведём пример: «*Полевик не любит, чтобы на поле ругались* [СРНГ, т. 29, с. 47].

Другой хозяин поля – *вьём* (Волог.) [СГРС, т. 2, с. 221]. Само слово *вьём* означает ‘самый предмет, вырезка, проём, гнездо, углубление’ [ТСЖВЯ, т. 1, с. 268]. Как известно, поле пахали сохой по несколько раз

осенью, а затем боронили, создавая в поле некоторые углубления и разрыхляя землю, и так оставляли до весны. Предположительно, в этих углублениях и жил выше упомянутый дух. Пример: *И у поля каждого хозяин есть – выем* [СГРС, т. 2, с. 221]. В РЭС представлены также точки зрения, что такое название домовой получил по функции ‘забирание, выемка чего-либо’ [РЭС, т. 9, с. 141-142].

Рожь считалась самой неприхотливой и самой востребованной, особенно на суровом Севере, злаковой культурой, т.к. искоренить её могло только стихийное бедствие. Оберегала этот знак *ржаница* [СВГ, т. 8, с. 56]. Оржаница: *Когда рожь поспевает, то появляется ржаница в виде девушки с колосками на голове* [СВГ, т.7, с. 56]. Мотивирующая основа –*рожь*–. Слово имеет общеславянское происхождение [ЭСРЯ1, с. 392].

Рисунок 7. Мифологические персонажи в русском поле

Суммируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что домовый обитал не только в доме, но и в прилегающих к нему местах (сараях, дворе, огороде и даже поле). Нами были найдены 84 диалектные номинации домового, мотивированные названиями освоенных человеком территорий. Чем ближе данный мифологический персонаж находится к центру крестьянского мироздания (печи), тем больше он соответствует понятию домового. Чем дальше, тем он больше напоминает духов природных стихий и растений. Отнесение таких номинаций к домовому условно. Оно основано на сакральном делении пространства дома на «своё» и «чужое».

II. Номинация мотивирована семантическим признаком 'родство'

Мотивация номинаций семантикой родства происходит не случайно. Многие исследователи полагают, что домовый является духом умершего предка, главой рода, его хозяином. Образ домового, связанный с культом предков, начал формироваться ещё во времена язычества [Левкиевская 2000, с. 276]. Основная его деятельность – оберегать дом и приумножать его достаток [Рыбаков 1994, с. 121].

Номинация *больша́к* (Казан.) [СРНГ, т. 3, с. 86] указывает вовсе не на большие размеры домового, а на его главенство в доме. Большаками называли хозяев в доме, старших в семье [ТСЖВЯ, т. 1, с. 100]. О *большакé*: *Да без него, без большака, и дом-то держаться не станет* [СРНГ, т.3, с.86].

Всех умерших предков называли дедами [ТСЖВЯ, т. 1, с. 454]. Номинации с мотивирующей основой *дед*: *дédка(о)* (Арх., Орл., Дон.) [СРНГ, т. 7, с. 329], *дéдушка(о)* (Казан., Яросл., Перм., Симб., Пенз., Арх.) [СРНГ, т. 7, с. 332], *дiдько* [КГ, с. 107], *дед* (Тул.) [СРНГ, т. 7, с. 328]. О *дédке*: *Стоит, грит, дедко, не просто дедко: вверху-то дедко, а внизу конь-то* [Криничная 2004, с. 256] // *Святые дзеды, завём вас: хадзице да нас! Есць тут всё, што Бог дау, чым тольки хата багата. Просим вас: ляцице да нас!* [КЭСМ, с. 226].

Отдельного внимания требует номинация *деду́ха* [АОС, т. 10, с. 417],

так как означает женский пол, но при этом образована от мотивирующей основы *-дэд-*, называющей лицо мужского пола, и суффикса *-ух-* со значением женского пола [Ивашина 2019, с. 191-195]. Пример: *Дедуха по ночам ходит, стонет так, как человек, волоса распушиены, а глаза закрытые у ней, будто спит* [СГРС, т. 3, с. 199].

Номинации *домовая ба́(б)ушка* [СПГ, т. 1, с. 15], *ба́бушка-сосе́душка* (Арх.) [СГРС, т. 1, с. 34] также называют женский пол и образуются от слова *баба*, что означало ‘замужняя женщина низших сословий’ [РЭС, т. 2, с. 23]. Примеры: *Новый дом строишь, дак домовую бабушку с собой зовёшь* [СПГ, т. 1, с. 15] // *И дедушко-соседушко, и бабушка-соседушка – им обоим почёт одинаковый, их вместе звать за собой надо* [СГРС, т. 1, с. 34].

Встречаются и диалектные номинации, имеющие первоначальный корень **bratrъ* ‘брат’, а в результате его упрощения возник корень **bate* ‘отец’ [Фасмер, т.1, с. 135]. Их производными являются номинации *батама́н* [ОСВГ, т. 1-2, с. 56], *бата́нушка* (Волог.) [СРНГ, т. 2, с. 141], *ба́тюшка* (Арх.) [СГРС, т. 1, с. 77], *ботамáнушко* (Волог.) [СРНГ, т. 3, с. 130], *ватáмушко* [АОС, т. 3, с. 54], *братáнушко* (Свердл.) [СРНГ, т. 3, с. 153], обладающие экспрессивными суффиксами *-ушк(а)-*, *-ушк(о)-*, *-юшк-*. Примеры: *Дедушко-ватамушко у фсех йесь // Пошевелью рукой — не шевелиця, ногой — не шевелиця — батаман навалился // Соседушко-ботанушко, пойдём со мной ф товаришшы // Невлюбил скотину, муцит — не дворит йейо батамушко* [АОС, т. 3, с. 54].

Дядины ребята (Симб.) – духи, живущие в бане [СРНГ, т. 8, с. 306]. Слово *ребята* имеет первоначальное значение ‘ребёнок, дети’. Так, дядины ребята – дети домового. Как правило, духи крали некрещённых или проклятых детей: *Когда мать меня мыла в бане, то заругалась и сказала: «Хоть бы баянник взял тебя». И вот я с тех пор очутилась в бане и семнадцать лет уже прошло* [Криничная 2004, с. 55].

Лексему *привáл* (Волог.) [СРНГ, т. 31, с. 128] мы отнесли именно к этой группе, поскольку так называли зятя, принятого в дом [ТСЖВЯ, т. 3, с. 414]. Так, домовый воспринимался в доме как новый родственник.

Этимология диалектизма *онгóн* (Иркут., Забайк., Якут., Камч.) [СРНГ, т. 23, с. 214] неизвестна. По мнению Д. К. Зеленина, это бурят-монгольский термин, обозначающий духа умершего предка [Зеленин 1936, с. 138].

Как мы можем заметить, данные номинации обозначают не только деда как главу крестьянской семьи, но и также отца, брата, дядю, детей и даже бабушку. Всего нами было обнаружено 17 диалектных номинаций, мотивированных семантическим признаком родства.

III. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘действие’

Семантика домового амбивалентна: он и хранит, помогая добрым хозяевам, и в то же время совершает проделки, даже строго наказывает своих нерадивых потомков. В этой группе много отглагольных номинаций. По мотивирующему глаголу можно распознать, какие именно действия свойственны домовому. Всех домовых мы разделили на две группы: I) лексема мотивирована глаголом с отрицательной с точки зрения крестьянина оценкой; II) лексема мотивирована глаголом с положительной оценкой.

I. Мотивированы глаголом с отрицательной оценкой следующие названия домовых.

Верещать – *верещíха* (Волог.) [СГРС, т. 2, с. 63]. Пример: *Верещихой пугали, убежим купаться, а старуху шубу перевернула, вересину взяла, дак мы испугались, ой, верещиха идёт* [СГРС, т. 2, с. 63].

Гнетить – *гнеткé* (Олон.) [СРНГ, т.6, с. 241], *гнеткó* (Ленингр.) [СРНГ, т.6, с. 241], *гнётка* (Олон.) [СРНГ, т.6, с. 241], *гнютéница* (Олон.) [СРНГ, т. 6, с. 251]. Отметим, что возможны различные варианты происхождения данного глагола. Так, праслав. **gnetati* ‘мять, давить’ [ЭССЯ, т. 6, с. 167] имеет негативное значение. А праслав. **gnetiti* ‘разжигать (огонь)’ [ЭССЯ, т.

б, с. 167] имеет положительную оценку, так домовой есть хранитель домашнего очага (огня). Тем не менее, в СРНГ данный мифологический персонаж определяется как дух, давящий по ночам [СРНГ, т. 6, с. 241]. Подчеркнём, что семантика номинации *гнетко́* энантиосемична: с одной стороны, уменьшительно-экспрессивный суффикс *-к(о)-*, с другой – отрицательная оценка, связанная с семантикой болезни (*гнетко* – домашний дух, насылающий болезни); ср. *гнетница* (‘болезнь’) и *гнетнути* (‘сдавить’) [СРЯ11-17, т. 4, с. 45]. Пример: *Гнётка мохнатый, волосы длинные, а мы не видали. Бывало, съедутся мужики работать, если не zalюбит гнётка, всю ночь промучит. Меня гнёл, ни которо местечко не шевелилось. Которо любит, кряхтит и двери открывает, которо не любит — гнетёт* [Мадлевская 2005, с. 375].

Доить – *доя́к* [БТСДК, с. 139]. Согласно поверьям, молоко являлось не просто питательным напитком, но и сосредоточением жизненной силы и здоровья. Духи в облике собаки или кошки могли прийти к корове и высосать все молоко [Криничная 2004, с. 650], оставив хозяина ни с чем. О *дояке*: *Карова нынча утрам ничаво ни дала, анять даяк прихадил* [БТСДК, с. 139].

Играть – *игре́ц* (Орл., Курск., Ворон., Тул., Тамб., Пенз., Дон.) [СРНГ, т. 12, с. 70]. Любовь нечистых духов к играм отмечается в работах различных исследователей [Голева 2008; Афанасьев 1865-1869; Криничная 2004]. Так, согласно поверьям, играя, домовой не спит по ночам или не даёт спать другим – отсюда номинация *неспи́ха* (от *не спать*) [ОСВГ, т. 6, с. 238]. Он также любит играть с младенцами, после чего у них появляются различные аномалии [Голева 2008], зализывает спящим людям волосы, а животным – шерсть [Левкиевская 2000, с. 279], что подчёркивается в номинации *лизун* (Волог.) [СГРС, т. 7, с. 91], образованную от глагола *лизать*. Примеры: *Дык суседка видела двоих (домовых): один у синей рубахе, другой — у красной, ды пиримётываютьца. Ды тах-та абнимутца, ды павалютца абои; а потом*

ускочуть, схватютца, да опять повалютца: **играють** [Криничная 2004, с. 137] // *Шерсть корове языком прилизет, будет лизун* [СРНГ, т. 17, с. 44].

Названия *суседушка-баканушка (буканушка)* (Свердл.) [СРНГ, т. 42, с. 297], *седушко-буканушко* (Свердл.) [СРНГ, т. 37, с. 119], *буканка* (Перм.) [СРНГ, т. 3, с. 262], *буканко* (Перм.) [СРНГ, т. 3, с. 262] *буканай* (Ср.Урал.) [СРНГ, т. 3, с. 262], *букарйца* (Тобол., Арх., Волог.) [СРНГ, т. 3, с. 264], *букарка* (Нижегор.) [СРНГ, т. 3, с. 264], *букусётка* (Бурят. Респ.) [СГСЗ, с.58], *бухра-бахра* (Арх.) [СГРС, т. 1, с. 237], *бучер* [АОС, т. 2, с. 194], *бучериха* [АОС, т. 2, с. 194] также определяют шумное поведение духа. Этимология корня *-бук-* обозначена в словаре церковнославянского языка Г. Дьяченко: *-бук-* входит в состав многих слов с семантикой звука, шума: (*буча* ‘шум’, *бучить* ‘реветь’ и пр.) [ПЦСС, с. 61]. А суффиксы *-ушк-*, *-к(о)-* приписывают номинациям ласкательное значение, из-за чего возникает энантиосемия. Приведём примеры: *Детей пугают суседушко-буканушко* [СРНГ, т. 42, с. 297] // *Седушко-буканушко* дому хозяин [СРНГ, т. 37, с. 119] // *Близко подойдя к двери голбца, (солдат, отправляющийся на службу) приглашает с собою идти добрых духов, живущих в доме: суседушка-баканушка, пойдём со мной* [СРНГ, т. 2, с. 58] // *Детьми-то были, вечер-от в подполье ставень откроем, закроемся какими рясухами, говорим: бухра-бахра, иди сюды, скрёба умер, есть иди. Напоследя сами буки забоимся, завизжим и бегом оттудь* [СГРС, т. 1, с. 237].

О громкой натуре домового говорят и номинации по действиям: *суторить* – *суторма* (Брян.) [СРНГ, т. 42, с. 319] (говорить пустое [ТСЖВЯ, т. 4, с. 333]), *турусить* – *турусалка* [СВГ, т.11, с. 77] (‘бредить, говорить вздор’ [СРНГ, т. 45, с. 282]; ‘говорить вздор, врать, говорить небылицы, нести чепуху’ [ТСЖВЯ, т. 4, с. 406]), *хамить* – *хама* [СВГ, т. 11, с. 177]; *пыхтеть* – *пыхтёлка* [СВГ, т. 6, с. 116], *изводить* – *изводень* (существо, издающее неприятные, надоедливые звуки [СВГ, т. 3, с. 8]), что нередко пугает домочадцев: *пугать* – *пужанка* (Якут.) [СРНГ, т. 33, с. 111]; *мекать* – *мека*

[ССГ, т. 6, с. 92] (издавать звук «ме», говорить нечленораздельно, с остановками, с трудом подбирая слова [НСРЯ, т. 1, с. 837]). Примечательно, что номинация *мека* может также иметь значение ‘думать, предполагать’ [СРНГ, т. 18, с. 94]. В таком случае, данный мифологический персонаж имеет положительную оценку. Примеры: *Худо было тем, к кому **турусалка** приходит* [СВГ, т. 11, с. 77] // ***Хамой** меня так стращау!* [СВГ, т. 11, с. 177] // *Вот **ныхтелка**-то запугает тебя и в лес уведёт* [СВГ, т. 6, с. 116] // *Во придить **мека** и зъбярётъ тябе, кали слухыцца ня будиш* [ССГ, т. 6, с. 92] // ***Изводня**-то нету, дак больно и хорошо* [СВГ, т. 3, с. 8].

Как уже было сказано выше, домовые духи обитали во всех домашних постройках, в связи с этим им было свойственно следить за порядком на всей территории крестьянской усадьбы и ухаживать за скотом. Тем не менее, в случае недовольства духи могли обижать и убивать животных. Об этом свидетельствует номинация *му́ка* (Арх.) [СГРС, т. 7, с. 355], произошедшая, очевидно, от глагола *мучить*, а также номинации *облóm* (Курск. Белг., Калуж.) [СРНГ, т. 22, с. 108], *облám* [СРНГ, т. 22, с. 84], производные от глагола *обломать*. Данные персонажи любят обламывать лошадей, а иногда и людей [СРНГ, т. 22, с. 108]. Стоит отметить и номинацию *осáд* (Курск.) [СРНГ, т. 23, с. 350], образованную от глагола *осадить* ‘прищемить, поранить’ [СРНГ, т. 23, с. 350]. Примеры: *Пугают молодого букой, а старого **мукой*** [Черепанова 1996, с. 63] // *Знать, **облом** его изломал* [СРНГ, т. 22, с. 108] // *Осади того **осад**, кто ходит к нам в сад* [СРНГ, т. 23, с. 350].

Хитить ‘похищать’ [ТСЖВРЯ, т. 4, с. 501] – *хитница* [СВГ, т. 11, с. 185]. Любят домовые детей и вещи похищать или зализывать (ном. *лизу́н*). Примечательно, что глагол *лизать* имеет также и значение ‘брать, доставать, счищать языком’ [ТСЖВЯ, т. 2, с. 853]: *Одна мать, потеряв пятилетнего сына, пришла к знахарке спросить: «Правду ли говорят, что мой сын утонул?» — «Твой сын **похищен** царём **домовым**»* [Криничная 2004, с. 162-163] // ***Хитница**-то такая небольшая* [СВГ, т. 11, с. 185] // *Любимое*

занятие **домовихи** — прясть по ночам **пряжу**, оставленную хозяйкой без благословения. Только от такого прядения толку немного — **домовиха** или спутает пряжу, или **слижет** её, так, что на прялке почти ничего не останется [Левкиевская 2009, с. 44] // Не подходи к печке: **лизун** залижет красным языком [СРНГ, т. 17, с. 44].

Домовой наносил вред не только людям и животным, но и растениям: ломать сад – **садолóm** (Курск., Орл.) [СРНГ, т. 36, с. 35] и сечь – **секу́ниха** (Свердл.) [СРНГ, т. 37, с. 128]. Сечь – вырубать что-либо (лес, кусты и т.д.) [СРНГ, т. 37, с. 253]. Примеры: *В огороде – **секуниха*** [СРНГ, т. 37, с. 128].

Манить – **ман** (Новг.) [СРНГ, т. 17, с. 354], **мані́лко** (Волог.) [СРНГ, т. 17, с. 360], **мані́ло** (Арх.) [СГРС, т. 7, с. 236]. Данные мифологические персонажи принимали человеческий облик и заманивали людей к себе, чтобы убить [КЭСМ, с. 53]. Примеры: ***Манило** поманит, в бане-то боялись, **манило-то** тебя уташишит, детишкам говорили* [СГРС, т. 7, с. 236] // *Пустите меня туда, я всех **манов** выведу* [СРНГ, т. 17, с. 354].

От слова **прі́тча** ‘внезапная болезнь, припадок, вызванные колдовством, сглаз’ произошли слова **притчі́на** ‘несчастье, беда, жалоба’ [СРНГ, т. 32, с. 33] и **притчу́н** – номинация злобного домового, который насылал внезапную болезнь или обморок беременным женщинам, и они теряли детей: *Одна у нас скинула, у другой глухонький народился. Всё **притчун*** [СВГ, т. 6, с. 196].

Диалектизмы **варахта́н** [АОС, т. 3, с. 44] и **варахта́нница** [АОС, т. 3, с. 44], вероятно, имеют связь с глаголом **барахтаться** – биться руками и ногами лёжа [ТСЖВЯ, т. 1, с. 42]. Пример: *На дворе видела **варахтана** с **варахтаницей**. **Варахтана** с **варахтаницей** **варахтайеце*** [АОС, т. 3, с. 44].

Стриж (Вят.) [СРНГ, т. 42, с. 5] – одно из орнитологических воплощений домового. Представляют себе этого злодея в виде птицы сыча с крыльями из мягкой кожи, не покрытой перьями. Семантической доминантой этого домового является действие по глаголу **стричь**. Производное же слово

стриж синкретично и обозначает ‘того, кто стрижет’ [Крылов, с. 379]. Однокоренное слово *стри́га* (Обл.) [СРНГ, т. 41, с. 339] – ещё одно имя домового по глаголу *стричь* [СРНГ, т. 41, с. 339]. О *стрижé*: *В хлевах у этих вятчан на место кикиморы живёт стриж, который, поселившись среди овец, вместо всяких паразитов, выстригает у нелюбимых животных почти всю шерсть догола* [СРНГ, т. 42, с. 30].

II. Мотивированы глаголами с положительной оценкой следующие номинации.

Вещать – *вещу́нья* (Калуж.) [СРНГ, т. 4, с. 229]. Древнерусское слово *въщати* имеет значение ‘говорить, обещать, проповедовать’ [Срезневский, с. 1262]. Так, появление домового нередко говорило о грядущих переменах в жизни хозяев: *Лежу я на печи и вдруг чую, что половицы-то скрипят и кто-то дышит. Я-то молчу, притаилась, поняла, что это домовик. Он залез на печь, посидел возле меня и молча ушёл. Я всё думала, к чему это, а утром у меня мама заболела тяжело* [Левкиевская 2009, с. 58] // *Под печкой (у нас там подпечья назывались) кур держали. Плакал. Плачет, нападёт плакать, дак как невеста булайдат. Ревит-ревит. Он предвещал нам уехать, он нас жалел, плакал* [Криничная 2004, с. 179].

Думать – *думовá* (Урал.) [СРНГ, т. 8, с. 257]. Древнерусский глагол *думати* означает ‘размышлять, совещаться, мыслить, замышлять’ [Срезневский, с. 1383]. Очевидно, у домового как хранителя очага было множество дел и забот, о которых он думал: *Да только он всегда понимает, какое к нему отношение. Ежели человек о нём хорошо думает, то будет ему от бабушки одно добро: и в хозяйстве помощь, и в семье лады* [Корепова, Храмова, Шеваренкова 2007, с. 14].

Значимая функция домового – поддерживать благополучие в доме. Сюда относятся номинации по действиям: жарить – *жáренник* и *жарени́ца* (Волог.) [СОВН, с. 128], кормить – *корми́лец* (Волог., Арх.) [СРНГ, т. 14, с. 336], *корми́нчик* (Волог.) [СРНГ, т. 14, с. 336], *корми́льчик* (Волог.) [СРНГ,

т. 14, с. 336], *скóтный кормíлец* (Волог.) [СРНГ, т. 38, с. 117]. Так, домовые способствовали сытости в крестьянском жилище. В номинациях *корминчик* и *кормильчик* содержится уменьшительно-ласкательная коннотация (суффикс -чик-). Примеры: *Видно, кормилец не любит пеструху-то // Кормильчик, кормильчик, приходи в новый дом хлеб здесь кушать* [СРНГ, т. 14, с. 336].

Мотать – *мотовíлиха* (Волог.) [СГРС, т. 7, с. 342]. Мотовило – костыль с развилиной на другом конце (колодка или рожки), для намота пряжи с веретена [ТСЖВЯ, т. 2, с. 946]. Так, *мотовíлиха* пряла пряжу по ночам [Левкиевская 1999, т. 2, с. 120-124]. Здесь же стоит отметить номинацию по глаголу прясть – *прýха* [СВГ, т. 6, с. 106]. Примеры: *Плохо предёшь — мотовилиха накажет, а кака така мотовилиха — никто не знает* [СГРС, т. 7, с. 342] // *Опять прýха напроказила* [СВГ, т. 6, с. 106].

Носить – *носáк* [СРГК, т. 4, с. 43]. *Носáк* – мифологическое существо, отвечающее за изобилие в хозяйстве молока, из которого можно было сделать сметану, сыр, творог, масло, обеспечив питанием всю семью [Рябцев 1997, с. 207]. Пример: *Поставь хоть двадцать муравцев [кринок] — носак наносит* [СРГК, т. 4, с. 43].

Пережинать – *пережéинница* (Влад.) [СРНГ, т. 26, с. 106]. Пережинать значит ‘выжать (серпом) известное количество и в данное время’ [ТСЖВЯ, т. 3, с. 44]. Данная работа выполнялась в поле над злаковыми культурами. Примечательно, что в толковании номинации указывается способность духа сжигать чужую рожь [СРНГ, т. 26, с. 106].

Удельывать – *удельница* (Олон., Север., Карел., Волг.) [СРНГ, т. 46, с.290]. Удельывать – уладить, устроить, урядить, особенно снаружи, охитить избу, вычинить крышу от течи, забор от пролазу и пр. [ТСЖВЯ, т. 4, с. 435]. Следовательно, данный мифологический персонаж способствовал успешному выполнению дел в доме. Пример: *Нас, бывало, пугали этой удельницей. Пойдём синюшки да цветы разные рвать, говорят: удельница схватит* [СРНГ, т. 46, с. 290]

Итак, нами были обнаружены 41 номинация домового, мотивированная его негативными действиями, и 13 номинаций, мотивированных позитивными действиями. Так, с одной стороны, домовому свойственно всячески вредить человеку, пугая его, задирая, заманивая, и животному, выстригая и зализывая его шерсть. С другой стороны, домовый помогает своим потомкам, прядя шерсть, мотая нити, ухаживая за животными.

IV. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘оценка’

В эту группу собраны номинации домового, мотивированные словами сарко выраженной положительной, либо чаще всего отрицательной оценкой в производящей основе, что снова подчёркивает амбивалентность домового.

Как и в предыдущей группе, большинство номинаций имеют очевидную мотивацию.

Положительная оценка содержится в следующих номинациях домового:

Доброхóдушко [СВГ, т. 2, с. 31], *доброхóт* [СВГ, т. 2, с. 32], *мáтица—доброхóтица* [СВГ, т. 4, с. 74] – добрые. Примеры: *Лежишь — вдруг придёт, навалится на тебя. Ты и спросишь: «Суседушко-доброходушко, к худу или к добру?» Скажет: «К худу» или «К добру»* [СВГ, т. 2, с. 31] // *Матица-доброхотица, батюшко-доброхотушко! Пойдём со мной домой* [СВГ, т. 4, с. 74].

Номинации *доможи́л* (Астрах., Курск., Орл.) [СРНГ, т. 8, с. 122] и *доможи́рко* (Арх.) [СРНГ, т. 8, с. 123], как и *жихори́чка* [АОС, т. 14, с. 238], *жи́тель* [СРГК, т. 2, с. 66], *жи́харь* (Олон.) [СРНГ, т. 9, с. 198], *жихарёк* [СРГК, т. 2, с. 70], *жи́хорько* (Олон.) [СРНГ, т. 9, с. 198], *жихо́рюшко* (Арх.) [СРНГ, т. 9, с. 200], *жихари́ха* [СРГК, т. 2, с. 70], *жирови́к* (Олон.) [СРНГ, т. 9, с. 185], *жиро́вый* (Олон.) [СРНГ, т. 9, с. 186] имеют корень -жи- и являются производными от слова *жир*, этимология которого синкретична и соединяет значения 1) ‘жить’, 2) ‘есть’ [Фасмер, т. 2, с. 56], а также ‘нажитое’, ‘изобилие в доме и пище’ [ЭСРЯ, т. 5, с. 293]). У большинства

номинаций имеются ласкательные суффиксы *-ёк-*, *юшк(о)*, *-к(о)-*. Приведём примеры: *Добрый дух, доможил, вот тебе сани, поехали с нами*. [СРНГ, т. 8, с. 122] // *Волосы это мне доможирко зализал* [СРНГ, т. 8, с. 123] // *Похаживала я на море, приехала, байню стопила, вымылась и завалилась; вдруг со спанья слышу, кто-то со спины лезет ко мне, тянется, я — хватать его руку, шлопнулось что-то на пол, гляжу, что-то тёмное шлёпнуло, а тёмно-то в хате, жихарь-то был* [СРГК, т. 2, с. 70].

Положительная оценка также содержится в номинациях *родимец*, *милак* и *норовоюшко*; их описание представлено на стр. 51.

Отрицательную оценку корневой морфеме имеют номинации: *лихо́й* (Ряз., Тул., Моск., Нижегород., Самар.) [СРНГ, т. 17, с. 78], *страхила́т* (Свердл.) [СРНГ, т. 41, с. 291], *страхила́тка* (Урал.) [СРНГ, т. 41, с. 291], *дурно́й* (Тул., Ворон.) [СРНГ, т. 8, с. 270], *ляд* (Вят.) [СРНГ, т. 17, с. 259].

Отрицательная оценка прослеживается и в номинациях *дурной*, *ляд*, *лихой*, подробное описание которых было представлено на стр. 52.

Наименования *страхила́т* и *страхила́тка* образованы от ст.-слав. *страхъ* 'ощепенение' [Фасмер, т. 3, с. 772]. Данные мифологические персонажи вызывали страх у людей: *Тут мне и покажись, будто из горы страхилатка лезет* [СРНГ, т. 41, с. 291].

Отрицательная оценка также заложена в номинациях, в семантике которых есть указание на нечистую силу. Так, *жирово́й чёрт* (Олон.) [СРНГ, т. 9, с. 186] и *черта́н* [СРГЮП, т. 3, с. 351] имеют очевидную связь со словом *чёрт*. Примеры: *Чертан, видно, на чердаке живёт, буткает* [СРГЮП, т. 3, с. 351]. Отметим оксюморон в номинации *жировой чёрт*.

В. Н. Топоров считает, что *анчу́тка* имеет балтийское происхождение и является производным с суффт. русс. *-утка*, с которым образуются названия мелких животных, что имеет уничижительное значение. В.Н. Топоров делает вывод, что таким теонимом называлось мифологическое существо маленького роста [Топоров 1973, с. 34]. Р. Крегджис считает, что русс. диал.

анчутка (Орл., Тамб.) [СРНГ, т. 1, с. 262] является девербативом, образованным из трёх структурных компонентов: *на + чуд + ка*, т.е. *начудка*, и подвергнувшимся морфотактической перестановке из-за феномена табу: *анчудтка*, или *анчутка*. Полисемия русс. диал. *анчутка* определяется многообразием выражаемого им референта – чёрта [Крегждис 2011, с. 139]. Приведём пример: *Пойди-ка ночью в лес, там тебя анчутка схватит* [СРНГ, т. 1, с. 262].

В слове *еретник* (Казан.) [СРНГ, т. 9, с. 23] все вторичные значения оценочно маркированные, т.к. обозначают отступников от православной веры: колдунов, духов умерших, домового: *А это всё оттого и бывает, что он, еретник-от, дом не взлюбит*. Негативную оценку подчёркивает употребление *еретника́* в качестве бранного слова, называющего свирепого, знающего с нечистой силой человека [СРНГ, т. 9, с. 23].

Мардас (Арх.) [СГРС, т. 7, с. 239] происходит от эст. *mardus* ‘привидение, дурная примета, загробный голос’ [Фасмер, т.2, с. 573]. Это мифологическое существо типа домового, оставляющее синяки на теле человека: *Мардас выел — пошли пятна-те, больше у стариков бывает, мардас выел — к смерти* [СГРС, т. 7, с. 239].

Субстантивированная лексема *навной* (Твер.) [СРНГ, т. 19, с. 170], вероятнее всего, произошло от *навь* ‘мертвец, покойник’ [ЭССЯ, т. 24, с. 49]: *Не ложись у порогу – навной перешагнёт* [СРНГ, т. 19, с. 170].

Ещё один дух, обитающий в доме, – *упырь* (Моск.) [СРНГ, т. 47, с. 306]. Слово заимствовано из славянских языков и означает ‘перекидыш, перевёртыш, оборотень, бродящий по ночам ведьмаком, волком или пугачём и пр. и засасывающий людей и скотину’ [ТСЖВЯ, т. 4, с. 464].

Созвучные номинации *кикймора* [ОСВГ, т. 5, с. 41], *кикйморка* [ОСВГ, т. 5, с. 41], *кикумора* [СПГ, т. 1, с. 383] – женский дух, обитающий и проказящий в доме или во дворе. Слово состоит из двух корней: *-кик-* и *-мор-*. Первая часть не ясна: возможно, от *ки́ка* ‘чуб, коса’ или лит. *kai̯kas*

‘домовой, гном’. Вторая часть – от укр. *мо́ра* ‘нечистый дух’ [Фасмер, т. 2, с. 231]. Пример: *В избе никого нет, а печка топлена – кикумора, видно* [СПГ, т. 1, с. 383].

Одна из точек зрения происхождения номинаций *мару́шка* (Пск.) [СРНГ, т. 17, с. 377], *ма́ра* [ОСВГ, т. 6, с. 19] описана на стр. 61. В ЭССЯ рассматривается другая точка зрения, согласно которой цслав. *мара* связано с праслав. *мора* ‘кошмар, удушье, смерть’ [ЭССЯ, т. 17, с. 204-207]. О *ма́ре*: *Мара — как человек. Оставляют прялку ночью, так мара прядёт. Благословить, чтобы мара не пришла // Вышла мара из-под печи, семьдесят одёжек, а всё гузно полно* [Криничная 2004, с. 176]. Диалектизм *марушка* в своей семантике имеет энантиосемию: ласкательный суффикс *-ушк-* и отрицательную оценку, связанную с семантикой потустороннего мира в корне.

Слово *шилику́н* [СОВН, с. 568], по всей видимости, восходит к праславянскому *šijъ* ‘левый, неправедный’ [Фасмер, т. 4, с. 484]. «Негодным» и «неправедным» в поверьях традиционно именуется нечистый дух, откуда могло возникнуть и его название – *шилику́н* (с суффиксом *-ун-*, означающим действующее лицо). Е. Л. Березович и Л. Н. Виноградова относительно происхождения данного наименования склоняются к версии о связи с коми-перм. *кулюшун* ‘водяной дух’ через перестановку звуков, а далее – с коми-зыр. *куль* ‘бес, черт’ из общеперм. **kul* ‘злой дух’ [Березович, Виноградова 2010, с. 49-52]. О. А. Черепанова описывает этого мифологического персонажа в соответствии с этнографическими данными. Так, в Арх. *шилику́ны* на святки выезжают из проруби на конях в санях. Они страшны, изо рта их идёт огонь, в руках калёный крюк, которым загребают детей, находящихся в этот момент на улице. В Волог. считается, что *шилику́ны* рождаются в ненастные ночи и вылетают через трубу на улицу, где и живут до Крещения, иногда они принимают облик чертенят перед гадающими девками. В Сиб. *шилику́ны* являются домовыми маленького роста

[Черепанова 1983, с. 296-297]. Примеры: *Шуликуны с Рождества до Крещенья. Скажут, вечером не гляди в окно, шуликуны утянут. Они на печи на калёной ездят. Наверно, натопят печь и поедут. Церковь обрестована, там коцегарка, вот и ходят // Великий пост пройдёт, будет заговенье. Кругом деревни гоняют тройки, шуликунов топчут. Это будто черти, а потому их и топчут, чтоб они не остались* [Черепанова 1996, с. 58]

Коловёри (Тамб., Липец., Саратов.) [СРНГ, т. 14, с. 150] – похожее на человека фантастическое существо, покровительствующее хозяину дома [СРНГ, т. 14, с. 150]. Ещё одна вариация данного слова (*коловёртыш*) указана у О. А. Черепановой [Черепанова 1996, с. 170]. Очевидно, слово состоит из двух корней *-коло-* ‘около’ и *-вер-* ‘вертеться’. Так, *коловёри* – тот, кто вертится около дома. Пример: *У Морозова Леньки ребятишки, как коловёриши, всё домой тащат* [СРНГ, т. 14, с. 150].

Номинация *лёмбой* (Арх.) [СРНГ, т. 16, с. 347] восходит к карельскому *lembo* ‘нечистый, дьявол’ [Фасмер, т. 2, с. 480]. О *лёмбое*: *Когда отец или мать, возгорчившись на ребёнка, говорят недобрые слова: ой, лёмбой ты дери, ой, изымитко ты; ну ты к лешему, — лёмбой тут и есть: они похищают заклятых* [Криничная 2004, с. 312].

Номинация *шайтáн* [СРГЮП, т. 3, с. 379] происходит из турецкого *şäitan* ‘чёрт’ [Фасмер, т. 4, с. 395]. Стоит отметить созвучие с греческим словом *satanas* ‘сатана’. О *шайтáне*: *Это тоже надо выше двери оставить, и под матрас ложат, шайтаны чтоб не ходили, спать не мешали, всякая ерунда чтобы не снилась* [СРГЮП, т.3, с. 379]. Данный диалектизм также называет лешего: *В лесу шайтан. Путаёт которых. Которы даже теряются, это шайтан водит* [СРГЮП, т. 3, с. 379].

Ванюшка (Арх.) – имя собственное, которым называли домового [СГРС, т. 2, с. 22]. С одной стороны, предположительно, данная номинация связана с ближайшим предшественником Иисуса Христа Иоанном Крестителем (Иваном Купала) и с одноимённым праздником. Так, в ночь на

Ивана Купала в домашних постройках (гумне, бане и пр.) проводилось множество ритуалов, в которых духи принимали непосредственное участие [Криничная 2004; Афанасьев 1865-1869]. Подчеркнём, что существует большое количество диалектизмов, образованных с именем *Ива́н* и связанных по значению с Иваном Купала: *Ива́н-ле́тний*, *Ива́н-тра́вник*, *Ива́н-це́тний* и др. [СРНГ, т. 12, с. 53-54].

С другой стороны, возникновение данного диалектизма связано с тем, что такое имя было и остаётся популярным в России. Домовой часто воспринимался людьми как хозяин и покровитель, вследствие чего мог получить обычное человеческое имя. Означая нечистую силу и имея ласкательный суффикс *-ушк-*, данная номинация содержит энантиосемию. Пример: *А я сяду да домового упрашиваю: «Ванюшка, не тронь моего мужика»* [СГРС, т. 2, с. 22].

Очевидно, домовому как представителю потустороннего мира характерна отрицательная оценка в большей степени, чем положительная. Так, нами было зафиксировано 17 диалектных наименований домового с положительной оценкой и 21 наименование – с отрицательной, причём 16 из них имеют в корневой морфеме семантику ‘нечистая сила’.

V. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘внешность’

Для воссоздания образа мифологического существа чрезвычайно важны внешние признаки, которые также сохранены во внутренней форме диалектизмов.

Русский домовый часто в поверьях предстаёт обросшим длинными волосами или мхом. При этом шерсть считалась атрибутом зооморфного признака и символом достатка и плодородия [СОВН, с. 492]. Шерсть имеют следующие домовые: *волосáтка* (Сев., Арх.) [СРНГ, т. 5, с. 58], *мохна́ч* (Нижегор.) [СРНГ, т.18, с. 310], *кузю́тка* (Тул.) [СРНГ, т. 16, с. 29], *ку́зя* [СРГЮП, т. 1, с. 440].

Волосáтка, по всей вероятности, имеет общее происхождение с древнерусским богом Волосом [СРНГ, т. 5, с. 58]. Происходит от **volsъ*, той же основы, что и др.-рус. *Володь* ‘волосы на голове’ [ЭСРЯ, т. 3, с. 150]. О *волосатке*: *Лёгкая лодка скользнула в ракетник. Раздвинула куст Волосатка, пустилась домовиха по полю ко двору к Домовому* [Ремизов 1996, с. 174].

Мохнатый – *мохна́ч*. Мотивирующей основой данной номинации выступает *мохна* ‘пучок волос, перьев’, имеет общеславянское происхождение, является родственным слову *мох* [Фасмер, т. 2, с. 666].

Номинации *ку́зя* и *кузю́тка* описаны ранее на стр. 77.

Домовой часто принимал облик животного: зверь – *зверинка* (Волог.) [СГРС, т. 4, с. 252]. Пример: *Зверинка измучивает лошадей и коров, корова как инейком покроется* [СГРС, т. 4, с. 252].

Медведь – *медвѣдко* [ОСВГ, т. 6, с. 33], *медвѣдушка* (Арх.) [СГРС, т. 7, с. 260]. В славянской мифологии медведь – символ плодородия, здоровья, силы; он связан с нечистой силой и оберегает скот [Гура 2004, т. 3, с. 211-215]. Примеры: *Ночью медведко душит, если в баню сходишь сытый* [ОСВГ, т. 6, с. 33] // *Медведушка дурной, он как ступит на дорогу — не пересеки пропадает; у него коготки, как у медведя настоящего, только маленькие* [СГРС, т. 7, с. 260].

Кот – *котáнко* (Арх.) [СРНГ, т. 15, с. 101]. По народным представлениям, кошка наделена магической силой. Переезжая в новое жильё, крестьяне сначала запускали туда кошку, сажали её на печной столб, где, как они полагали, обитает домовый [Гура 2004, т. 3, с. 637-640]. Пример: *Мужик же потом видел своего выгнанного домового в лесу, где он скинулся котом, ходил вокруг мужика и сильно голосил* [Криничная 2004, с. 127; Якушевич 2020, с. 171-177] // *Котанко серый, привидилось нам* [СРНГ, т. 15, с. 101].

Ласка – *домовая ласка* (Арх.) [СГРС, т. 3, с. 248], *ласка* (Арх.) [СГРС, т. 7, с. 31], *ласица* [СРГК, т. 3, с. 98]. Ласка, по суеверным представлениям, считалась покровительницей дома и скота. Если в доме или хлеву жила *ласка*, то жильцам сопутствовала удача, здоровье, счастье. Считалось, что в ней воплощена душа первой хозяйки дома [Гура 2004, т. 3, с. 82-85]. Аналогичную символику приписывают и росомахе [Гура 2009, т. 4, с. 474-475] (номинации *росомага* [СРГЮП, т. 3, с. 47], *русомага* [СРГЮП, т. 3, с. 54]). Примеры: *Киту из соломы домовая ласка навьёт так, что корова ступить не может* [СГРС, т. 3, с. 248] // *В каждом доме живёт соседко, ласка — домовой, он присматривает за скотом, это уж евовное дело* // *Ласка — она к скоту ближе, но и к человеку, если полюбит* [СГРС, т. 7, с. 31] // *Ласица во двори живёт, мучает она лошадь, лошадь вся мокрая* [СРГК, т. 3, с. 98] // *Говорили, что в борозде огородница зелёная лежит, а у воды и у ключика росомаха живёт: страшная бабка с чёрными космами* [СРГЮП, т. 3, с. 47] // *Положили в борозду старую одежду, кричим: «Русомага»! А малыньки верят, боятся* [СРГЮП, т. 3, с. 54].

Бирюк (Дон.) [СРНГ, т. 2, с. 294]. Слово *бирюк* заимствовано из тюркских языков и имеет значение ‘волк, нелюдим’ [Фасмер, т. 1, с. 168]. Отметим, что в некоторых регионах так называли медведя, значение которого было описано выше [ТСЖВЯ, т. 1, с. 20].

Диалектизм *суседушка-буредушка* (Свердл.) [СРНГ, т. 42, с. 297] указывает на связь домового со скотом. Так, уральское слово *буредушка*, имеющее ласкательный суффикс *-ушк-*, заимствовано из персидского *bōr* ‘рыжевато-бурый, гнедой’ и мотивировано одновременно и семантикой бурого, тёмно-коричневого цвета, и шерсти, поскольку речь идёт о масти животного [Фасмер, т. 1, с. 249]. Пример: *Суседушка-буредушка, люби мою коровушку* [СРНГ, т. 42, с. 297].

В противовес предыдущим номинациям выступает *лыско* [СРГК, т. 3, с. 164]. Очевидно, диалектизм происходит от праславянского **lyszь* ‘лысый,

плешивый, облысевший' [ЭССЯ, т. 17, с. 45] и имеет экспрессивный суффикс -к(о)-. Нет прямого указания на то, что домовый имеет лысину в отличие от чёрта [МС, с. 595]. Однако, как уже было сказано, домовый способен принимать облик своих хозяев, следовательно, наличие у него лысой головы отрицать нельзя. О *лыско*: *Не вздыхай тяжело, не отдадим далеко, хоть за лыско, да близко // Ходит кто-то по чердаке, говорят: «Лыско»* [СРГК, т. 3, с. 164].

Диалектизмы *ужак* [БТСДК, с. 540], *ужака* [БТСДК, с. 540], *ужачка* (Дон.) [СРНГ, т. 46, с. 331] имеют два значения: 1) уж, неядовитая змея, 2) мифическое существо, живущее во дворе дома [СРНГ, т. 46, с. 331]. Так, мы полагаем, что мотивирующей основой данного слова выступает –уж–. Праслав. **ǫžь* родственно др.-прусск. *angis* 'змея', лит. *angis* 'ядовитая змея' и пр. [Фасмер, т.4, с. 150]. Согласно суеверным представлениям, змея имеет хтоническую природу. Считалось, что наличие змеи в доме является добрым знаком. Ужам позволяли селиться в доме и воспринимали и почитали их как домовых [Криничная 2004, с. 122]. Примеры: *Ва дварах жывёт ужачка // Ужака — эта хазяйка ва дваре, ана пат парогам жывёт, никаво ни трогать, и йиё трогать нильзя // Ужак ф каждая дваре жывёт, и иво нильзя убивать, а то нищастя будить чи умрёт хто, чи скатина забалеит* [БТСДК, с. 540].

Цвет также имел символическую трактовку в славянской мифологии. Так, красный цвет считался цветом жизни и плодородия. Домовые также часто представлялись одетыми в красную одежду [Белова 2002]. Некоторые исследователи связывают красный цвет с огнём [Афанасьев 1865-1869; Криничная 2004].

Номинация *белун* (Моск.) [СРНГ, т. 2, с. 228] мотивирована прилагательным *белый* и встречается у В. И. Даля: «Добрый домовый, с белой бородой, в белом саване, с белым посохом, является с просьбой утереть ему нос и за это сыплет деньги носом» [СРНГ, т. 2, с. 228].

Красная баба – мифическое существо, которое насыляет болезнь [СГРС, т. 6, с. 135]. Прилагательное *красный* символизирует высокую температуру, горячку, сопровождающую болезнь. Именно поэтому детали одежды женщины-домового тоже красные: *Кумаха — горячая болезнь, вся кровь так и кипит; её красная баба насыляет, она весь век в красном // В поле иногда красная баба ходит, сарафан дугой, а в косе красна лента, кто красную бабу увидит, скоро умрёт* [СГРС, т. 6, с. 135].

Связь с красным цветом имеет и *меденица* (Волог.)– мифическое существо в виде женщины в красном сарафане [СГРС, т. 7, с. 261]. Мотивирующая основа –*медь*–. Предположительно родственно др.-исл. *Smidr* ‘ремесленник, кузнец’, д.-в.-н. *smid* ‘кузнец’, *smida* ‘металл’ и пр. [Фасмер, т. 2, 591]. О *меденице*: *Свекрови моей меденица привиделась: иду, говорит, на сенокос, впереди баба в красном сарафане с оханкой дудок под мышкой, еле жива домой прибежала* [СГРС, т. 7, с. 261]. Очевидно, дух получил такое название из-за красного оттенка, которым обладает медь. Медь имеет «сакральную» символику в связи с её цветовыми характеристиками и пластическими свойствами. Коми-пермяки называют медные предметы «красными». Сам цвет обладает апотропейной семантикой в их народной культуре [Голева 2008, с. 74].

Железнячка (Перм.) [СРНГ, т. 9, с. 106], *железнячка* (Перм.) [СРНГ, т. 10, с. 245] – духи, обитающие в огороде. Общеславянское слово (мотивирующая основа –*желез*–) восходит к основе *gel*, которая означала ‘камень’, так как железо в породе имеет вид камня [Крылов, с. 131]. По мнению Е. Е. Левкиевской, «железо – один из древнейших металлов, имеющий высокий сакральный статус в народной культуре и используемый в защитной и медицинской магии» [Левкиевская 2002, с. 159-160]. Стоит подчеркнуть, что огонь, вода, земля (дерево, камень), железо относятся к важнейшим элементам природы. Неудивительно, что многие исследователи считают, что домового является их персонификацией [Криничная 2004].

Что касается номинаций *лопáстый* (Астрах., Вят.) [СРНГ, т. 17, с. 132], то она имеет спорное происхождение. Так, с одной стороны, *лопáстый* происходит от тур. *Albasty* ‘злой дух’ [Фасмер, т. 1, с. 69] и характеризует домового как нечистую силу. С другой стороны, предположительно, произошло оглушение согласного *б* в первоначальной форме *лобáстый*, тогда дух приобретает значение ‘широколицый, здоровый, большой’ [СРНГ, т. 17, с.95].

Другой облик домового – тень. Об этом говорят номинации *пастён* (Новг., Яросл., Волог., Арх., Латв. ССР., Твер.) [СРНГ, т. 25, с. 262], *постён* (Новг., Твер., Пск.) [СРНГ, т. 30, с. 225], *постень* (Новг., Твер., Пск., Моск.) [СРНГ, т. 30, с. 225], *стеня* и *стиня* (Влад., Костром.) [СРНГ, т. 41, с. 137], *бестённый б́ука* (Костром.) [СРНГ, т. 2, с.281].

По мнению некоторых исследователей [Криничная 2004, Богданович 2009], духи материальны, но значительно тоньше осязаемых предметов, словно тень или пар. Примеры: *Сколько он мне показывал, что ему эта корова не нравится, а я ничего, думаю, свыкнется. Вот как я её привёл, так в ту ночь и навалилась на меня **тень*** [Криничная 2004, с. 138] // ***Постень** приходил к нам часто, когда мать болела* [Криничная 2004, с. 139].

Диалектизм *багáн* (Смол.) называет мифическое существо, покровительствующее скоту [СРНГ, т. 2, с. 33]. Слово *багáн* является поздней перестройкой формы *багор* и имеет значение ‘палка, крюк’ [ЭССЯ, т. 1, с. 133]. Учитывая, что домовый появлялся перед людьми тенью, которая «вытягивается» за счёт света, мы можем предположить, что облик духа представляли в виде длинной палки. Пример: ***Баган** задушил овцу. **Баган** нарадзил теля* [СРНГ, т. 2, с. 33].

Итак, нами установлена 31 диалектная номинация домового, мотивированная семантическим признаком внешности. Домовой может появляться в виде животного, умершего предка, тени. Он бывает волосатым

или лысым, носит красную или белую одежду, является персонификацией природных элементов (огонь, вода, земля, дерево, камень и пр.).

VI. Номинация мотивирована табуистическим характером домового

Для развития цивилизации характерен феномен табуирования. Осознавая свою беспомощность в неизученном мире, люди сформировали систему запретов, источником которой являлся страх перед неизвестным. И. В. Пенюкова предполагает, что само явление появилось путём сложения магических формул, выцарапанных на поверхности камня или дерева и самобытно произносившихся, а со временем и принявших форму слов [Пенюкова 2010, с. 95]. Слово воспринималось в качестве сакральной формулы, чьи начальные и конечные элементы становились символами жизни и смерти. С течением времени сакральность терялась, а данные элементы преобразились в формальные кодовые признаки размещения энергии внутри слова [Маковский 2008]. Одинаковые звуки, согласно древним представлениям, имели различную магическую силу с учётом расположения в начале или конце слова. Так можно объяснить возникновение табуирования, которое, по мнению людей, оберегало их от злого умысла. Оно осуществлялось с помощью перестановки начальных и конечных элементов слова, в результате чего слово приобретало противоположное значение.

Все номинации мифологических персонажей в той или иной степени являются табуированными. Древние славяне верили, что, называя нечистых духов по имени, привлекают их. Таким образом, желая упомянуть их, они использовали местоимения (в том числе и субстантивированные) с отсутствующим сигнификатом и существительные с предельно обобщённым сигнификатом.

Онi (Волог., Новг.) [СРНГ, т. 23, с. 215], *он и ён* (Смол., Тул., Яросл., Сиб.) [СРНГ, т. 23, с. 213], *сам* (Яросл., Зап., Южн.-Сиб.) [СРНГ, т. 36, с. 72],

самá (Смол.) [СРНГ, т. 36, с. 72] – табуированные местоимения, называющие домового. Приведём пример: *Кобыла что-то худеть стала, видно сам не любит* [СРНГ, т. 36, с. 72].

Мы полагаем, что номинация *другáя половína* (Олон.) [СРНГ, т. 8, с. 210] связана с вышеописанной номинацией *кутíнья*, которая оберегала бабий угол (кут), т.к. другой половиной также называется чистая половина дома [СРНГ, т. 8, с. 210]. С точки зрения Н. А. Криничной [Криничная 1995], домовый получил такое наименование, так как является двойником человека.

Таким образом, мы обнаружили 5 номинаций домового, мотивированных преимущественно местоимениями, подчёркивающими табуистический характер номинаций. В большинстве случаев, упоминая духа в разговоре, люди заменяли его имя местоимением или названием, указывающим на его двойничество по отношению к человеку.

VII. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘таксис’

Полдень и полночь в славянской мифологии считается временем сакральным, «таинственным и критичным» [Зеленин 1991, с. 418]. Это своего рода «порог» между сменяющимися друг друга временами суточного цикла [Криничная 2004, с. 51]. В полночь, реже в полдень появлялись духи. Как правило, это время гаданий и ритуалов. Сюда относятся следующие номинации домового: *полднёво́й* (Калуж., Ряз.) [СРНГ, т. 29, с. 43], *полудённый домово́й* (Тул.) [СРНГ, т. 29, с. 143], *полуно́чник* [СРНГ, т. 29, с. 156], *полуно́шница* (Новг.) [СРНГ, т. 29, с. 157], *пополу́дница* (Перм.) [СРНГ, т. 29, с. 333], *полуно́чница* [ОСВГ, т. 8, с. 132], *полу́дница* [ОСВГ, т. 8, с. 131], *полуно́чна* [СРГЮП, т. 2, с. 395]. Примеры: *Не рви горох в огороде – полудница-то схватит* [СПГ, т. 2, с. 158] // *В полночь поднимаются ото сна все домашние... и из всех углов гонят полуночицу криком шу-гу* [СРНГ, т. 29, с. 157] // *Полуночна, бывает, ребёнка маят* [СРГЮП, т. 2, с. 395] // *Не ходи в огород, там полудница в борозде сидит, мохнатая и с рогами* [СРГЮП, т. 2, с. 395].

Так, мы установили 8 диалектных номинаций, называющих домового и указывающих на время его появления. По большей части домового появлялся в сакральное время: в полночь или полдень.

В Таблице 7 приведены все вышеперечисленные диалектные номинации домового, классифицированные в соответствии с мотивирующим семантическим признаком.

Таблица 7. Типология номинаций домового по внутренней форме

Локация (84)	<p>Дом: домовід, домовідушко, домовік, домовітушко, домоведушко, домовой, домовейко, домовейушко, домовичок, домовая, домовінка, домовушка, домовіха, домаха, матушка-домовая, похозяйственник, хозяин, хозяйка.</p> <p>Печь: запеченник, запечнушко, печной хозяин, подпечник, печая, калёная печка, запечельница.</p> <p>Голбец: голбешный.</p> <p>Подпол: подполяник.</p> <p>Погреб: погребница-пыхтелка.</p> <p>Угол: кутинья.</p> <p>Кладовка: кладовік, кладовой, байдарошник.</p> <p>Сени: сеной.</p> <p>Двор: дворник, дворной, дворовік, дворовой, дворовушко, дворовуха, дворуха, матушка-подворенка.</p> <p>Амбар: амбарник, амбарный.</p> <p>Гумно: гуменник, гуменный.</p> <p>Рига: дедко-рыгач, рейский, ригачник, рижаник, рижный, рижница.</p> <p>Овин: овинчик, овинник, овинушко, подовинник, подовинный, овинница, овинничиха.</p> <p>Сарай: сараяуха.</p> <p>Огород: земляной царь, бобовница, коноплянница(нка), огородница.</p> <p>Мякильник: мякильница.</p> <p>Конюшня: конюшник.</p> <p>Поле: полевік, вьем, полянница, поляха, ржаніца, стогáfья.</p> <p>Общий локус: соседко, сосед, соседушка, соседушко, суседка, суседушка, сусед, суседушко, суседко, скотной суседка, круговой, суседиха, соседка</p>
Родство (17)	<p>Большак, дед, дедка(о), дедушка(о), дідько, домовая ба(б)ушка, бабушка-соседушка, дедуха, дядины ребята, батюшка, батаман, батанушка, ботаманушко, ватамушко,</p>

	<i>братáнушко, привáл, онгóн</i>
Действие (54)	<p>Положительные: <i>жа́реник, носáк, кормíлец, кормíнчик, кормíльчик, скóтный кормíлец, дúмова, вещьúнья, жарени́ца, пережiнница, прýха, мотовiлиха, удельница.</i></p> <p>Отрицательные: <i>хáма, садолóм, гнеткé, доя́к, гнеткó, букáнко, буканáй, бұхра-бáхра, бұчер, сусéдушка-бакáнушка (букáнушка), сéдушко-букáнушко, варахтáн, игрeц, iзводень, лизúн, ман, мани́лко, мани́ло, мéка, облóм, облáм, осáд, притчúн, стри́ж, верещiха, гнётка, гнютéница, букарiца, букар́ка, букусéтка, бучéриха, варахтáнница, му́ка, неспiха, пыхтéлка, пўжанка, сутóрма, хiтница, турусáлка, стрiга, секуни́ха</i></p>
Оценка (39)	<p>Положительная: <i>родiмец, доброхóдушко, доброхоóт, жировiк, жирóвый, милáк, норовóюшко, жи́харь, жихарёк, жи́хорько, жихóрюшко, доможи́л, доможи́рко, ма́тица-доброхóтица, жихарíха, жихорíчка, жи́тель.</i></p> <p>Отрицательная: <i>дурнóй, лихóй, ляд, страхилáт, страхилáтка.</i></p> <p>Нечистая сила: <i>анчúтка, ваню́шка, коловёриши, еретни́к, лэмбой, мардáс, навнóй, упы́рь, чертáн, шайтáн, шиликúн, ма́ра, мару́шка, кики́мора, кики́морка, кикúмора, жировой чёрт</i></p>
Внешность (31)	<p>Животное: <i>ужáк, ужáка, ужáчка, зверíнка, котáнко, медвéдко, медвéдушко, бирю́к, домовáя лáска, ласiца, лáска, росомáга, русомáга, сусéдушка-бурéдушка.</i></p> <p>Цвет: <i>белúн, крáсная бáба.</i></p> <p>Тень: <i>пастéн, постéн, постéнь, бестéнный бұ́ка, стень и стинь.</i></p> <p>Волос: <i>мохнáч, кузя, кузю́тка, лы́ско, волосáтка.</i></p> <p>Другие признаки: <i>багáн, лопáстый, железня́чка, зелезня́чка, медéница</i></p>
Табуирование (5)	<i>Онi, он и ён, сам, самá, другая половина</i>
Таксис (8)	<i>Полдневóй, полудéнный домовóй, полу́ночник, полунóшница, пополу́дница, полунóчница, полудница, полунóчна</i>

Итак, нами было выделено 7 семантических признаков мотивации диалектных номинаций домового: ‘локация’, ‘родство’, ‘действие’, ‘оценка’, ‘внешность’, ‘табуистический характер домового’ и ‘таксис’. Самый распространённый признак – ‘локация’ (84 ном.), так как основное предназначение домового – оберегать крестьянское жилище, включающее

все дворовые постройки и территории, освоенные человеком (огород, сад, поле). Признак с наименьшим количеством номинаций – ‘табуирование’ (5).

2.2.1.1. Семантический портрет русского домового

Итогом исследования номинаций домового является его семантический портрет. Существуют различные подходы к трактовке понятия «лингвистический портрет». Во-первых, он может обозначать любое полное описание объекта [Синица 2018, с. 27], как, например, в статье «Славянских древностей» [Левкиевская 2005, т. 1, с. 396–401]. Во-вторых, семантическое портретирование является одним из способов воссоздания языковой картины мира [Синица 2018, с. 8] – исторически сложившейся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отражённой в языке совокупности представлений о мире, своего рода концептуализации действительности [Зализняк, Левонтина, Шмелёв 2012, с. 9]. К примеру, в работе О. Г. Ровновой приводится языковой портрет бабушки [Ровнова 2010]. В данном исследовании семантический портрет формируется как совокупность сем, лежащих в основе наименования объекта, т.е. сем внутренней формы слова. Каждая из них – крупница мифологического мировоззрения народа, которое в совокупности они реконструируют [Якушевич 2012, с. 74]. Признак, заложенный в её основу, отображает сложившееся в сознании носителей представление о реалии [Березович 2000, с. 35]. Таким образом, семантическое портретирование на основе мотивирующих сем так или иначе восходит к учению А. А. Потебни о внутренней форме слова.

В ходе исследования был составлен следующий семантический портрет. Домовой – мифологический персонаж, предок-родоначальник, хранитель домашнего очага (*больша́к, ба́тюшка, батáнушка, привáл* и пр.), обитающий на освоенной человеком территории: в различных частях дома (*домовéдушка, хозя́ин, подпе́чник, запéчельница, голбе́шный, подполя́ник, погребни́ца-пыхтёлка, кутíнья, кладово́й, сено́й, сусéдка* и

пр.), прилегающих к нему постройках (*дворник, амбарник, рижаник, овинщик, сараюха, мякільница, конюшник* и пр.), а также в поле и огороде (*огородница, поляха, стогафья* и пр.). Ему свойственно совершать положительные и отрицательные действия. Так, он способствовал благополучию и богатству семье (*жареница, кормилец* и пр.), помогал выполнять различную работу по хозяйству (*дояк, носак, мотовилиха* и пр.) и предсказывал судьбу домочадцам (*вещунья*). Однако в случае неповиновения или неподобающего поведения хозяев домовой мог их наказать (*осад, изводень, стрига* и пр.), напугать действиями или шумом (*пужанка, пыхтелка, гнетко, букарка, суторма* и пр.), украсть младенца (*хитница, ман* и пр.). С точки зрения крестьянина, домовой имел позитивную (*родимец, доброхот, доможил, жихоричка* и пр.) и негативную (*дурной, ляд, страхилат, лихой* и пр.) оценки. В некоторых его номинациях также прослеживается указание на его демоническую природу (*анчутка, мара, кикимора* и пр.). Данный мифологический персонаж мог предстать в облике животного с богатой шерстью (*зверинка, медведко, ласка* и пр.), тени (*настен, бестенный бука, постень* и пр.) или змеи (*ужачка, ужак, ужака*). Он имеет красную (*красная баба*) или белую (*белун*) одежду, а также является персонификацией природных элементов (*железнячка, железнячка* и пр.). Он может обладать длинными волосами (*кузютка, волосатка*) или быть лысым (*лыско*). Часто люди боялись произносить истинное название духа, поэтому называли его табуированным наименованием (*они, сама, он и ён, сам, другая половина*). Время его появления – полдень, после полудня или полночь (*полуночник, пополудница, полудница* и пр.).

2.2.2. Типология номинаций лешего по внутренней форме

I. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘лес’

Русская земля всегда изобиловала лесами. Они имели большое значение в жизни крестьян. Лес – это источник строительного материала и

лесных даров (грибов, ягод, орехов, мёда). Кроме того, лес являлся средой обитания различных животных (бобров, зайцев, соболей, выдр, медведей, волков, лисиц, рысей, куниц) и птиц (тетеревов, куропаток, уток, рябчиков, диких гусей), а значит и местом охоты [Рябцев 1997, с. 320]. Именно в лесу, вокруг наряженной берёзки, водили хороводы, напевая песни, девушки-крестьянки на Троицу [Рябцев 1997, с. 255].

В древности леса были густыми, необъятными, бескрайними, способными дать приют целым народам. Во власти леса было и уничтожить незваных гостей. Люди тонули в болотах, погибали от клыков животных, становились жертвами чудесных лесных обитателей. Люди почитали природу, обожествляли её, приписывая ей магические свойства. «Лес был и домом, и храмом наших предков» [Калашников 2014, с. 102].

Семантикой 'лес' мотивированы следующие номинации лешего: *лес* (Олон.) [СРНГ, т. 16, с. 368], *лѣсик* (Олон.) [СРНГ, т. 16, с. 370], *лѣсман* [СРНГ, т. 16, с. 372], *лесначі́ха* (Перм.) [СРНГ, т.16, с. 372], *лесні́к* (Олон.) [СРНГ, т. 16, с. 372], *лесно́й хозя́ин* (Волог., Арх.) [СРНГ, т. 16, с. 373], *лесно́й* (Волог., Вят., Влад., Костром., Яросл., Новг.) [СРНГ, т. 16, с. 374], *лесну́ха* [ОСВГ, т. 5, с. 187], *лесові́к* (Олон., Арх., Новг., Пск., Смол., Твер., Калуж., Тул., Ряз., Ворон., Симб., Нижегород., Костром., Вят., Тобол., Колым.) [СРНГ, т. 17, с. 10], *лесові́ха* (Пек., Смол. Смол., Твер.) [СРНГ, т. 17, с. 10], *лесово́й* (Енис., Олон., Яросл. Новг., Смол., Калуж., Курск.) [СРНГ, т. 17, с. 11], *леша́к* (Якут., Енис., Краснояр., Том., Симб., Горно-Алт., Тобол., Курган., Урал., Перм., Казан., Ворон., Моск., Вят., Волог., Арх., Север.) [СРНГ, т. 17, с. 30], *лешачо́нок* (Вят., Енис.) [СРНГ, т. 17, с. 31], *лешачі́ха* (Южн.-Сиб., Иркут., Енис., Урал., Перм., Ленингр.) [СРНГ, т. 17, с. 31], *леша́чка* [СРНГ, т. 17, с.31], *лешеня́* [СРНГ, т.17, с. 32], *лешеня́та* (Тобол.) [СРНГ, т. 17, с. 32], *лѣшман* (Калуж., Терс., Тул., Перм.) [СРНГ, т. 17, с. 75], *полѣсовик* (Олон.) [СРНГ, т. 29, с. 59].

Мотивирующая основа –лес– имеет общеславянское происхождение в значении ‘пространство, поросшее лиственными деревьями’ [ЭСРЯ, т. 9, с. 77]. Суффиксы -онок-, -ик-, -ят- приписывают номинациям уменьшительно-ласкательное значение. Приведём примеры: *Лес с виду всем похож на человека, только синеобразен, т.е. кровь у него синяя* [СРНГ, т. 16, с. 368] // *Лесной водит, идёт человек по дороге, идёт и не знает где. Меня лесной не водил* [СРНГ, т. 16, с. 373] // *В лесах слышат лесики, в дому уголки* (пословица) [СРНГ, т. 16, с. 370] // *Около нашей деревни находился густой лес. Сказывали, что там Авдотья видела самого лешака* [СРНГ, т. 17, с. 35] // *Идём мы как-то за грибами. Смотрим — стог сена. А возле него солдат в шинельке с ружьём <...>. Ну, и поняли мы, что это лешак, и попали мы к нему на дорожку* [Русинова, Гранова 2016, с. 133].

Особый интерес представляют названия лешего, мотивированные детализирующими образ леса словами: *боровой* (Арх.) [СРНГ, т. 3, с. 107], *еланья* (Сев.-Двин.) [СРНГ, т. 8, с. 338]. *Боровой* имеет мотивирующую основу –бор–: первичное значение «хвоя» («то, что колет»), затем — «хвойное дерево, сосна» (ср. др.-рус. боръ «сосна») и далее — «хвойный лес» [ЭСРЯ, т. 1, с. 164]. Пример: *На бору ходит боровой, хуже медведя, самый страшный. Борового-то зовут леший // Уж она [ворожея] лучше знает, как звать — боровой, лешак ли // Боровой-то и ешь лешой* [СРНГ, т. 3, с. 107].

Номинация *еланья* имеет спорное происхождение. С одной стороны, она могла образоваться от слова *елань* ‘обширная проталина, луговая или полевая равнина’ [ТСЖВЯ, т. 1, с. 462]. С другой стороны, многие исследователи указывают на любовь лешего к еловым лесам [ССМ, с. 179], тогда данная номинация может происходить от слова *ель*: *Сам весь еловый, и руки и голова* [Криничная 2004, с. 251].

Возможно, номинация *ёлс* (Костром.) [СРНГ, т. 8, с. 348], превратившись в *лес*, подверглась морфотактической перестановке. Тогда возникновение данного наименования вполне объяснимо: лес – среда

обитания лешего. Другая версия: *ёлс* – это редуцированное имя Велеса [Фасмер, т. 2, с. 17]. Приведём пример: *И коево тебе ёлса надо?* [СРНГ, т. 8, с. 348].

Мифологический персонаж *корбёник* [СРГК, т. 2, с. 421] также является обитателем леса. Диалектизм пришёл из карельского *korbi* ‘ложбина, поросшая дремучим лесом’ [Фасмер, т. 2, с. 322] и образовался с помощью диминутива *-ик-*. О *корбёнике*: *Корба — лес такой, корбеник — это хозяин корбы, его никто не видел* [СРГК, т. 2, с. 421].

Довольно интересна, с точки зрения лингвистики, номинация *вотчинник*, произошедшая от праславянского корня **otъcъina* ‘отцовское владение, наследство (земля, дом)’ [РЭС, т. 8, с. 321]. Отсюда следует значение: *вотчинник* – хозяин, что очень точно описывает статус лешего. Пример: *Вотчинник пушниной руководит; добрый охотник ему всегда поллитровочку поставит* [СРНГ, т. 5, с. 163].

Итак, отношения человека с определённым ареалом леса, как и с его духом, начинались отторжением от природной стихии и овладением определённой территорией: сначала появлялась одна изба, потом вырастала целая деревня, затем село. Лес уменьшался, оставался в стороне, но, тем не менее, соседствовал с культурным пространством, освоенным человеком. В этой природной стихии, хаосе был единственный организующий начало его дух [Криничная 2004, с. 247]. Нами было найдено 24 диалектные номинации лешего, внутренняя форма которых указывает на его место обитания – лес.

II. Номинация мотивирована табуистическим характером лешего

Люди старались не называть лешего по имени, опасаясь навлечь беду. Отсюда возникают табуистические номинации *другая полови́на* (Олон.) [СРНГ, т. 8, с. 210], *обáнак* (Новг., Пск., Твер.) [СРНГ, т. 21, с. 348], *обанáт* (Новг., Пск., Твер.) [СРНГ, т. 21, с. 348], *обмён* (Волог., Арх., Олон., Север., Твер., Яросл., Перм., Свердл.) [СРНГ, т. 22, с. 123], *он и ён* (Смол., Тул., Яросл., Сиб.) [СРНГ, т. 23, с. 213], *онí* (Волог., Новг.) [СРНГ, т. 23, с. 215], *о́ны и ё́ны*

(Волог., Новг., Смол.) [СРНГ, т. 23, с. 228], *сендушный* (Якут.) [СРНГ, т. 37, с. 163].

Номинации *обанак* и *обанат* имеют спорную этимологию. С одной стороны, возможно данные диалектизмы образованы от слова *баня*, а приставка *-о-* имеет значение ‘находящееся рядом или совпадающее с тем, что названо мотивирующим сущ.’ [ССА, с. 127]. Так, леший мог находиться рядом с баней и даже заходить в неё [Криничная 2004, с. 85-86]. Более того, созвучная лексема *обанок* в СРНГ означает ‘предбанник’ [СРНГ, т. 21, с. 348]. С другой стороны, вероятно, данные номинации относятся кобсценной лексике и происходят от праславянского **jebati* ‘бить’ [ЭССЯ, т. 8, с. 188]. Так, при описании данных номинаций в СРНГ стоит пометка о том, что данные слова относятся к бранной лексике.

Сюда же входит и номинация *обмэн*, имеющая славянское происхождение в значении ‘изменение’ [Фасмер, т. 2, с. 597]. Ведь в леших часто превращаются дети, обменённые нечистой силой [Мадлевская 2005, с. 174]. Слово *сендушный*, возможно, происходит от смешения двух слов *сень* и *душа*. Мотивирующая основа *-сен-* имеет первоначальное значение ‘тень, защита’ [ЭСРЯ1, с. 406], а древнерусское слово *дух* – ‘душа, разум, воздух’ [ЭСРЯ1, с. 135]. Приведём примеры: *Играет леший в карты не только с православными, но и с сендушным, с морским лешим* [СРНГ, т. 37, с. 163].

Таким образом, мы зафиксировали 8 табуистических наименований лешего, включающих местоименные номинации, бранные слова, а также те, которые указывают на его происхождение.

III. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘действие’

Считается, что лешему свойственны негативные поступки по отношению к человеку. Он мешает людям, всячески их запутывает и пугает [Криничная 1989, с. 192]. Однако лешему подвластны не только лес и его дикие обитатели, но и домашние животные [Криничная 2004, с. 282]. Поэтому люди старались задобрить лешего, заключить с ним соглашение.

Какие действия характерны для лешего, можно понять по мотивирующему глаголу:

1) залучить – *залу́тчик*. Согласно различным верованиям, леший заманивает людей в лес и заставляет их блуждать [Мадлевская 2005, с. 179]. Отсюда номинации *залу́тчик* (Вят.) [СРНГ, т. 10, с.224], *залу́тчица* (Вят.) [СРНГ, т. 10, с. 224], *лука́нька* (Яросл.) [СРНГ, т. 17, с. 188] (залучать – заманивать [ТСЖВЯ, т. 1, с.535]). Пример: *Лука залутчик залучает божьих зверей* [СРНГ, т. 10, с. 224].

2) блудить – *блуд*. Номинация *блуд* [ССГ, т. 1, с. 193] имеет два значения: русск. *блуд* ‘уклонение от прямого пути в прямом и переносном смысле’, ст.-слав. *блждь* ‘беспутство, распутство’ [ЭССЯ, т. 2, с. 126]. Так, с одной стороны, он водит людей, заставляет их блудить, плутать, а с другой стороны, он проявляет распутство. Многие исследователи утверждают, что леший – большой любитель девушек. Он их похищает и делает своими жёнами [Криничная 2004, с. 313; Левкиевская 2002, с. 280-281], т.е. блудит. Примеры: *Блуд Ивана дня три водил* [СРНГ, т. 3, с.29] // *Як прывяли радива у дереуню, спирва старухи усё кричали: блут, ета блут!* [ССГ, т. 1, 193].

3) легать – *легáн* (Новг.) [СРНГ, т. 16, с. 309]: легать – ложиться [ТСЖВЯ, т. 2, с. 212]. Как и домовой, леший любит веселиться и играть (ном. *игруно́к* (Арх.) [СГРС, т. 4, с. 304], *грец* (Курск., Краснодар.) [СРНГ, т. 7, с. 135]). Он ложится на ветви деревьев и качается на них.

Отметим номинацию по глаголу *зыбаться* – *зыбочник* (Олон., Новг., Арх., Пск.) [СРНГ, т. 12, с. 32] (*зыбаться* – качаться [ТСЖВЯ, т. 1, с. 625]). Как уже было сказано выше, леший – это обменённый ребёнок, следовательно, ему свойственны действия обычных детей. Он играет и зыбается. Примечательно, что качающаяся колыбель называлась зыбкой [СРНГ, т. 12, с. 30]. Примеры: *Игрунок бродит в лесу, от его блазнит* [СГРС, т. 4, с. 304] // *Грец тебя там носит* [СРНГ, т. 7, с. 135] // *Отдам тя зыбочнику* [СРНГ, т. 12, с. 32].

Шатать – *шатун* [ЯОС, т. 10, с. 71]. В ТСЖВЯ данный глагол имеет такие значения: 1) качать, колебать, трясти, наклонять туда и сюда; 2) слоняться, таскаться, бродить без дела и нужды [ТСЖВЯ, т. 4, с. 570]. Так, леший часто гуляет по лесу, охраняя свои владения, и встречает на своём пути гостей, всячески сбивая их с пути и мешая им (мешать – *пáмха* (Твер., Новг., Олон.) [СРНГ, т. 25, с. 187] (от устар. *помéха*.) продолжать путь, собирать плоды и охотиться. Примеры: // *Памха* *тя побери* [СРНГ, т. 25, с. 187] // *Ближе, ближе затрещали кусты. Я, говорит, хотел стрелить — руки не поднимаются, отнялись и всё. Ни крикнуть, ни двинуться — ничего не могу. Слышу, грит, <...> в кустах затрещало, захохотал тут таким голосом громким: “Что, — говорит, — не можешь стрелить? Не сможешь ты стрелить. Не сможешь и не убьёшь!” — Ишо раз захохотал, затрещали кусты. Он ушёл* [Криничная 2004, с. 273].

Леший, являясь существом потустороннего мира, мог предсказывать будущее. Существовало поверье, что если в Великий четверг прийти в лес, сесть на старую берёзу и прокричать: «Царь лесовой, всем зверьям батька, явись сюда!», то леший непременно расскажет о судьбе [Мадлевская 2005, с. 177]. Вероятно, с этим фактом связана номинация *вещица* (Уфим., Перм., Тобол.) [ИЭСРГА, т. 2, с. 96], образованная от глагола *вещать* ‘говорить что-либо значительное, важное’ [МАС, т. 1, с. 160]. Примеры: *Уж такая вещица не узнат, дак кто ещё узнат* [СРНГ, т. 4, с. 229].

Как уже было сказано выше, люди стараются угодить лешему, договориться с ним, надеясь на его покровительство. Однако если рассердить этого лесного духа, то людей ждут серьёзные наказания. В связи с этим в некоторых регионах леший носит следующие названия по действиям: драть кожу – *кожедёр* (Южн.-Сиб., Том., Иркут.) [СРНГ, т. 14, с. 51]; ломать кости – *костолом* (Южн.-Сиб.) [СРНГ, т. 15, с. 77]; ломать – *ламан* (Олон., Перм., Новг.) [СРНГ, т. 16, с. 252], произошедшая от цслав. *latati* ‘ломать, крушить,

заламывать, корчить' [ЭССЯ, т.14, с. 25]. Пример: *Ламан ты возьми!* [СРНГ, т. 16, с. 252].

Итак, нами было обнаружено 14 диалектных номинаций лешего, всемантике которых есть указание на его действия. Так, лешему характерно, по большей части, проявление негативных поступков не только в отношении человека, но и домашних животных. Он ломает кости, дерёт кожу, заманивает и путает своих гостей, а также предвещает несчастья и, словно ребёнок, качается на ветках.

IV. Номинация мотивирована семантическим признаком 'оценка'

Вопрос о появлении лешего в мире людей очень спорный. Некоторые исследователи в качестве объяснения происхождения данного мифологического персонажа приводят легенду о том, как Архангел Михаил прогнал чертей с небес, и они упали в разные места. Так появились различные духи, нечистая сила: упавшие в дом – домовые, упавшие в воду – водяные, упавшие в лес – лешие и т.д. [Померанцева 1975, с. 32].

Существует точка зрения, что леший происходит из проклятых людей, некрещённых или обменённых детей, из нечистых покойников [Левкиевская 2002, с. 280-281]. Будучи посланником загробного мира и одичав внепроходимом лесу, леший получил номинации *диконький* (Вят.) [СРНГ, т. 8, с. 64] и *дикий* (Вят.) [СРНГ, т. 8, с. 57]. Первоначальное значение слова *дикий* 'вольный' [Фасмер, т.1, с. 514], 'порожний, бездеятельный' [ЭСРЯ, т. 5, с. 118]. Пример: *Дикой не знает, куда она убежала* [СРНГ, т. 8, с. 57]. Подчеркнём, что в номинации *диконький* содержится энантиосемия, которую составляют ласкательный суффикс *-оньк-* и отрицательное лексическое значение.

Номинации *вóрог* (Орл.) [СРНГ, т. 5, с. 108] и *враг* (Волог.) [СГРС, т. 2, с. 198] также оправданы: леший пребывал врагом не только человеку, посягающему на его территории, но и другим духам, защищающим своё пространство (*домови́к, поля́ха, колóдечник* и др.) [Левкиевская 2009, с. 319].

Отметим, что согласно христианской точке зрения, все языческие боги и духи есть враги. Пример: *Некрещёная не ходи по лесу, там **враг-от** везде бегаёт, лешак* [СГРС, т. 2, с. 198].

Негóдные (Нижегор., Волог.) [СРНГ, т. 20, с. 374] – те, кто не годится (годиться: быть годным, полезным [ТСЖВЯ, т. 2, с. 323]). Лешие, порой жестоко разыгрывая людей и держа их под своим строгим контролем, расценивались людьми как бесполезные, даже вредные и опасные существа [Ивашинина 2019, с. 166-172]. Пример: *Целая толпа **негодных** прошла мимо его с покойником на руках* [СРНГ, т. 20, с. 374].

Номинации *лёмор* (Арх.) [СРНГ, т. 16, с. 350], *лёман* (Волог., Калуж.) [СРНГ, т. 16, с. 346] и *лёмбой* (Олон., Арх.) [СРНГ, т. 16, с. 347] имеют финно-угорское происхождение и означают ‘лесной чёрт’ [Фасмер, т. 2, с. 480]. Они похищали проклятых родителями детей и образовывали целые семьи [Рыбников 1864, с. 182]. Приведём примеры: *Леман тебя возьми!* [СРНГ, т. 16, с. 346] // *Когда отец или мать, возгорчившись на ребёнка, говорят недобрые слова: ой, **лёмбой** ты дери, ой, изымитко ты; ну ты к лешему, — **лёмбои** тут и есть: они похищают заклётых* [Криничная 2004, с. 312]. Не будем отрицать связь слова *лёмбой* с финно-угорским *ламба* ‘небольшое озеро, образовавшееся на прежнем русле реки’ [Фасмер, т. 2, с. 455]. Такая мотивация вполне обоснована, ведь в Арх. преобладают болотистые леса. Таким образом, локус лешего расширяется: к лесным чащам добавляются озёра и болота [Криничная 2004, с. 265].

Демоническое происхождение лешего отмечено в номинациях *сатайла* (Иркут.) [СРНГ, т. 36, с. 150], *сатанá* (Новг.) [СРНГ, т. 36, с. 150], которые обладают древнееврейским происхождением. Сатана – бес, дьявол, чёрт [ТСЖВЯ, т. 4, с. 497]. Приведём пример: *Из леса дремучего бегут мне навстречу двадцать **сатанаилов**, двадцать дьяволов* [КЭСМ, с. 466].

Номинации *некрещённый* (Костром.) [СРНГ, т. 21, с. 65], *проклятый* (Астрах.) [СРНГ, т. 32, с. 160], *проклянённый* (Астрах.) [СРНГ, т. 32, с. 159]

мотивированы представлением о защитной силе обряда крещения: леший в прошлом – некрещённое, обменённое, проклятое родителями [Мадлевская 2005, с. 174]. Таких детей-леших также называли *лесной дитятко* [АОС, т. 11, с. 156], *байстрюк* (Костром.) [СРНГ, т. 2, с. 57]. Пример: *Лесной дитятко, на тебе яичько, а ты мне отдай бычка. Лешой, лесной дитятко* [АОС, т. 11, с. 156]. Примечательно, *байстрюком* называли и внебрачного ребёнка [Маркина 2021, с. 208-214].

Особый интерес представляет номинация *Ив́ан чароде́й*. Лексема *чароде́й* (Арх.) [СГРС, т. 4, с. 297] общеславянского происхождения имеет значение ‘волшебство’ [ЭСРЯ, т. 1, с. 487]. Возможно, как и номинация домового *Ваню́шка*, *Ив́ан чароде́й* связана с предшественником Иисуса Христа Иоанном Крестителем (Иваном Купала) и с одноимённым праздником. Именно накануне дня Ивана Купала можно было встретить лешего в лесу и даже договориться с ним [СРС, с. 252]. Приведём примеры: *Заходишь в лес, говорят: Иван Чародей да Марья Николавна, дай заходу и выходу, и грибов, и ягод* [СГРС, т. 4, с. 297].

Подобно тому, как в Орл. называют домового, а в Терск. – водяного, так и в Калуж. называют лешего *анчуткой* (Калуж.) [СРНГ, т. 1, с. 262]. Подробное описание внутренней формы данного диалектизма было дано выше. Пример: *Пойди-ка ночью в лес, там тебя анчутка схватит* [СРНГ, т. 1, с. 262].

К группе номинаций с отрицательной оценкой также относятся номинации *лихомáнник* и *лиха́ч*; их описание представлено на стр. 52.

Согласно поверьям, леший с особым трепетом относится к своим владениям: он оберегает их от бед и непрошенных гостей, следит за порядком там. Для людей, всячески задабривающих лесного духа и неступающих на его территории без спроса, леший являлся добрым духом. Так, положительная оценка прослеживается в следующих номинациях: *во́льный* (Новг.) [СРНГ, т. 5, с. 87], *лад* (Олон.) [СРНГ, т. 16, с. 227], *лесной херув́им*

(Влад.) [СРНГ, т. 16, с. 373], *пра́ведный* (Новг.,Олон.) [СРНГ, т. 31, с.52], *сесі́льный* (Сев.-Двин.) [СРНГ, т. 37, с. 232], *лес честной* (Смол., Костром., Пск.) [СРНГ, т. 16, с. 368].

Во́льный – ни от кого не зависящий, никому не подвластный; свободный, независимый [МАС, т. 1, с. 208]. Приведём примеры: *Подовиннушко да баннушко хозяева, а в лесу нет хозяина, там во́льный* [СГРС, т. 2, с. 169].

Одна из особенностей лешего – возможность вступить в договор посредством определённого заговора с пастухом. Заключённое соглашение беспрекословно выполнялось обеими сторонами. Так, лешему надлежало защищать скот от волков, держать его сытым и продуктивным, а пастух обязывался отдать определённое количество животных [Криничная 2004, с. 282]. Отсюда номинация *лес честной*. Обращаясь к нему, пастухи говорили: *Лес честной, царь богатый и многомилостивый! Спаси моих лошадок в поле, за полями, в лесу, за лесами, где они ходят, гуляют, росу выпивают, — тем они сыты пребывают. Вот тебе, лес честной, хлеб-соль и низкий поклон* [Криничная 2004, с. 282].

Для лешего также было важно, чтобы православные традиции не нарушались. В частности, люди обязаны читать молитвы и креститься перед сном. Такое соблюдение религиозных предписаний, возможно, и предшествовало появлению номинации *пра́ведный*. Другие номинации, выделяющие власть и всемогущество лесного духа: *лесной херувім* (подробное описание на стр. 60) и *сесі́льный*. Пример: *Лес праведный, лесной праведный, дети ваши, слуги ваши, если вы не поможете нам белок убивать, я буду жаловаться самому царю белому Иисусу Христу* [Криничная 2004, с. 278].

Описание номинации *лад* приведено на стр. 51, *лесной херувим* – на стр. 62.

Суммируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что леший, как и домовый, имеет амбивалентную семантику, которую составляют 19 номинаций с отрицательной коннотацией и 6 – с положительной. С одной стороны, он проклятый родителями или некрещённый ребёнок. Он похищает детей и девушек, причиняя вред всем, кто посмел посягнуть на его территорию. С другой стороны, он всегда находится в курсе, что происходит с человеком, и предсказывает ему события, заключает договор с пастухом, помогая ему со скотом, а также следит за соблюдением религиозных предписаний.

V. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘внешность’

Согласно поверьям, леший может принимать фито-, зоо- и антропоморфные облики. Леший является персонификацией леса. Он способен превратиться в дерево, пенёк и пр. Об этом свидетельствуют вышеописанные номинации *лесик*, *лес честной* и пр.

Бывает и так, что леший предпочитает оставаться невидимым, издавая различные трески, стуки и пр. [Криничная 2004, с. 254]. Номинация *невёдомый* (Смол.) [СРНГ, т. 20, с. 329] образована от глагола *ведать* (знать: ТСЖВЯ, т. 1, с. 155). *Неведомый* – значит ‘неизвестный’. Во власти лешего оставаться невидимым и принимать абсолютно любой облик, имея свои характерные черты [Левкиевская 2002, с. 280-281]. Он может превратиться вобычного человека, о чём свидетельствуют номинации *мужичóк* (Яросл.) [СРНГ, т. 18, с. 334], *дédко* (Дон., Урал., Курск.) [СРНГ, т. 7, с. 329], *дéдушка* (Орл., Вят., Перм., Ворон.) [СРНГ, т. 7, с. 331], *дéдушко* (Новг.) [СРНГ, т. 7, с.332], *дэдюшка* (Вят.) [СРНГ, т. 7, с. 332], *дэдя* (Вят., Перм.) [СРНГ, т. 7, с.332], *лесовóй дéдушко* (Новг.) [СРНГ, т. 17, с. 11], *ботамáнушко* (Волог.) [СРНГ, т. 3, с. 130], *лесная девка* [ССГ, т. 3, с. 5], *леснóй дядя* [СРНГ, т. 16, с. 373]. Уменьшительно-ласкательная коннотация заложена с помощью суффиксов *-ок-*, *-ушк(о)-*, *-ушк(а)-*, *-юшк-*. В большинстве своём эти номинации мотивированы корнем *-дед-*. Одна из версий этимологии слова

ботамáнушко – наложение слов *батя* и *атаман* [Фасмер, т. 1, с. 133]. Подчеркнём, что, представляя человеком, леший имел определённые отличительные черты: он не отбрасывает тени, левый лапоть надет на правую ногу и т.д. Примеры: *Его в детстве водил три дня по лесу неведомый, т. е. леший* [СРНГ, т. 20, с. 329] // *Слышали, как колокольчик звенит и кто-то посвистывает, мы за колокольчиком бежали. А свистел, видать, дедушко, вёл корову за собой* [Криничная 2004, с. 293] // *Пошел Иван лесом, видит он лесного дедушку* // *Духов, обитающих в лесу, называют лесовик, дедюшка лесной, леший* [СРНГ, т. 7, с. 332] // *Дедко леший идёт!* [СГРС, т. 3, с. 197] // *Дедко бывал в лесу, коней дедко обирал* [СРГК, т. 1, с. 441] // *Меня белый дедушко позвал: пойдём, паренёк, по лису, бурачка дам* [СРГК, т. 1, с. 442].

Исходя из последнего примера, мы видим, что леший мог предстать вбелом цвете. Некоторые исследователи утверждают, что он одевается вбелую и красную одежду [Власова 2008], отсюда номинация *бёлая ба́ба* (Волог.) [СГРС, т. 1, с. 89] и *красноплэший* (Яросл.) [СРНГ, т. 15, с. 184]. Пример: *Белая баба выходит, бросает красной собакой* [СГРС, т. 1, с. 89].

Спорным является вопрос о том, почему лешего называли *красноплэший*. Вероятно, слово состоит из двух корней *-красн-* ‘алый цвет’ (значение ‘красивый’ утеряно с XVI века) [ЭСРЯ, т. 8, с. 375] и *-плеш-* ‘лысый, голый’ [Фасмер, т. 3, с. 281]. Наготу лешего подтверждают и исследователи [Криничная 2004, с. 261]. Можно также предположить, что номинация подверглась процессу палатализации и первоначальная фонема *ч* заменилась на *ш*, превращая *красноплэчего* в *красноплэшего*. Мы допускаем такую точку зрения, так как леший питал любовь к красным кафтанам и поясам [Власова 2008; Криничная 2004].

Стоит отметить, что не только белый и красный цвета характерны для лешего. Считается, что отличительная черта потустороннего происхождения лешего есть синий цвет его крови [Максимов 1994, с. 72], что делает и самого лешего синеватым. Такая особенность отражена в номинации *синеобрэзный*

(Олон.) [СРНГ, т. 37, с. 326]: *С виду лес похож на человека, только кровь у него тёмная, а не светлая, как у людей, потому его и зовут **синеобразным*** [Рыбников 1864, с. 185].

В некоторых номинациях лешего прослеживается такая особенность, как наличие у него волос и шерсти: *бородáтка* (Арх.) [СГРС, т. 1, с. 159], *волосáтик* (Волог., Сев.-Двин.) [СРНГ, т. 5, с. 58], *кухтáхта* (Арх.) [СГРС, т. 6, с. 327]. Последняя номинация образована от слова *кúхта* ‘косматый иней на деревьях, куржевина, опока’ [ТСЖВЯ, т. 2, с. 832]. Учитывая, что леший может приобретать облик любого куста, неудивительно, что он обладает некоторой лохматостью. Примеры: *Волосаткой пугали и бородаткой, волосатка лохматая, а бородатка – как баба, только с бородой, в лес потащит, задавит* [СГРС, т. 1, с. 159] // *Пошарапка была во ржах ходила, хуже волка и медведя. Корову схватит за вымя, дак шибко боялись; кухтахта да барахтахта его называли тоже, за коровами ударяло, шибко когтистая* [СГРС, т. 6, с. 327].

Диалектизм *курáнко* (Арх.) [СРНГ, т. 16, с. 111] имеет спорную этимологию. С одной стороны, возможно образование номинации от праславянского **kirъ* ‘петух’ [ЭССЯ, т. 13, с. 129]. Так, в СРНГ наблюдаются и другие названия птиц с этим же корнем: *куранка* ‘индейка’, *курачник* ‘птица каннюк’, *куранята* ‘индюшата’ [СРНГ, т. 16, с. 111]. Известно, что леший способен принимать облик животных и птиц, следовательно, такое происхождение данной номинации вполне допустимо. С другой стороны, в семантике лексемы *куранко* наблюдается связь с водой. Морфема –*кур*– прослеживается в названиях «старичных» озёр, находящихся во Владимирской и Московской областях: *Качкур, Печкур* и пр. Названия такого типа часто встречаются и в реках: *Вишкур, Каскура, Печкура*. Вероятно, эта морфема восходит к финно-угорскому *kuru* ‘длинное узкое углубление; залив или ложбина, ущелье или русло с крутыми берегами’

[Матвеев 1996, с. 8-9]. Кроме того, в данной номинации имеется суффикс -*к(о)-*, что придаёт ей ласкательное значение.

Вятский диалектизм *албáстый* также может быть связан с водоёмами, так как *албаста* – русалка: *Тута камышами по ночам албаста шатается* [СРНГ, т. 1, с. 233]. Этимология номинации не ясна. С одной стороны, данное слово могло подвергнуться морфотактической перестановке и обладать первоначальной формой *лобастый* как ‘широколицый, здоровый, большой’ [СРНГ, т. 17, с. 95]. Высокий рост лешего отмечается и в других номинациях: *большáк* (Вят.) [СРНГ, т. 3, с. 86], *большóй дядя* (Вят.) [СРНГ, т. 3, с. 93], *большóй мужiк* [СГРС, т. 7, с. 353], *дóлгий дядюшка* (Вят.) [СРНГ, т. 8, с. 106]. *Албáстого* в некоторых регионах так же называли *лопáстый*. В СРНГ есть однокоренные номинаций русалки и домового: *лобáста* – *лобáстый* [СРНГ, т. 17, с. 95; с. 131-132]. С другой стороны, *албастому* присвоили роль злого духа в мифах таких народов, как татары, лезгины, грузины, армяне и пр. [Гордлевский 1962, с. 314].

Номинация *ку́ка* (Ряз.) [СРНГ, т. 16, с. 30] дополняет сведения о внешнем виде лешего. Она имеет общий корень с другим мифологическим существом *кикiморой* (*кукiморой*). Так, корень –*кук*– помимо вышеописанных значений, подразумевает ещё и ‘горбатый, скрюченный, выгнутый’ [ЭССЯ, т. 13, с. 86-87].

Итак, внешность лешего достаточно разнообразна. Мы зафиксировали 23 диалектных наименования, подчёркивающих универсальность его обликов. Он персонифицирует лес и предстаёт в виде деревьев, пеньков, кустов, листочков и грибочков. Он может повторить облик человека, став низким, как трава или высоким, как сосна. Отчего в его образе прослеживается определённая вертикаль. Леший также копирует внешность своих лесных жителей, оборачиваясь птичкой или животным.

В Таблице 8 приведены все вышеперечисленные диалектные номинации лешего, классифицированные в соответствии с мотивирующим семантическим признаком.

Таблица 8. Типология номинаций лешего по внутренней форме

Лес (24)	<i>Лесі́к, лёсман, лесні́к, лесно́й хозя́ин, лесно́й, лесові́к, лесово́й, леша́к, лешачо́нок, лешеня́, лешеня́та, лёшман, ела́нья, ёлс, полёсовик, боро́вой, корбе́ник, лесначі́ха, лесну́ха, лесові́ха, лешачі́ха, леша́чка, лес, во́тчинник</i>
Табуирование (8)	<i>Друга́я полови́на, оба́нак, обана́т, обме́н, он и ён, о́ні, о́ны и ёны, се́ндушный</i>
Действие (14)	<i>Залу́тчик, лука́нька, блуд, лега́н, игруно́к, грец, шату́н, кожде́р, костолом, ла́ман, залу́тчица, па́мха, веці́ца, зыбочник</i>
Оценка (25)	Отрицательная: <i>дико́нький, ди́кий, лиха́ч, лихоманник, во́рог, враг, него́дные, лёмор, лёман, лёмбой, сатайла, сатана́, некреще́нный, про́клятый, Ива́н чароде́й, анчу́тка, прокляне́нный, лесной дитя́тко, байстру́к.</i> Положительная: <i>во́льный, лад, лесно́й херуві́м, пра́ведный, сесі́льный, лес честно́й</i>
Внешность (23)	Человек: <i>де́дко, де́душка(о), де́дюшка, де́дя, лесово́й де́душко, ботама́нушко, лесна́я де́вка, мужичо́к, лесной дядя.</i> Животное: <i>кура́нко.</i> Цвет: <i>краснопле́ший, синеобра́зный, бе́лая ба́ба.</i> Волос: <i>волоса́тик, кухта́хта, борода́тка.</i> Размер: <i>алба́стый, больша́к, большо́й дядя, большо́й му́жик, до́лгий дядюшка.</i> Другие признаки: <i>ку́ка, неведомый</i>

Нами было выявлено 5 семантических признаков мотивации диалектных номинаций лешего: ‘лес’, ‘табуирование’, ‘действие’, ‘оценка’, ‘внешность’. Самые распространённый признак – оценка (25). Самый малочисленный признак – табуирование (8).

2.2.2.1. Семантический портрет русского лешего

Итогом исследования номинаций лешего является его семантический портрет. Основное место обитания лешего – лес (*лёсик, лесово́й хозя́ин, боро́вой, корбе́ник* и пр.). Каждый день он обходит свои владения (*шату́н*),

играет (*игруно́к, грец*), подобно ребёнку, ложится на густые ветви деревьев и качается на них (*лега́н, зы́бочник*). Он жестоко наказывает непрошенных гостей (*кожеде́р, ла́ман, костоло́м*), всячески им мешает (*памха́*), заманивает их в лес и заставляет блуждать (*залу́тчик, луканька, залу́тчица, блуд*), а также может предсказать будущее (*вещи́ца*). Некоторые исследователи подчёркивают особую любовь лешего к девушкам (*блуд*). Данный мифологический персонаж может иметь внешность человека (*де́душка, дитя́тко, лесна́я де́вка, мужичо́к* и пр.) или животного (*кура́нко*). Ему свойственны красный, синий и белый цвета (*краснопле́ший, синеобра́зный, бе́лая ба́ба*). В его образе прослеживается наличие густых волос или шерсти (*волоса́тик, кухта́хта, борода́тка*). Он может стать большим и высоким как деревья (*алба́стый, больша́к, большо́й дядя, большо́й мужи́к, до́лгий дядюшка*) или оставаться невидимым (*неведомый*). По оценке крестьянина, леший по большей части имеет негативную оценку. Так, он проклятый родителями или некрещённый ребёнок (*лесно́й дитя́тко, некрещённый, прокля́тый*). Он похищает детей и девушек, причиняя вред всем, кто посмел посягнуть на его территорию (*диконький, дико́й, лиха́ч, лихоманник, во́рог, враг, него́дные*) и относится к нечистой силе (*сатанла, сатана, Иван чароде́й, анчу́тка* и пр.) Тем не менее, леший – полноправный хозяин леса, с особым трепетом оберегающий его (*во́льный, лесно́й херувим, сесильный, во́тчинник*). Он честно защищает крестьянский скот взамен на несколько животных (*лес честно́й*), беспокоится о жизни самих крестьян, следя, чтобы они не забывали креститься и молиться (*лад, пра́ведный*). Вызывая опасение у крестьян, леший получил некоторые табуистические наименования (*друга́я полови́на, обана́к, обана́т, они* и пр.)

2.2.3. Типология номинация водяного по внутренней форме

I. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘место’

Издревле, ещё до принятия христианства, вода имела сакральное значение, что отразилось на её символике. Так, реки и озёра считались водой, наполненной жизнью. Приписывание воде магических признаков связано с её происхождением из недр земли и родников, обладающих целебными свойствами [Берегова 2008, с. 39].

Наиболее характерные номинации водяных имеют очевидную мотивацию и указывают на связь с водой (корень **vod-* [Фасмер, т. 1, с. 330]): *воденік* [СРГК, т. 1, с. 211], *водыльник* (Олон.) [СРНГ, т. 4, с. 348], *водя* (Онеж.) [СРНГ, т. 4, с. 348], *водяная* [СРГСПК, т.1, с. 253], *водянёнок* (Якут.) [СРНГ, т. 4, с. 348], *водяни́ха* (Якут., Арх.) [СРНГ, т. 4, с. 351], *водяновка* (Арх.) [СРНГ, т. 4, с. 351], *водяну́ха* (Арх.) [СРНГ, т. 4, с. 354], *водяне́ц* [СБГ, т. 3, с. 38], *водя́ник* [ССГ, т. 2, с. 66], *водяни́ца* [СГРСУ, т. 1, с. 86], *изводённый* (Ряз.) [СРНГ, т. 12, с. 108].

Приведём примеры: *Какое теперь купанье, теперь водяной зажил!* [СРС, с. 81] // *Водя, водя, водяник, водя, красный воротник. Водя водочку пьёт, за ребятами идёт* [СРНГ, т. 4, с. 348] // *Маш — озерский водяник — проиграл в карты Онежскому всю ряпуху* [СРНГ, т. 4, с. 349] // *В воде сидит, волосы распустит водяниха-то* [СРНГ, т. 4, с. 350] // *В Чёрном море есть плавает чёрт да чертуха, водяной да водянуха* [СРНГ, т. 4, с. 354] // *Водяница-лесовица, шальная девица, отвяжись, отступись, на моём дворе не кажись!* [Крючкова 2014, с. 99] // *Воденики есть в каждой воды. Чого у нас небольшая копань (т.е. пруд), а и тутводеник* [Черепанова 1983, с. 67].

Согласно верованиям, водяной обитает в «живой» воде, которая пробивается из-под почвы. В народе считали, что именно водяной делает воду «живой» [Криничная 2004, с. 334]. Так, в локус водяного входят реки и озёра, где живут *озереви́к* (Новг.) [СРНГ, т. 23, с. 90], *озерно́й* (Костром.) [СРНГ, т. 23, с. 92], *рековóй* (Арх.) [СРНГ, т. 35, с. 45]. Пример: *Я не видала, а люди говорили, что озеро глумилось и озерной выходил* [Черепанова 1983, с. 68].

Но водяной мог жить и в губительной, омутной, воде: *о́мутник* (Новг.) [СРНГ, т. 23, с. 207], *о́мутница* (Новг.) [СРНГ, т.23, с. 207] и *омутно́й* (Костром.) [СРНГ, т. 23, с. 207]. По поверьям, больше всего в реках и озёрах духов воды привлекает омут, особенно лесной. Сквозь призму деревьев плохо проходит солнечный свет, создавая мрак, из-за чего в народе такие омуты называются «тёмными». Отсюда знаменитая поговорка: *В тихом омуте черти водятся* [ПиПРН, т. 2, с. 25]. Слово *омут* есть производное от *-мут-* ‘водоворот, омут’ [ЭССЯ, т. 20, с. 140]. Приведём пример: *И омутник за такое бескорыстие их обещался, что не будет народ тонуть у них на перевозе: «И выше и ниже — будут, а у вас на перевозе — никого!»* [Криничная 2004, с. 366].

В болотах жили *болóтеник* [СРГК, т. 1, с. 89], *болóтница* (Арх.) [СРНГ, т. 3, с. 79], *болóтник* (Пск.) [СРНГ, т. 3, с. 79], *болотно́й* (Волог.) [СГРС, т. 1, с. 142], *болотяни́к* (Пск.) [СРНГ, т.3, 80]. «Мёртвая» вода, т.е. стоячая (болота, лужи, пруды), в некоторых регионах также привлекает водяного. Мотивирующее слово *болото* образовано от праславянского корня **bolto*, соотнесенного с цветообозначением и близкого по значению с лит. *baltas* ‘белый’ [ЭССЯ, т. 2, с. 179]. Возможно, такую связь можно объяснить тем, что при высыхании болото приобретает пепельный оттенок. Пример: *Болотеникина болоте живут* [СРГК, т. 1, с. 89] // *На болоте ругаться-то нельзя, болотной уводит* [СГРС, т. 1, с. 141].

Мох – *мохово́й* (Смол.) [СРНГ, т. 18, с. 312], *мохна́тка* [СГРС, т. 7, с. 346]. Как правило, на болотах растёт мох, а иногда именно он и создает условия для возникновения болот. Номинация имеет праславянский корень **тъхпа* ‘мох’ [ЭССЯ, т. 20, с. 212]. Приведём примеры: *Собрались все бесы, до кучки: водяной, лесовой, полевой, моховой* [СРНГ, т. 18, с. 312] // *Мохнатка придёт, в болото тебя уташишит* [СГРС, т. 7, с. 346].

Камыш – *Камыша́нов* (Чкал.) [СРНГ, т. 13, с. 33]. Болотистые местности и топкие речные берега, озёра и пруды изобилуют камышами.

Пример: *Станешь из речки воду брать, а камышанов тебе и схватит за руку* [СРНГ, т. 13, с. 33]. Более подробно данная номинация описана на стр. 80.

Лопух – *лопухóня* (Волог.) [СГРС, т. 7, с. 138] обитает в водоёме. Описание данной номинации представлено на стр. 81-82.

Подводя итоги, зафиксировав 27 диалектных номинаций, чья внутренняя форма указывает на место обитания, мы можем утверждать, что основными локусами водяного являются стоячие и проточные водоёмы, а также прибрежная растительность около них (камышы, мох и пр.).

II. Номинация мотивирована семантическим признаком ‘оценка’

Согласно языческой мифологии, вода считалась «чужим» пространством и отождествлялась со входом в потусторонний мир [Черепанова 1983, с. 68]. По этой причине дух воды не только водяной, но также и чёрт: *Мутит, как водяной под мельницей. Вертит, как чёрт в пучине (в омуте)* [ПиПРН, т. 1, с. 226]. Так, некоторые номинации водяного имеют в своей производящей основе ярко выраженную оценку, причём отрицательную: *ворогуша* [СВГ, т. 1, с. 83], *алба́ста* (Перм.) [СРНГ, т. 1, с. 233], *анчúтка* (Терск.) [СРНГ, т. 1, с. 262], *прокля́нный* (Астрах.) [СРНГ, т. 32, с. 159], *про́клятый* (Астрах.) [СРНГ, т. 32, с. 160]. Данные диалектизмы также называют и других духов, поэтому их внутренняя форма подробно описана выше.

Мифологический персонаж *гробóвка* описан на стр. 52, а *ворогуша* – настр. 61.

Слово *кондрáшка* [ОСВГ, т. 5, с. 84] означает ‘апоплексический удар’ и происходит от имени собственного *Кондрáшка* ‘товарищ’ [Фасмер, т. 2, с. 310]. Очевидно, внутренняя форма слова не сохранена. Связь *кондрáшки* со смертью улавливается и в известных русских пословицах: *Кондрашка хватил, цараннул* [ПиПРН, т. 1, с. 350] // *Брат Кондрат, пойдём кошек*

драть: мне шкура, тебе мясо [ПиПРН, т. 2, с. 256]. О кондрашке: *Не ходи на реку, кондрашка поймает* [ОСВГ, т. 5, с. 84].

Диалектная номинация *кромéшники* (Волог.) [СРНГ, т. 15, с. 275] мотивирована словом *кромешый* ‘ад, преисподняя’ [СРНГ, т. 15, с. 275]. В древнерусском языке данное слово использовалось в значении ‘находящийся вне чего-либо; снаружи по отношению к чему-либо; чужой, иноземный’ [СРЯ11-17, т. 8, с. 71]. Таким образом, *кромешники* – представители «чужого» мира. Приведём пример: *Снимутся кромешники в карты резаться, так наш всё просадит — и воду, и рыбу, а под конец и сам себя* [СРНГ, т. 15, с. 275].

Мы предполагаем, что диалектизм *анцы́бал* (Влад.) [СРНГ, т. 1, с. 262] – балтизм на основании сравнения с лит. *ánčiabalis* ‘утиное болото’, *balà* ‘болото’, *bālas* ‘черт’ [РЭС, т. 1, с. 236]. Тогда *анцы́бал* буквально – болотный чёрт. Пример: *Етът рибёнък как анцыбал // Вот малый растёт анчибъл, апятъ вады ни нънасил // Чтоб анцибал тебя подхватил* [СОГ, т. 1, с. 45].

Лексема *ма́вка* (Орл.) [СРНГ, т. 17, с. 287] образована от *навь* ‘мертвец’ [Фасмер, т. 3, с. 35], что указывает на связь водного духа с культом смерти. Во многих местностях *ма́вка* – девушка, умершая некрещённой, утопленница, мертворождённый или проклятый родителями ребёнок, а также девушка, родившаяся или умершая на Русальной неделе. Именно в этот период русалки покидали свой водоём и переселялись на деревья [Стародубец, Белугина 2016].

Считалось, что *ма́вки* сидят на деревьях и напевают: «Меня мама породила, некрещёну положила» [Мадлевская 2005, с. 188]. Приведём примеры: *Как в Украине, так и в Мценском уезде, верят, что дети, родившиеся мертвыми и некрещёные, превращаются в мавок, то же, что русалок, и что тоскующие их души просят себе крещения* [СРНГ, т. 17, с. 287] // *Мавки живут в лесах на деревьях, а не в воде, а русалки – в воде. В*

сумерках *мавки* качаются на ветках деревьев, как в люльке, и заманивают юношей и щекочут их до смерти [Кононенко 2013, с. 246].

Номинации *русáлка* [СРГК, т. 5, с. 584] и *руслáнка* [СРГК, т. 5, с. 583] называют духов женского пола, обитающих в лесных водоёмах и восседающих на ветках деревьев. Вероятнее всего, данные слова происходят от древнерусского *русáли* ‘языческий праздник весны’ [Фасмер, т. 3, с. 520]. Нельзя полностью отрицать возможность происхождения слова *руслáнка* из тюркского *arslan* ‘лев’ [Фасмер, т. 3, с. 520]. Пример: *Как водяной, так и русалки известны своими проказами; сидя в омутах, они путают у рыбаков сети, цепляют их за речную траву, ломают плотины и мосты и заливают окрестные поля, перенимают заночевавшее на воде стадо гусей и завёртывают им крылья одно за другое, так что птица не в силах их расправить* [Афанасьев 1865-1869, т. 3, с. 123].

Предположительно, праславянское происхождение имеет номинация *мáртушка* [СРГЮП, т. 2, с. 59]: **mara* - ‘сказочное страшилище, лесной призрак, приведение, болезнь, смерть’ [ЭССЯ, т. 17, с. 204]. С другой стороны, данный диалектизм может происходить из русск.-цслав. *мараѣкстаσις* ‘потеря сознания’, диал. ‘домовой’ [Фасмер, т. 2, с. 576]. Ведь границы между духами лесными, водяными и домовыми зачастую была условной. Пример: *Мартушек которые видели, они страшные, бордовые, глаза большущие, пугают, водой брызжутся* [СРГЮП, т. 2, с. 59].

Указание на нечистую силу содержится в номинациях *черта́шка* и *кривохо́стик*, чьё происхождение описано на стр. 61. Отметим наличие энантиосемии в данных номинациях. Приведём примеры: *Рыба в воду, чёрт на уду, кривохвостик на крючок (пожелание рыболову)* [СРНГ, т. 15, с. 247] // *Водяная, дак говорят, что черташка. Она выходит, выходит на берег, голову чешет. Это видали её. Тот, кто увидит её, не умрёт. Надо токо обратно спрятаться в воду. Булькнет и всё, в воде. Звали черташкой* // *Черташки в реке казались* [СРГЮП, т. 3, с. 351].

Куляши (Волог., Вят.) [СРНГ, т. 16, с. 78] восходит к коми-перм. *куль* ‘чёрт, сатана, дьявол, водяной’ [Черепанова 1983, с. 262]. Существует точка зрения, что данный диалектизм возник от праслав. **kul-*, ‘кривизна, сжимание, хромота’ [Фасмер, т. 13, с. 96]. Тогда можно судить о внешних признаках водяного. Приведём примеры: *На Крещение куляши из воды вылазят, почему и не ходят по воду, чтобы не зачерпнуть куляша* [ТСЖВЯ, т. 2, с. 822].

Созвучные номинации *шелюкин* [ОБКРН, с. 161] и *шулюкин* [СРГЦРКК, т. 5, с. 152]. С одной стороны, можно предположить влияние коми-пермяцкой лексики и связь с коми *шулейкин* [Черепанова 1983; Голева 2008]. С другой стороны, нельзя исключать турецкое происхождение: *süliik-kan* ‘хан пиявок’ [Зеленин 1991, с. 234]. Пример: *Сидят по ночамъ, какъ шелюкины* [Черепанова 1983, с. 161].

Самая необычная номинация, отождествляющая нечистую силу, на наш взгляд – *святка(и)* (Арх., Урал.) [СРНГ, т. 36, с. 343]. Так, слово *святки* происходит от **свѣтъкъ* ‘время от рождества до крещения’ [Фасмер, т. 3, с. 584]. Известно, что святки – время гаданий, которые проводились побольшей части в бане. Баня, находясь на берегу реки, была эпицентром, привлекающим водяного, домового и лешего, которых часто призывали во время ритуалов. Пример: *На святые вечера дурили мы: детишек пугали: «Смотри, святка схватит за пятку, это история была таг»* [СРНГ, т. 36, с. 343].

Отдельно стоит выделить номинацию *житель* [СРГК, т. 2, с. 66], которая характеризует любого обитателя конкретного локуса. Как уже было сказано выше, корень *-жи-* совмещает в себе значения жизни и достатка. А значит, это единственная номинация, которая имеет положительную оценку. Ведь водяной – враг людям, но свои владения он защищает. О *жителе*: *В каждом месте есть свой житель, сам своим озером правит* [СРГК, т. 2, с. 66].

Суммируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что водяному как представителю потустороннего мира свойственна негативная оценка. Так, нами было найдено 19 диалектных номинаций с отрицательной оценкой и только 1 – с положительной. Водяной тщательно оберегает свои владения, топит людей, купающихся в его водоёмах, а также любит сидеть на деревьях.

III. Номинация мотивирована семантическим признаком 'внешность'

Внешние признаки водяного представлялись в разных регионах по-разному. Так, в Волог. и Арх. ему приписывали шерстистость и волосатость. Считалось, что они являются знаком сосредоточия стихийной жизненной силы, физической и магической. Особой приметой водяного при этом было наличие у него длинных волос, с которых постоянно стекает вода [Криничная 2004, с. 326]. Отсюда номинации *волосáтик* (Волог.) [СРНГ, т. 5, с. 58], *волосáн* (Арх.) [СГРС, т. 2, с. 157]. Обозначим, что в составе номинации *волосатик* имеется экспрессивный суффикс *-ик-*. Пример: *Волосан изгневиуса – много народа потануло* [СГРС, т. 2, с. 157].

В Арх. наблюдался антропоморфный облик водяного. Его даже путали с обычным человеком [Криничная 2004, с. 332]. Об этом говорят номинации *дед* [АОС, т. 10, с. 405], *дэдушка* [АОС, т. 10, с. 415], *дэдушко водяной* [АОС, т. 10, с. 419], *дедуши́ха* [АОС, т. 10, с. 417]. Отметим, что номинация *дедуши́ха*, образованная от лексемы, обозначающей представителя мужского пола, называет водяного женского пола, что придаёт ей пренебрежительное отношение. Примеры: *Дед водяной сидит в глубине речной, тащит к себе и старого и молодого и дитя малого. Даю деду водяному маслица откупного, тебе, дед, масло пить, а в роду моём от реки всем живым быть. Прими, дед водяной, подарочек дорогой. Запечатая речную глубину, От потопления старого, середняка, младенца от рода моего. Гой!* [Крючкова 2014, с. 97] // *Шли мы, а в реке што-то красной сидит, копошицца — дедушиха! я*

дедушиху видела в дицьве. Роспусьтят волосы, што дедушихи // Он в ведро принёс, я и попросила: дедушко водяной, дай водицьки рецьной [АОС, т. 10, с. 417] // *Фсё з дедушкой ходил, с лешым, с нецистой силой* [АОС, т. 10, с. 417].

В Беломорском городском поселении облик водяного связывали с белым цветом. Им мотивированы номинации *белолáпко* (Беломор.) [СРНГ, т. 2, с. 221] и *бэля* (Беломор.) [СРНГ, т. 2, с. 238]. Номинация *белолáпко* имеет уменьшительно-ласкательное значение благодаря суффиксу *-к(о)-*. По суеверным представлениям, эти духи обитали в море и помогали людям поймать попутный ветер [СРНГ, т. 2, с. 221; с. 238]. Белый цвет, согласно мнениям исследователей, символ ещё не развенчанного персонажа языческой мифологии. Возможно, что он является обозначением отсутствия цвета, призрачности, бестелесности явившегося видения [Криничная 2004, с. 333]. Призывали их так: *Беля, беля, беля, белолáпко!* [СРНГ, т. 2, с. 221].

В Олон. полагали, что водяными становятся утопленники ссоответствующими чертами: отёчность, тина и синева [Мадлевская 2005, с. 180]. Отсюда номинация *синеобráзный* (Олон.) [СРНГ, т. 37, с. 326]. Однако, в отличие от лешего, речь идёт не о цвете крови, а о цвете кожи. Ещё одна возможная причина синеватого оттенка водяного – цвет чистой воды, отражающей небо [Ивашина 2020, с. 145-150].

Водяной мог принимать как образ самого водоёма, так и его обитателей (рыб, змей и пр.). Так, номинация *гадьюга* [СРГК, т. 1, с. 322] образована от праславянского **gadъ* ‘гад, пресмыкающийся, змея’ [ЭССЯ, т. 6, с. 81] и созвучна с названием ядовитой змеи *гадюка*. Приведём пример: **Воденик, это гадюга в воды есть, не видала, конечно, вроде на человека похож** [СРГК, т. 1, с. 322].

Итак, мы насчитали 10 диалектных номинаций водяного, внутренняя форма которых передаёт информацию о внешних признаках духа. Он может предстать в виде человека в белой одежде с длинными волосами, с которых

стекает вода, или в виде одного из водных обитателей. В то же время, он персонифицирует собственный водоём, из-за чего ему свойственен синий цвет, который также указывает и на его происхождение из утопленников.

В Таблице 9 приведены диалектные номинации водяного, классифицированные в соответствии с мотивирующими семантическими признаками.

Таблица 9. Типология номинаций водяного по внутренней форме

Место (27)	<p>Вода: водёник, водыльник, вода, водянёнок, водянёц, водяник, изводённый, водяная, водяниха, водяновка, водянуха, водяница.</p> <p>Болото: болотеник, болотник, болотной, болотяник, болотница.</p> <p>Река: рековой.</p> <p>Омут: омутник, омутной, омутница.</p> <p>Мох: моховой, мохнатка.</p> <p>Лопухи: лопухоня.</p> <p>Камыши: камышанов.</p> <p>Озеро: озереви́к, озерной</p>
Оценка (18)	<p>Отрицательная: анчутка, албаста, проклянённый, проклятый, кондрашка, кривохвостик, куляш, кромешники, анцыбал, ворогуша, гробовка, мавка, русалка, русланка, мартушка, черташка, святка, шелюкин, шуликин.</p> <p>Положительная: житель</p>
Внешность (11)	<p>Волос: волосатик, волосан.</p> <p>Человек: дед, дедушка, дедушко водяной, дедушиха.</p> <p>Цвет: белоланко, беля, синеобразный.</p> <p>Животное: гадюга</p>

Итак. Нами было выделено 3 семантических признака мотивации диалектных номинаций: ‘место’, ‘оценка’, ‘внешность’. Самым многочисленным признаком является ‘место’ (27): вода, болото, река, мох, лопухи, камыши, озеро, колодец. Самым малочисленным признаком является ‘внешность’ (10).

2.2.3.1. Семантический портрет русского водяного

Итогом исследования номинаций водяного является его семантический портрет. Водяной обитает в воде (*водёник, водяница, вода* и пр.), в болоте

(болотница, болотник, болотьяник и пр.), в реке (рековой), во мху (моховой, мохнатка), в лопухах (лопухоня), в камышах (камышанов), в озере (озеревик, озерной), в колодце (колодечник). Как и леший, он может иметь облик человека (дедушка, дедушко водяной, дедушка) с длинными волосами (волосатик, волосан) или животного (гадюга). Данный мифологический персонаж связан с белым (белоланко, беля) и синим (синеобразный) цветами. Водяной происходит из утопленников, отождествляется с нечистой силой, чёртом (анчутка, кривохвостик, проклянный, проклятой, куляш, шелюкин, шуликин, кромешники, анцыбал, ворогуша, черташка, русалка, русланка) и, соответственно, смертью (кондрашка, гробовка, мара, мавка, мартушка). Тем не менее, он является полновластным хранителем водной стихии (житель).

2.2.4. Семантические признаки, свойственные одновременно водяному, лешему и домовому

Часто одна и та же номинация называет сразу и домового, и водяного, и лешего. Главная причина неразличения этих мифологических персонажей в том, что некоторые локусы в пространстве, окружающем крестьянина, были освоены им лишь частично. Так, сакральным местом, притягивающим всех трёх духов, являлась баня. Мы можем предположить, что банник (Перм.) [СПГ, т. 1, с. 20], оберегающий человеческую постройку, относится к домовым, а также может обозначать и водяного. Баня, как известно, строилась на берегу водоёма и находилась в свободном для водяного духа доступе. Данной номинацией можно назвать и лешего, ведь целебные веники и травяные настойки делались из веток и трав, собранных в лесу. Так, в СГРС лексема банник означает 'сухостой': *Банник на болоте растёт, его собирают, потом баню топят. Та же самая сосна или ёлка, подсохшие, называют банник, если его много* [СГРС, т. 1, с. 57].

Баня была особенным местом. Там не только мылись, но и стирали, гадали, лечили, принимали роды, впускали на ночлег случайных путников.

Стоит отметить, что многие исследователи не относят баню к дворовым постройками, так как она расположена на периферии селенья, как правило, на берегу водоёма [Байбурин 1983, с. 35]. *Ба́енник* (Арх.) [СГРС, т. 1, с. 41], *ба́инная ба́ушка* (Перм.) [СРНГ, т. 2, с. 52], *ба́нна жихо́ня* (Беломор.) [СРНГ, т. 2, с. 200], *ба́нница* [СВГ, т. 1, с. 21], *заба́енник* (Арх.) [СРНГ, т. 9, с. 241], *не́чисть ба́нная* [СВГ, т. 5, с. 109], *ба́ннушка* [СРГЮП, т. 1, с. 40] охраняли баню и в случае неправильного поведения человека могли даже убить. Примеры: *Говорят, что баенник в старых байнах живёт, у реки которы чёрные, баенник камнями кидается* [СГРС, т. 1, с. 41] // *Банник вредный, а банница, наоборот, помогает, чтоб не угореть* [СРГЮП, т. 1, с. 40] // *В бане баннушка, ей воду оставляй, когда помоешься* [СРГЮП, т. 1, с. 40] // *Сказывал дед-от, что банницу в бане-то слышал, а видеть не видывал* [СВГ, т. 1, с. 21] // *Смотрят на меня потаенники и помышленники и забаенники* [СРНГ, т. 9, с. 241] // *Вот руки-то негладкие бывают из бани, так это нечисть банная навела* [СВГ, т. 5, с. 109].

Важное значение в бане имел пар. Им, с добавлением лекарственных трав, лечились [Криничная 2004, с. 28]. Русская поговорка гласит: *Баня без пара, что щи без навара* [Рябцев 1997, с. 223] Отсюда названия духов, обитающих в бане: *па́рница* [ОСВГ, т. 7, с. 205], *ба́нька-па́рушка* [СРГСПК, т. 1, с. 57]. Примеры: *Парница баню топит* [ОСВГ, т. 7, с. 205] // *Вот во всех банях ведь раньше-то рожали. А это надо напрашиваться: «Банька-парушка,пусти меня»* [СРГСПК, т. 1, с. 57].

Особый интерес с лингвистической точки зрения представляет мифический персонаж *ба́енка-пустохоро́минка* (Арх.) [СГРС, т. 1, с. 41]. Слово *пустохоро́минка* состоит из двух корней *пуст* и *хором* и экспрессивного суффикса *-инк-*. Слово *пустой*: праслав. **rustь* родственно др.-прусск. *raustre* ‘дикое место’ [ЭСРЯ, т. 1, с. 374]. Слово *хоромы*: из др.-вост.-слав. **хортъ* заимствовано из лтш. *kārms* ‘постройка’ [Фасмер, т. 4, с. 265]. Исходя из этого, внутренняя форма раскрывает нам полное значение

баенки-пустохороминки: это дух, обитающий в заброшенной деревянной постройке, под которой подразумевается баня.

Соломия-бабушка [СПГ, т. 1, с. 14] – банный дух. *Соломия* происходит от др.-евр. имени *Соломон* (*salom* — мир) [СРЛИ, с. 202]. Предположительно, имеется связь с повитухой Саломеей, принимавшей роды у Богородицы. Пример: *Когда в бане вымьются, приговаривают: «Спасибо, Соломия-бабушка за тёплое парушко»* [СПГ, т. 1, с. 15] // *Бабушка Соломония мыла парила раба Божия N в парной байне. Пойдите, грыжи, из сеньцей воротми, из байни дверьми, в чистое поле* [Криничная 2004, с. 73].

Номинация *задериха* [АОС, т. 16, с. 234] образована от праслав. **dьrati* ‘драть, рвать, бить’ [ЭССЯ, т. 5, с. 218]. Сюда же относится и номинация, мотивированная глаголом *обдирать* – *обдериха* (Арх.) [СРНГ, т. 22, с. 22]. Согласно народным представлениям, данные мифологические персонажи обитали в бане, оберегая её. Они могли задавить, задушить человека, забрызгать кипятком или ободрать его кожу. Считалось, что нельзя заходить в баню после полуночи и «в четвёртый пар», когда парился сам дух [Криничная 2004, с. 68-69]: *Как вот сказано — в байне одной мытца нельзя, обдериха сгубит, так оно и есть. У нас жонка одна шустрая говорит: «Пойду одна в байну на третью смену, когда обдерихи моюца». И пошла. И час нету, и другой нету. А пошли за ею, а она под пол в шилья загнана, а кожа на каменке виснет. Обдериха ободрала* [Криничная 2004, с. 68] // *Детей пугали едак-то: плакать будешь – задериха тебя задерёт в бане*[СГРС, т. 4, с. 59] // *Баня была чёрным местом, обдериха жыла. Ходило такойе поверье, один попросился в баню ночевать. Рас попросился, она йево и бережот, обдериха, да задериха, фсяко звали* [АОС, т. 16, с. 234] // *Вышла она, соседка, из байны-то, спина вся изодрана. Это обдериха драла. Под полком в бане, там, бывает, обдериха сидит. Они людей задирали. В полуночь они могли кошкой повидеться, глаза широкие!* [Черепанова 1996, с. 145].

Не различали и «природу» мифического персонажа, живущего в колодеце, построенном человеком и наполненном чистой проточной водой. Отсюда номинация *колóдечник* (КАССР) [Черепанова 1983, с. 68]. С другой стороны, в нем живет и *зализу́ха* (Арх.) [СГРС, т. 4, с. 116]. Данная номинация имеет корень *-ли-*, как и вышеописанная лексема домового *лизу́н*. Вероятно, *зализу́ха* затягивала людей в колодец: *В колодец зализуха зализнёт, утащит* [СГРС, т. 4, с. 116].

Ещёодно место обитания духа воды – мельница. Эта постройка находилась в «ведомстве» домового. Однако, находясь у реки и вбирая из неё воду, она привлекает внимание водяного. Причём, это может быть место подмельницей, шлюзами, плотинами, под мельничным колесом и т.д. Согласно поверьям, во время работы мельницы водный дух находится наверху колеса и брызгается водой, приводя в действие колесо мельницы [Криничная 2004, с. 355]. Так, на мельнице обитают *мельничный* (Вят.) [СРНГ, т. 18, с. 105] и *мельник* [СРГК, т. 3, с. 221]. Возможно, корень данных номинаций восходит к праслав. **meljъ* ‘молоть’ [Фасмер, т. 2, с. 597]. С одной стороны, данные духи помогают людям, заключая договор смельником. С другой стороны, они считают себя полновластными хозяевами этого места и причиняют людям вред. Подтверждением этому является русская пословица: *Со всякой новой мельницы водяной подать возьмёт (т. е. утопит человека)* [ПиПРН, т. 2, с. 389]. Таким образом, они берут на себя функции водяного. Приведём пример: *Мельник перво дело сулит голову, чтобы мельница лучше работала, — человечью. Мельник старается, как-нибудь старается, чтобы была водяному человечья голова, чтобы человек под колесо попал и утонул* [Криничная 2004, с. 358].

Северную тайгу, насыщенную озёрами, болотами и реками, населяют мифологические персонажи, объединяющие в себе функции водяного и лешего. Так, вышеупомянутым словом *лешачи́ха* называли не только духа леса, но и духа воды. А *русáлка* обозначает духа женского пола, обитающего

не только в лесных водоёмах, но и любящего сидеть на деревьях. Пример: *Обычно говорят, русалка в воде живёт, а ведь она может и на дереве; заведут в лес, и ходишь по одному месту, находили и замученных* [СРНГ, т. 5, с. 584] // *Видели лешачиху на мосту около мельницы* [СРНГ, т. 17, с. 31].

Совмещает в себе признаки духа воды и духа леса *зы́бочник*. Данная номинация образована от др.-русск. *зыбь* ‘зыбкое место, трясина’ [Фасмер, т. 2, с. 109]. Трясина – наплавное, трясучее болото, зыбучее место, где почва, поросшая болотными травами и мхом, колыхается, и вода выступает под ногой [ТСЖВЯ, т. 4, с. 402]. Таким образом, *зы́бочник* – дух, который зыбаётся (качается [ТСЖВЯ, т. 1, с. 625]), и который обитает в зыбучих болотах.

Номинация *кука́н* (Влад.) – мифическое существо, живущее на болотах [СРНГ, т. 16, с. 31]. Приведём пример: *Смотри, кукан в болото утащит* [СРНГ, т. 16, с. 31]. Предположительно, что номинация *кукан* образована от глагола *кукати* ‘куковать’ или ‘бить, колотить кого-либо’ [ЭССЯ, т. 13, с.89], что свойственно лешему. Отметим, что в СРНГ одно из значений данного диалектизма – ‘подводный камень’, что связано с водяным, а другое значение, указанное там же, – ‘чистый ельник’, что связано с лешим [СРНГ, т. 16, с. 31].

Таким образом, мы насчитали 22 номинации, называющие мифологических персонажей, выполняющих функции водяного, домового и лешего и обитающих как в водоёмах, так и в хозяйственных постройках, влесах, покачиваясь на деревьях.

2.3. Типология номинаций домового, лешего и водяного по гендерному стереотипу

Понятие *гендер* впервые в научных трудах описал американский психоаналитик Р. Столлер [Берн 2004]. Он понимал гендер как феномен социальной культуры, определяющий различия между мужчиной и женщиной (роли, характеристики, нормы поведения). Значимыми

компонентами гендера являются гендерные стереотипы, под которыми подразумеваются культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов, отражение гендерной стереотипизации на всех уровнях языка, а также её тесную связь с формами выражения оценки в языке [СГТ, с. 98; Маркина 2019, с. 246].

С одной стороны, гендер определяет половой признак объекта, вследствие чего уточняет денотативный компонент слова. С другой стороны, в основу гендера заложена совокупность социальных и культурных норм, приписываемых человеку в зависимости от его биологического пола [СГТ]. Тогда можно говорить о коннотативном компоненте гендера.

2.3.1. Типология номинаций домового по гендерному стереотипу

Гендерные стереотипы складывались в процессе социализации, поэтому наибольшее количество номинаций, представляющих мифологических существ и мужского, и женского полов, наблюдается среди домовых. Гендерные стереотипы среди этих мифологических персонажей возникали вследствие переноса образа жизни крестьян на домашних духов.

Крестьянский быт значительно отличался от современного, и пренебрежительное отношение к женщине считалось абсолютно нормальным. Главой дома, несомненно, был мужчина. Его задачей считалось обеспечить благополучие семьи. Преимущественно мужскими были промыслы — торговые и ремесленные, лесные (от охоты до смолокурения), зверобойные и рыболовецкие. По большей части вся работа по дому же считалась женской. Именно она занималась домашним хозяйством [Шангина 2005, с. 377]. Как правило, мужские и женские номинации с мотивирующими основами *-дом-*, *-хоз-*, *-сосед-* имеют ласкательную (*домовичок*, *соседушко* и пр.) или нейтральную (*домовой*, *сосед*, *хозяин* и пр.) коннотацию.

Особую роль в русской избе играла печь: «Она и кормилица, и поилица, и тела согревательница» [Рябцев 1997, с. 215]. Так, номинация *калёная пѣчка* подчёркивает символическое значение домового как персонификацию духа огня, сосредоточием которого была печь. Печь олицетворяла хозяйку дома настолько, что даже многие её детали назывались так же, как части тела или элементы одежды женщины. Так, например, лексема *грудка*, помимо основного значения ‘женская грудь’, является ещё и 1) печью для отопления помещения (Ряз.), а также 2) лежанкой около печи (Ленингр., Карелия) [СРНГ, т. 7, с. 161; т. 5, с. 66]. Возможно, данное подобие возникло по функции: печь в доме, подобно женской груди, воспринималась как кормилица [Якушевич 2019, с. 483].

Ярким примером гендерного стереотипа служит вышеописанная номинация *кутíнья*, обитающая в отдельном «бабьем» углу, где располагалось всё необходимое для приготовления пищи. Мужчинам же было зазорно заниматься подобными женскими делами, поэтому в эту часть дома они не заступали. Более того, женщина, проводившая в своём углу немало времени за готовкой, даже не садилась за стол со всей семьёй. Считалось, что, если хозяйка стоит у печи голодной, обед будет вкуснее [Рябцев 1997, с. 232].

Женские обязанности не ограничивались домом. Неотъемлемая часть русского быта – баня. Согласно представлениям, баня была центром сосредоточения нечистой силы, так как в ней не вешали иконы [Байбурин 1983, с. 36]. Особенно ярко на это указывает номинация *нѣчисть бáнная*. По этой причине, мы полагаем, женских номинаций домового (*ба́енка*, *Пустохорóминка*, *ба́иная ба́бушка*, *ба́нна жихо́ня*, *ба́нница*, *ба́ннушка*, *нѣчисть бáнная*, *ба́нька па́рушка*), мотивированных основой *-бан-*, гораздо больше, чем мужских (*ба́енник*, *заба́енник*).

Подобно тому, как печь была центром дома, так и двор был центром селения. Во дворе хранили сено после покоса, туда привозили срубленный

лес, именно во дворе располагались хозяйственные постройки [Рябцев 1997, с. 228]. Корнем *-двор-* мотивированы номинации и мужского (*дворник, дворовик, дворовой* и пр.), и женского полов (*дворовуха, дворуха*).

Единственная постройка, на двери которой вешали замок, – амбар. Ведь там хранилось главное богатство семьи – зерно. Говорили: «*Каково в амбаре, таково и в кармане*» [Рябцев 1997, с. 222]. Нами не было найдено номинаций женского пола, мотивированных основой *-амбар-*. Очевидно, женщин туда не пускали. Также нет номинаций домовых женского пола, обитающих на гумне (*гумённый*), а в риге (*рижница*) и овине (*овинница, овинничиха*) они имеются в меньшем количестве, чем мужского.

В сарае и мякиннике полностью отсутствуют домовые мужского пола. Номинации *сарajúха* и *мякільница* имеют нейтральную оценку.

Конюшню оберегал дух мужского пола *конюшник*. К лошадям крестьяне относились по-особенному, так как конь был главным помощником в поле. Хозяин самолично ухаживал за своей лошадей, не перекладывая эту обязанность на жену [Рябцев 1997, с. 208]. Этим объясняется отсутствие женских номинаций.

Огородничество – также важная отрасль крестьянского хозяйства. Все заботы по огороду, конечно, лежали на плечах женщин: вскопать, удобрить навозом, посадить, полить, прополоть, собрать урожай. Так, женские номинации мотивированы названиями растений (*бобóвница, конопляница, огорóдница*), а единственная мужская номинация (*земляной царь*) отражает лишь превосходство мужчины.

Поле являлось местом всеобщего труда. Там работали абсолютно все: и дети, и взрослые, и старые, и больные, и беременные. Наряду с мужчиной женщина жала, косила, метала стога и даже молотила зерно, поэтому поле населялось духами и мужского, и женского пола: *вьём, полевик, поляница, поляха, ржаница, стогáфья*.

Такое разнообразие номинаций женщины-домового может объясняться двумя причинами. Во-первых, абсолютно вся работа по дому в крестьянской семье выполнялась исключительно женщинами вне зависимости от того, сколько их в семье: 2 или 10. Во-вторых, крестьянский дом и прилегающее к нему пространство (баня, двор, сарай, огород, поле) были достаточно большими, из-за чего женщинам приходилось трудиться, едва ли не больше мужчин [Ефименко 1884, с. 75]. Возможно, им были просто необходимы помощь и покровительство извне.

Большую роль в крестьянской жизни имело родство. Главе семьи беспрекословно подчинялись. «Большак есть глава двора; он отвечает за свой двор относительно исправной уплаты повинностей, выполнения работ и обязательств, и с ним заключают все условия» [Ефименко 1884, с. 61]. Под главой подразумевался отец или дед, поэтому количество номинаций мужского пола, мотивированных родством (*больша́к, де́душко, дидько* и пр.), велико. Женщина, даже пожилая, особых привилегий не имела. Особенно ярко этот факт подчёркивает номинация *деду́ха*.

Несмотря на то, что женщина выполняла ежедневный колоссальный труд, имеется всего одна номинация домового женского пола с ярко выраженной положительной оценкой (*ма́тица-доброхо́тица*). Так, даже в разговорах мужчина, если ему приходилось упоминать жену, извинялся перед своим собеседником за то, что завёл речь о пошлом предмете [Ефименко 1884, с. 74]. В противовес этому женских номинаций отрицательной оценкой достаточно много (*страхила́тка, ма́ра, кики́мора* и пр.).

Глаголы, мотивирующие названия домовых мужского пола, обозначают в основном действия, требующие физическую силу (*носа́к, обло́м оса́д, гнетке́*). Именно мужчине-домовому свойственно шутить с людьми (*игре́ц, изводень, лизу́н*), манить их (*ман, мани́ло, мани́лко*) и насылать болезни (*притчу́н*). Отметим, что такое безнравственное поведение обычно

приписывалось женщинам и порицалось в мужчинах, так как они считались более разумными по сравнению с противоположным полом [Маркина 2020, с. 5-14]. Неудивительно, что женские номинации домовых фиксируют такие гендерные черты, как суетливость, болтовня и вообще стремление попусту издавать всякие звуки: *сутóрма, турусáлка, пыхтéлка, верещíха*. Однако именно женщина-домовой предсказывает будущее: *дúмова, вещьúнья*. Она занимается ткачеством и рукоделием: *мотовíлиха, прýха*.

Мы зафиксировали лишь одно табуированное местоимение, которым называли домового женского пола (*самá*). Мы полагаем, это также связано спредвзятым отношением к женщине: люди считали, что женщина, даже представительница потустороннего мира, не способна принести значительный вред.

В Таблице 10 приведены диалектные номинации домового, классифицированные в соответствии с гендерными стереотипами.

Таблица 10. Типология номинаций домового по гендерному признаку

Гендерные стереотипы	Номинации
Женщина должна выполнять всю работу по хозяйству	<i>Домовáя, домовíнка, домóвушка, домовíха, домáха, мáтушка-домовáя, хозяйка, печáя, калёная пéчка, запéчельница, погрéбница-пыхтéлка, кутíнья, баéнка пустохорóминка, баíная баушка, ба́нна жихóня, ба́нница, ба́ннушка, нéчисть ба́нная, па́рница, ба́нька-па́рушка, дворовúха, дворóуха, мáтушка-подворёнка, рíжница, овíнница, овíнничиха, сараюха, бобóвница, конопля́нница(нка), огорóдница, мякíльница, поля́нница, поля́ха, ржанíца, стогáфья, жаренíца, пережíнница, прýха, мотовíлиха, удéльница</i>
Мужчина – глава семьи, обеспечивающий благополучие в доме	<i>Домовíд, домовíдушко, домовíк, домовíтушко, домовéдушко, домовóй, домовéйко, домовéюшко, домовичóк, запéченник, запéчнушко, печно́й хозя́ин, подпéчник, похозяйственник, хозя́ин, двóрник, дворно́й, дворовíк, дворовóй,</i>

	<i>дворо́вушко, амба́рник, амба́рный, конюшник, больша́к, дед, де́дка(о), де́душка(о), дідько, дя́дины ребя́та, жа́реник, носа́к, кормілець, кормі́нчик, скотный кормілець, юа́тюшка, батама́н, бата́нушка, ботамáнушко, вата́мушко, брата́нушко, прива́л, онго́н</i>
Женщине свойственны легкомысленность, вздорность, эмоциональность, ворчливость	<i>Вере́щи́ха, гне́тка, гнюте́ница, букари́ца, бука́рка, букусéтка, буче́риха, варахта́нница, му́ка, неспі́ха, пыхте́лка, пу́жанка, секу́ниха, суто́рма, хітница, турусáлка, стрі́га</i>
Мужчина – эталон разумности, ответственности и здоровья	<i>Роди́мец, доброхо́душко, доброхо́т, жи́ровік, жи́ровый, мила́к, норово́юшко, жи́харь, жихарёк, жи́хорько, жихо́рюшко, доможи́л, доможи́рко</i>

Таким образом, можно сделать вывод, что лексемы женщин-домовых отражают гендерные стереотипы – устоявшиеся в сознании носителей языка как неприемлемые женские черты, так и одобряемые с точки зрения национальной системы ценностей. Поэтому образ женского домового духа представляется неоднозначным. С одной стороны, есть номинации, указывающие на пренебрежительно-оскорбительное отношение к таким женским качествам, как излишняя болтливость, ворчливость, вздорность: *пыхте́лка, вере́щи́ха, турусáлка, суто́рма, бука́рка* и др. В ряде номинаций негативная оценка мифологического персонажа обусловлена наводящими страх и ужас действиями (*гне́тка, обде́риха, подави́ха, хітница, бука́рка, вере́щи́ха*). С другой стороны, есть несколько номинаций, мотивированных названиями положительно оцениваемых действий: *мотові́лиха, веще́унья, ду́мова, жарени́ца*.

Выбор номинаций места, мотивирующих такие названия женщины-домового, как *кути́нья, дома́ха, сара́юха, дворову́ха, мяки́нница, овінница, бобо́вница* и пр., также продиктован гендерными стереотипами среди крестьян: именно с этими локусами связаны повседневные женские

обязанности – тяжёлый труд в доме и во дворе, в огороде и в поле [Ивашина 2020, с. 144-156].

2.3.1.1. Семантический портрет русского домового женского пола

В связи с большим количеством номинаций, называющих домового женского пола, считаем целесообразным создать его семантический портрет. Домовой женского пола обитает в доме и местах, прилегающих к нему (*погребница, печая, огородница, стогая, овинница* и пр.). У неё распущены волосы, она лохмата, либо её тело покрыто шерстью (*волосатка*). Женщина-домовой носит красную одежду (*меденица, красная баба*), является персонификацией природных элементов (*железнячка, железнячка*). Основные действия домового женского пола направлены на привлечение внимания хозяев (*ныхтелка*), помощь им (*вещунья, мотовилиха, жареница, думова*) или на запугивание домочадцев с целью игры либо наказания (*пужанка, верещиха*).

2.3.2. Типология номинаций лешего по гендерному стереотипу

В русской диалектной речи номинации женского пола водяного и лешего также имеются, однако в гораздо меньшем объёме. Более того, мы не всегда можем привести логические обоснования гендера среди этих мифологических персонажей.

Леший – полновластный хозяин леса. Об этом свидетельствуют номинации с мотивирующей основой *-лес-* (*лесик, лесман, лесник, лесной хозяин, ёл, лесовик, боровой, корбеник, вотчинник, лес* и др.). Согласно поверьям, лешие имели целые семьи [Криничная 2004, с. 247]. Эти мифологические персонажи славились любвиобильностью, заводя с девушками отношения [Шангина 2005, с. 325-329]. Такое распутство (номинация *блуд*) можно считать гендерным стереотипом. Так, неудивительно, что женские номинации с мотивирующей основой *-лес-* (*лешачиха, лесначиха, леснуха, лесовиха, лешачка, лесная девка*) встречаются

в меньшей степени, что также является гендерным стереотипом. Суффиксы *-их-* и *-ачк-* называют существо женского пола, характеризующееся отношением к тому, что названо (кто назван) мотивирующим словом [ССА, с. 410, 465]. Лексема *дэвка* в СРЯ11-17 вв. не имеет бранное значение, как в настоящее время: ‘девушка, девочка, дочь, прислуга, дворовая женщина, девица’ [СРЯ11-17, т. 4, с. 198]. Мужские номинации часто имеют суффиксы (*лэсик, дэдушко, лешачонок* и пр.).

В женских номинациях *залу́тчица, лука́нька, ве́щица, памха́* трудно судить о наличии гендерного стереотипа, так как существуют их мужские эквиваленты: *залу́тчица – залу́тчик, ве́щица – ве́щу́н* [СРНГ, т. 4, с. 229]. В СРНГ нет указания на то, что *ве́щу́н* является именно лешим. Тем не менее, мы можем это предположить, так как *ве́щу́н* – потусторонний дух в виде животного или птицы [СРНГ, т. 4, с. 229]. Превращение в животных больше свойственно именно лешему. Что касается номинации *памха́* (отустар. *помеха́*, тот, кто мешает), то вряд ли и здесь мы можем выделить именно женский стереотип поведения, так как подобные негативные действия свойственны и лешему мужского пола (*ла́ман – ломает, кожде́р – дерёт кожу* и пр.).

Однако отголоски мужского инфантильного поведения лешего все же можно заметить в таких номинациях, как *игруно́к, грец, зы́бочник*. Согласно народным суевериям, леший славился инфантильным поведением: он любил играть и качаться на деревьях и трясинах [Криничная 2004, с. 267].

Диалектизмы *бэлая ба́ба* и *борода́тка* характеризуют внешний облик лешего. Согласно исследованиям, леший мог появиться в виде мужика или старика с белой бородой [Левкиевская 2002, с. 280]. Так, лешему-мужчине свойственна волосатость, а наличие белого цвета никак не выявляет гендерный стереотип. Как правило, борода – сугубо мужской атрибут, не свойственный женщинам. Возможно, так подчёркивалась мужеподобность мифологического существа. Отметим, что часто духу женского пола

приписывали признаки противоположного пола, в частности наличие бороды. Подобная номинация имеется и среди домовых (*деду́ха*).

Мы не наблюдаем ярко выраженной оценки, ни положительной, ни отрицательной, в диалектных номинациях лешего женского пола. Вероятно, это связано с тем, что леший был представителем нечистой силы изначально, а женщины рождались обычными людьми и становились лешими, когда те их похищали [Криничная 2004, с. 314].

В Таблице 11 приведены диалектные номинации лешего, классифицированные в соответствии с гендерными стереотипами.

Таблица 11. Типология номинаций лешего по гендерному признаку

Гендерные стереотипы	Номинации
<i>Леший – хозяин леса</i>	<i>Лесі́к, лё́сман, лесні́к, лесно́й хозя́ин, лесно́й, лесові́к, лесово́й хозя́ин, лесово́й дедушко, леша́к, лешачо́нок, лешеня́, лешеня́та, лёшман, ела́нья, ёлс, полёсовик, борова́й, корбе́ник, вóтчинник, лес</i>
<i>Леший – распутник, соблазняющий девушек</i>	<i>Блуд</i>
<i>Лешему свойственна инфантильность</i>	<i>Игрунок, грец, зыбочник</i>

Итак, суммируя вышесказанное, мы можем сделать вывод, что номинаций лешего женского и мужского полов отражают некоторые отголоски гендерных стереотипов. Так, лешие создавали семьи, из чего наблюдаются номинации с корнем *-лес-*, называющие лешего-мужчину (*лёсман, лесно́й хозя́ин, лесово́й* и пр.) и лешего-женщину (*лесначі́ха, лесну́ха* и пр.), как мужа и жену. Негативные поступки свойственны номинациям обоих полов (*залу́тчица, лука́нька, памха́, веці́ца, кожедёр, ла́ман* и пр.). Тем не менее, леший играл роль соблазнителя (*блуд*), что является гендерным стереотипом.

2.3.3. Типология номинаций водяного по гендерному стереотипу

Исследователи полагают, что и водяному в народе приписывали существование семьи. Духи воды берут в жёны русалок, утонувших девушек, и даже сватаются в обычных деревнях [Левкиевская 2002, с. 82]. Женские номинации, подчёркивающие семейный статус водяного: *болотница*, *водяная*, *водяновка*, *водянуха*, *водяница*, *омутница*, *русалка*, *русланка*, *лопухоня*, *мохнатка*. Лексема *водянуха* имеет в своём составе суффикс *-ух-*, указывающий на стилистически сниженное значение слова, в то время как среди мужских номинаций наблюдаются уменьшительно-ласкательные и нейтральные суффиксы. Отметим, что отсутствуют женские номинации, мотивированные названиями водоёмов, насыщенных грунтовыми водами (озеро, колодец, река). Трудно судить о наличии в данном случае гендерного стереотипа, так как женские номинации, мотивированные названиями водоёмов со стоячей водой, имеют мужские эквиваленты (*болотница* – *болотной*, *омутница* – *омутной* и пр.).

В излюбленном месте духа воды – мельнице – обитают только водяные-мужчины. Мы можем предположить, что работа на мельнице по своей сути была мужской. Так, не существует женского эквивалента названия этой профессии по аналогии с другими: *ткач* – *ткачиха*, *повар* – *повариха* и пр. Мы считаем, что такое разделение на мужские и женские профессии и есть гендерный стереотип.

Если говорить о номинации *зализуха*, то она имеет мужской эквивалент (*лизун*). Номинация *букачка* – единственная в своём роде номинация, указывающая на шумливость мифологического персонажа, что также является гендерным стереотипом.

Отдельно отметим номинацию *дедушка*. По аналогии с *бородаткой*, она, имея мотивирующую основу *-дед-*, подчёркивает мужеподобность и несуразность женского образа. Номинации *албаста* и *гадюга* также характеризуют внешние признаки водяного-женщины. Интересно, что

однокоренная номинация *алба́стый*, называющая домового и лешего, имеет мужской пол.

Большинство других названий водяного женского *гадю́га* отражают такой гендерный стереотип, как крайне негативное отношение к женщине-ведьме, нечистой силе: *ворогу́ша*, *гробо́вка*, *ма́вка*, *ма́ртушка*, *свя́тка*, *черта́шка*. Интересно, что в словах *гадюга* и *ужачка* отражено разное отношение к женщине: если *гадюга* – это женщина-нечистая сила, мерзкая и скверная (одно из значений слова *гадюга* в Перм. – СРНГ, т. 6. с. 92), то домовая *ужа́чка* отражает положительное отношение к этому тотему [Криничная 2004, с. 32].

В Таблице 12 приведены диалектные номинации водяного, классифицированные в соответствии с гендерными стереотипами.

Таблица 12. Типология номинаций водяного по гендерному признаку

Гендерные стереотипы	Номинации
<i>Работа на мельнице мужская</i>	<i>Ме́льничный, ме́льник</i>
<i>Женщина-водяной шумлива</i>	<i>Букачка</i>

Таким образом, среди номинаций водяного мы можем наблюдать наличие гендерного стереотипа. Так, водяной-женщина обитает в стоячей воде и речных зарослях (*болотница*, *омутница*, *лопухоня*, *мохнатка*), зализывает людей и животных (*зализуха*), а также издаёт громкие звуки (*букачка*). Мужчина-водяной работает на мельнице, куда не допускаются женщины (*мельничный*, *мельник*). Водяной женского пола имеет безобразную мужеподобную внешность (*дедушиха*), а также может иметь облик змеи (*гадюга*). Водяные-мужчины обитают и в стоячей воде, и в проточной, а также на мельнице и в камышах. Они качаются на ветках (*зыбочник*), имеют волосатую внешность (*волосатик*, *волосан*), часто связанную с синим (*синеобразный*) или белым (*белоланко*, *беля*) цветом, а также может предстать в виде человека (*дедушка*, *дед*, *дедушко водяной*).

2.4. Типология номинаций домового, лешего и водяного по символическому значению

Реконструируя внутреннюю форму диалектных номинаций мифологических персонажей, мы выявили символические значения названий домового, лешего и водяного.

2.4.1. Порядок и уют в доме.

Дом, в представлении славян – центр мира, убежище, защита. Дом имел свою душу и потому строился в соответствии с определёнными правилами и ритуалами. Как уже было сказано выше, это освоенная человеком территория. Люди жили в нём, наводили свои порядки и задабривали духов, помогающих им. Особое внимание при строительстве дома уделялось его архитектуре. Он приобретал зооморфные признаки животного, которое почиталось на том локусе [Криничная 2004, с. 96; Байбурин 1983, с. 63], а его детали воспринимались, как части тела человека или его одежды: например, *лицо, лоб, платок, косица* – фронтон избы, *ушки* или *серёжки* – боковые подвески оконных наличников, *ладошка* – подоконник и пр. [Якушевич 2018, с. 159–166].

Домовой – и дух и душа дома, и поэтому отвечает за его благополучие и уют. Именно поэтому у большой группы названий домового сема ‘дом’ является мотивирующей семой внутренней формы. В этих номинациях она прозрачна, поскольку корень *-дом-* является производящей основой: *домовід, домовідушко, домовік, домовітушко, домовёдушко, домовой, домовейко, домовёюшко, домовичок, домовая, домовінка, домóвушка, домовіха, домáха, мáтушка-домовая*. Положительная оценка этого символического значения маркирована деминутивами *-ок-, -ушк-, -ейк-*, а гендерный стереотип «женщина – хранительница домашнего уюта» – суффиксами *-ах-, -их-* и включением в производную основу слова *матушка*.

2.4.2. Огонь

Огонь имел огромное значение в жизни славян [Якушевич 2011]: подобно живому существу, он жил вместе с домом, хранил и обогревал его, прогонял нечистую силу. Но хозяева боялись его разрушительной силы и приговаривали: *Огонь грех гневить – как раз случится несчастье!* [Байбурин 1983, с. 385]. Огонь берегли как самую большую ценность – источник тепла и, следовательно, жизни: «Поддержание этого огня днём и ночью вменялось в обязанность каждому домохозяину. Горе тому дому, где бы он потух. Всякий вечер прикрывали уголья пеплом, чтобы не дать им совершенно сгореть; утром, при пробуждении, первую заботой семьи было возобновить огонь» [Афанасьев 1868, т. 2, с. 26].

В мифологическом сознании сакральным центром всего мироздания считалась печь. Она, заключая в себе оставленный предками домашний огонь, хранила информацию о прошлом и будущем семьи. Печь была универсальным домашним атрибутом: в ней мылись, лечились, проводили обряды. Она служила источником тепла, местом сна и приготовления пищи [Байбурин 1983, с. 160]. При строительстве печи говорили: *Печник с огнём да дымом – хозяин с вином да пивом* [Криничная 2004, с. 205]. Она оберегала домочадцев от нечистой силы, и только домовый мог жить в любой её части [Голева 2008, с. 16]. Напомним, что диалектными номинациями обитателя печи являются *подпéчник, запéчельница, запéченник, запéчнушко, калёная пéчка, печáя, печной хозяин*. Отметим, что и *котáнко* символизирует огонь, так как также является любительницей печи, поэтому часто обитает в бане: *Один мужчина поздно пошёл в баню. А там вышло огромное безобразное существо в виде кошки. И мужчина голый прибежал из бани домой* [Криничная 2004, с. 33]. Так, домовый выступает персонификацией огня, разводимого в печи [Афанасьев 1865-1869, т. 2, с. 24]. Некоторые исследователи утверждают, что домовый является и персонификацией самой печи, отмечая у неё наличие чела (лба), устья и ног (боковые стенки устья),

отождествляющих части тела самого человека [Криничная 2004, с. 145].

При разжигании очага в новом доме приговаривают:

Печка-Матушка,

Родовой Очаг!

Вы, Деды мои да Прадеды,

Щуры и Пращуры Рода!

Вы, Духи Родовые,

Помощники незримые!

Житьё-бытьё моё соблюдайте,

Дабы в новом дому

Мне и чадам моим,

И всем Сородичам моим —

Исправно жити,

По добру быти!

Како Предки Святые деяли,

Како нам деять заповедали! [Волх Велеслав 2012, с. 72]

Печь, как известно, располагалась не только в доме, но и в бане. Баня, выполняя множество функций (санитарно-гигиеническая, лечебная, гостевая и пр.), была местом ритуалов. Там произносили различные магические любовные и семейные заговоры, определялось и программировалось будущее, пытались получить магические предметы. Банный дух (*ба́енник, ба́нна жсихо́ня, ба́нька-па́рушка, ба́нница, ба́ннушка, не́чисть ба́нная, забáенник, па́рница*) выступал в роли символа, объединяющего, одухотворяющего и персонифицирующего различные языческие верования. Дух бани символизировал синий огонь (в представлениях «живой» огонь) [Криничная 2004, с. 29-36]. Считалось, что он способен излечить болезни: *Синий огонь, раскладзися, и рана залячися* [Криничная 2004, с. 137].

Зооморфные номинации мифологических персонажей в славянской мифологической традиции также являлись символами. Так, номинация

лешего *курáнко*, образованная от слова *кур* ‘петух’ или *курíти* ‘раскладывать огонь, разжигать’ является символом солнца и огня. Примечательно, что в жертву разозлившемуся домовому приносили именно петуха. Считалось, что он был посвящён богу домашнего очага и становился лучшей для него жертвой [Афанасьев 1865-1869, т. 2, с. 106]. Его огненную символику можно объяснить тем, что он имел яркое оперенье и красный гребешок. Во фразеологии красный петух означает пожар [Гура, Узенёва 2009, т. 4, с. 28-35]. Так, в загадке: **Красный кочеток по жердочке бежит** [Криничная 2004, с. 103].

Символическое значение огня и печи прослеживается и в номинациях *гнеткэ, гнеткó, гнётка, гнютэница*. В СРЯ11-17 глагол *гнётити*, от которого образованы данные названия, имеет значение ‘разжигать, зажигать’ [СРЯ11-17, т. 4, с. 45]. А однокоренное существительное *загнётка* имеет множество значений, каждое из которых непосредственно связано с печью: 1. Угол, углубление в углу шестка или внутри русской печи, куда сгребают горячие угли, жар. 2. Шесток у русской печи. 3. Устье русской печи, ход в печь. 4. Горячие угли, зола, сгребённые в одно место в устье, в углу русской печи или выгребенные из печи. 5. Пук лучины, соломы, сжигаемой в устье русской печи для подрумянивания корки у пекущегося хлеба. 6. Заслонка, загораживающая устье русской печи. 7. Род плиты; углубление в шувале (очаге, устраиваемом в шалаше для обогрева и приготовления пищи). 8. Лавка около русской печи. 9. Сковородник. 10. Продольный брус, за который держатся, взбираясь на русскую печь. 11. Процесс поджаривания в закрытой русской печи [СРНГ, т. 10, с. 11]. А глагол *гнетить* означает ‘разжигать огонь’ [СРНГ, т. 6, с. 241]. Более того, в семантике данных номинаций и слова *огонь* прослеживается очевидная связь (корень *-гн-*).

Итак, домашний очаг – одно из важнейших понятий в крестьянском быту. Он разжигался предком-родоначальником и хранил в себе

информацию о роде. Мы обнаружили диалектные номинации домового, символизирующие огонь, домашний очаг и являющиеся его персонификацией. Как правило, это слова, в семантике которых указана связь с печью, домом и баней, а также с внешним обликом животного [Ивашина 2021, с. 241-246].

2.4.3. Двойник

Это символическое значение мотивировано семьей родства и иницировано производящим словом, называющим родственника – *дед, брат, дядя: дед, дэ́дка, бра́танушко, вата́мушко, деду́ха, дедушка(о) и пр.* Согласно поверьям, данный мифологический персонаж является персонификацией прошлого в настоящем – душа умершего предка и одновременно двойник хозяина дома: *Пришла она старуха в голбец, спускается туда, а там **старик** сидит бородастый и вот так вот ладонями муку трескает // Дедушка, соседушка, пойдти с нами жить* [Криничная 2004, с. 143, 232]. Так, считалось, что если меняется хозяин дома, то меняется и домовая. Как божественный предок-родоначальник, домовая связана с семьей узами родства и объединяет всех её членов домашним очагом [Криничная 2004, с. 199-200]. Сюда же относятся диалектные номинации *хозяин, хозяйка, похозяйственник, большак*, определяющее своей семантикой главенство в жилище: *Хозяин, пожалуйста ко мне на новоселье* [Криничная 2004, с. 233]:

Домовой Хозяин с Хозяюшкой,

С малыми детушками!

Сохраните, сберегите мою семью,

Дом и двор защитите! Гой! [Волхв Велеслав 2012, с. 65].

Номинации *сосэ́дко, сосэ́душка, сусэ́душко, сусэ́диха, сусэ́дка, сусэ́душка, сусэ́д, сосэ́дка, сусэ́дко* свидетельствуют о локализации мифологического существа в параллельном мире, наполненном нечистой

силой, ровно как и наименования *пастён, постён, постень, бестённый б́ука, стень и стинь, другáя полови́на*, напоминающие, что дух – лишь двойник человека, обретающий облик тени: *Говорят также, что ночью иногда давит, душит домовой, объясняют это тем, что находит будто бы **тень домового**, сам же он не посмеет подойти к крещёному человеку* [Криничная 2004, с. 138].

Мифологические персонажи часто символизируют ребёнка. Однако если номинации *ба́йстрюк, лесно́й дѣтятко, лешачо́нок, водянёнок* говорят об этом напрямую с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов и внутренней формы, то номинация *зы́бочник* свидетельствует об этом через поступок, заложенный в её семантике. Подобно младенцу в колыбели, *зы́бочник* качается в своей зыбке из веток или волн. Не стоит забывать, что ребёнка также часто крали или обменивали тогда, когда он находился в своей зыбке: *У их в избе зыбка виснет. А в зыбке такой **ребёнок**, что больша голова, а тулова нет почти, а ело оно по крынке молока и по житнику в час. Молодка-то подошла к зыбке-то, да взяла **робёнка** да об пол бросила. Тут **робёнок** сделался голиком. Молодка-то и говорит: «Вот, родители, кого вы кормили вместо меня, обменила меня обдериха»* [Криничная 2004, с. 38] Отметим также номинации, которые символизируют детей и в семантике которых заложено присущее детям действие: *грец, игрэц, игруно́к* – играть.

Леший также является двойником человека. Так, в диалектных названиях *дѣдушка, дѣдюшка, дѣдя, больша́к, большо́й дѣдя, большо́й мужи́к, лесно́й дѣдушко, лесно́й херувѣм, лесно́й хозя́ин, лесно́й дѣдя, лесово́й дѣдушко, лесово́й хозя́ин, обмѣн, во́тчинник, сэндуи́нный* содержится указание на покровителя леса, двойника и предка. Исследователи утверждают, что леший первоначально напоминает тотемного предка, обитающего на своей территории, поглощённой лесами и непроходимыми болотами, что является подобием тотемического центра, где углубляется в землю тотемный предок и где собраны души данной тотемической группы [Криничная 1988, с. 45]:

*Дедушка пахал в дальнем поле. Смотрит: идёт большой-большой **мужчина**, такой вот будет. Идёт **мужик** и несёт на руках **ребёнка**, сам голый, и **ребёнок** голый... пошёл-пошёл-пошёл туда, по болоту, и пошёл-пошёл, вода захлопалась-захлопалась [Криничная 2004, с. 261].*

Подобную символику имеет и водяной, что скрыто в семантике номинаций *дед, дедушка, дедушко водяной, дедушка, житель и пр.* Согласно поверьям, люди приносят ему всяческие жертвы (топят животных) и приговаривают: *Вот тебе, **дедушка**, гостинцу на новоселье. Люби да жалуй нашу семью [Криничная 2004, с. 348].*

Итак, домовый, леший и водяной часто символизируют двойника человека, его предка. Они появляются в виде женщины, мужчины, ребёнка и даже тени и главенствуют на своей территории.

2.4.4. Достаток и богатство

Сема достатка и богатства мотивирована номинациями с корнем, имеющим значение ‘волосатый’, ‘шерстистый’: *мохнач, кузютка, мохнатка, моховой, волосатка, волосатик, волосан, бородатка.* По мнению исследователей, волосяной или шерстяной покров олицетворяет жизненную силу, сакральную и физическую, вследствие чего выступает как символ благополучия, счастья и богатства [Криничная 2004, с. 81; Афанасьев 1865-1869, т. 2, с. 74; Валенцова 2002, с. 492-493]. Сюда же относится и зооморфные номинации домового, у которых производящее слово называет животного с богатой шерстью – кошку, медведя, ласку, росомаху: *котанко, бирюк, медведко, зверинко, ласка, росамаха.* Соответственно, лысый домовый (номинация *лыско*) символизирует бедность: *В баню в дымник руку пихают: если **голой** рукой хватит — бедный (жених), **мохнатой** — богатой [Криничная 2004, с. 45] // Вот тебе, **Хозяин, мохнатый зверь** на богатый двор! Гой! [Волхв Велеслав 2012, с. 68].*

Внутренняя форма корня *-жир-* совмещает значения ‘жить’ и ‘есть’ [Фасмер, т. 2, с. 56] итакже мотивирует символическое значение достатка. Подобное символическое значение наблюдается в номинациях *жировік, жиробый, жіхарь, жихарёк, жіхорько, жихорюшко, доможіл, доможірко, жихаріха, жихорічка*. Наиболее ярко он прослеживается в северных говорах, где в условиях сурового климата достаточно трудно достичь благополучной «жирной» жизни. Домовой обеспечивает достаток крестьянской семьи, живущей под его покровительством, что отражается в номинациях *кормилец, корминчик*:

Дедушко, кормильчик,

Приходи в новый дом

Хлеба здесь кушать,

Молодых хозяев слушать! Гой! [Волхв Велеслав 2012, с. 66].

Вышеупомянутый диалектизм *ласка* и созвучный с ней *ласіца* являются символом добра, любви и женского начала в доме [Гура 2004, т. 3, с. 82-85]. Убить *ласку* – привлечь смерть кого-то из людей или домашних животных.

В защитной и медицинской магии использовали древнейшие материалы, имеющие сакральный статус в народной культуре, – железо и медь. Такая семантика скрыта в номинациях *железнячка, железнячка, медёница*. Железо символизирует «этот мир». Закаливание железа в огне и воде придаёт ему особенную магическую силу. Оно наделяется положительными свойствами и является одним из универсальных оберегов, что обусловлено его прочностью, твёрдостью, связью с огнём, долговечностью. Эти же признаки делают его символом здоровья. С другой стороны, железо – элемент неживой природы, поэтому оно выступает как атрибут нечистой силы [Левкиевская 2002, с. 159-160]. Так, согласно поверьям, в поле сидит женщина-домовой с железными грудями и ловит шалунов [Афанасьев 1865-1869, т. 3, с. 593].

Стоит отметить, что медь как металл, из которого изготавливают драгоценности, является, прежде всего, символом богатства. А благодаря своему цвету медь соотносится с небесным светилом, божественным началом. У славян существовала традиция – умываться из медной посуды. Считалось, что такой ритуал придаст румянец и силу под стать качествами меди [Левкиевская 2004, т. 3, с. 245-248].

Номинация *бобóвница* символизирует жизнь. У южных славян бобы считаются символом здоровья и жизни, так как воспринимались как семя [Плотникова 1995, т. 1, с. 201-202]. Так, в областных говорах ребёнок ласково называется «семячко», а о беременных говорили, что они наелись гороха или бобов [Афанасьев 1865-1869, т. 2, с. 490].

Сосредоточением здоровья была баня. Именно туда шли заболевшие люди. Символом здоровья, в первую очередь, выступал мифологический персонаж *ба́нька-па́рушка*. Так, парясь в бане, крестьяне буквально выбивали вениками, собранными из лесных веток, всё недомогание и приговаривали: *Цехота-сухота, пойдди, цехота, пойдди из избы дверьми, по байни дымишком, по улицы ветром-вехорём, первом прокатись*. Исследователи даже указывают определённую формулу человекотворения: вода + огонь + дерево + каменка (печь). Интересно, что покровителями данных объектов являются все три мифологических персонажа [Криничная 2004, с. 75].

Таким образом, мифологические персонажи, мотивированные корнями с семантикой волосяного и шерстяного покрова, корнями *-жир-*, *-желез-*, *-боб-* и *-бан-* имогут служить символами богатства, здоровья, любви и добра.

2.4.5. Судьба

Символическое значение судьбы мотивировано корнями *-вед-* или *-вещ-*. Предсказывать судьбу – особая функция домового и лешего: *вещу́нья*, *вещи́ца*. Однако их пророчества далеко не всегда высказываются напрямую. Часто они передаются во сне, через осязание и звуки, и тогда сема судьбы

мотивируется глаголами позитивного или негативного действия. Так, домовый щиплет, давит (*гнеткѣ, гнеткѡ, му́ка, обло́м* и пр.) – к беде, гладит – к добру, издаёт разные звуки (*букáрка, сутѡрма, пыхтѣлка* и пр.) – к несчастью [Криничная 2004, с. 179]: *Одна женщина от домового видела три напасти, а перед каждой напастью он ночью на неё наваливался. В первый раз она родила мёртвого мальчика, во второй — сгорели, а в третий — корова околела и овцы начали падать* [Криничная 2004, с. 175].

Семантику судьбы мотивируют и глаголы прядения – *мотать, прясть*. Отсюда домовые *мотовѣлиха и прѣха*, мотающие нити, могут предсказывать как долгую жизнь, так и скорую смерть, ведь в мифологии нити – символ судьбы. Отсюда и выражение «связать судьбу». Множество гаданий проводились с использованием этого инструмента:

Повяжи, Макошь-Матушка, Нить-Судьбинушку

Благим на благо, инаким – инако,

По Твоей Воле, по справедливости,

Но буди к нам, детям Своим, вовек милостива! [Волхв Велеслав 2012, с. 19].

Итак, выполняя какие-либо действия по отношению к человеку, мифологические персонажи часто хотят предупредить человека о ближайшем будущем.

2.4.6. Болезнь и смерть

Очевидно, что все мифологические персонажи – нечистая сила, принадлежащая потустороннему миру. Исходя из этого, полагаем, что большинство из них – откровенное зло. Так, номинации, в семантике которых идёт прямое указание на нечистую силу (*навной, кикѣмора, ма́ра, шулікин, алба́ста* и т.д.), символизируют болезни и смерть.

Подполяник и *голбѣшный*, обитающие в нижней части дома, также символизируют смерть, потусторонний мир: *Зимой темно, вижу: идёт из-*

под голбца маленькая *бабка* в сарафане и рубахе, в платочке. Подходит, берёт прялку и начинает прядь, потом положила и пошла. Я поползла за ней на четвереньках, она ушла *под голбец* [Криничная 2004, с. 132]. Символическое значение смерти и потустороннего мира мотивировано семантикой низа: и подпол и голбец – своего рода «отверстия» в потусторонний мир. У славян подпол – место, где хоронили мёртворождённых, некрещёных детей, а также скот [Левикевская 2009, т. 4, с. 104]: *Во время же Христовой заутрени прийти в пустой дом, спуститься там в подполье, где и покажется домовой в шапке-невидимке. Также можно видеть его во время крёстного хода вокруг церкви: тогда он снимает шапку-невидимку* [Криничная 2004, с. 136].

Интересно, что вышеупомянутая *бобóвница* символизирует и смерть. Многие славянские народы верили, что бобы вселяют души предков и являются пищей мёртвых [Плотникова 1995, т. 1, с. 201-202].

Нередко духи, обитающие во дворе (*двóрник, дворно́й, дворові́к, дворово́й, дворо́вушко, дворову́ха, двору́ха, ма́тушка-подворёнка*) символизируют болезни скота, так как находятся в непосредственной близости к животным [Журавлёв 1995, т. 1, с. 222-225]. Заговор дворовому:

Батюшко Дворовой, не уходи,

Двор не разори, скотину не губи,

Лиху пути-дороги к нам не кажи! Гой! [Волхв Велеслав 2012, с. 75]

Диалектизмы *гнеткэ, гнеткó, гнётка, гнютéница* символизируют ещё и болезнь. Нередко данные созвучные номинации называют лихорадку: *Гнетея* же ложится у человека на ребра и взвивает утробу; а если кто хочет есть, пусть ест, только из души у того человека вон идёт [СРНГ, т. 6, с. 241].

Лес, в свою очередь, считался чужой территорией и представлял собой потусторонний мир [Агапкина 2004, т. 3, с. 97-100]. Однако от него также зависела жизнь крестьян: там рубили деревья для строительства, собирали

целебные травы и цветы, грибы и ягоды, охотились, ловили рыбу. Человек становился непрошеным гостем и попадался в ловушки лешего, который мог быть высоким, как сосна, и низким, как трава. Как известно, лешие заманивали людей, представляя в образе животного или близкого человека своей жертвы. Таким образом, номинации *ман*, *мані́ло*, *мані́лко*, *лукáнька*, *залу́тчик*, *залу́тчица* становятся символами обмана и коварства.

Особое сакральное место на периферии освоенного и чужого пространства – мельница, где обитали *мельничный*, *мельник*. Считалось, что работники мельницы обязаны общаться с нечистой силой. А сами мельничные духи – символы болезни. Верили, что вращающееся колесо мельницы может изменить течение болезни, как в лучшую, так и в худшую сторону. Магические свойства мельницы усиливаются связью с водой [Седакова 2004, т. 3, с. 222-225].

Водяной – персонификация воды (номинации *водёник*, *воды́льник*, *водя*, *водянёнок*, *водяне́ц*, *водя́ник*, *во́дяный*, *изводённый*, *водяна́я*, *водяни́ха*, *водяно́вка*, *водяну́ха*, *водяни́ца*). Прежде всего, стоит сказать, что вода сама по себе является источником жизни, средством магического очищения. Водное пространство осмысливается как граница между земным и загробным мирами, как место временного пребывания душ умерших и среда обитания нечистой силы. Символическое значение воды и широкая сфера её обрядового использования связаны, с одной стороны, с её природными свойствами, а с другой – представлениями о ней как о «чужом» пространстве и входе в потусторонний мир [Виноградова 2002, с. 80-81]. С водой, как правило, связаны негативные представления славян. Об этом свидетельствуют и народные пословицы и поговорки: *Где много воды, там жди беды. Где вода, тут и беда* [ПиПРН, т. 1, с. 132]. «Живая» (проточная) и «мёртвая» (стоячая) воды также символизируют жизнь и смерть:

*Пришли мы к Тебе,
Государыня Вода,*

Матушка Водяная Владычица,

С повинною головою.

Прости Ты нас,

Простите и Вы нас,

Водяные Деды и Прадеды! [Волхв Велеслав 2012, с. 62].

В частности, колодец, являясь и человеческой постройкой, и водоёмом с проточной водой, представлял собой аналог природного источника. Вокруг него всегда совершалось множество магических обрядов. Согласно поверьям, около колодца и в нём обитали духи, символизирующие болезни – *колóдечник*. Так, существовало множество запретов, при нарушении которых человек мог серьёзно заболеть. К примеру, нельзя набирать воду из колодца беременным женщинам. Вместе с тем, там могли обитать и добрые духи, покровительствующие людям и оберегающие свой локус. Чтобы задобрить такого духа, на Ильин день в колодец опускали листочки мяты [Валенцова, Виноградова 1999, т. 2, с. 536-541]. А в Петров день заклинали ведьм:

Вы катитесь, ведьмы, за мхи, за болоты,

*За гнилые **колодые**, где люди не бают,*

Собаки не лают, куры не поют, –

Вам там и место! [Крючковы 2014, с. 76].

Таким образом, номинации мифологических персонажей, мотивированные названиями «нижних» построек избы и двора, корнями – *лес-*, *-гн-* и *-вод-*, а также *-боб-* символизируют болезни и смерть.

2.4.7. Символическое значение мифологических персонажей

с семантическим признаком ‘цвет’

2.4.7.1. Белый цвет

Семой ‘белый’ мотивированы слова *белолáпко*, *бéля*, *белая баба* и *белу́н*. В славянской мифологии белый цвет противопоставляется чёрному:

хороший – плохой, добрый – злой, мужской – женский. Так, появлений данных персонажей – символ добра, жизни:

За рекою есть баня,

В бане – чёрная печка,

На чёрной печке

Сидит белая девка,

Подметает и чистит от нечисти:

Ото всех лихих Трясовиц и Часоток,

Выгрызов, Грыж, Сухоток!

Во веки веков! Гой! [Волхв Велеслав 2012, с. 213].

Напомним, что таких духов, как *белолáпко*, *бéля*, призывали, чтобы начался ветер в море во время штиля, иначе люди не могли вернуться домой. Предположительно, белый цвет — символ ещё не развенчанного персонажа языческой мифологии: *По реке, от леса, идёт какой-то высокий человек, весь в белом // Идёт она по правую руку лсеницы в белых халатах сидят, по левую — в чёрных. Душе говорят, что в чёрных — некрещёные, а в белых крещёные* [Криничная 2004, с. 333, 954].

Считалось большой удачей встретить белого домового: *Меня белый дедушко позвал: пойдём, паренёк, по лису, бурачка дам (Карел.)* [СРГК, т. 1, с. 442] // *Ходит по ниве Белун, наделяет добром* [Ремизов 1996, с. 107].

Однако образ домового амбивалентен: в диалектных словарях наименования данного мифологического персонажа часто обозначаются как «добрый или злой дух» [Ивашина 2019, с. 191-195]. Так, белый цвет может символизировать и несчастье [Толстой 1995, т. 1, с. 151-154]. Отметим, что в СПГ слова с корнем *-бел-* имеют негативные значения: *бéлька* ‘о глупом человеке’, *бельмé* ‘в состоянии сильной усталости; отупев’, *бельмейн* ‘бестолочь’ и др. [СПГ, т. 1, с. 32-33]. Возможно, негативное значение белого цвета связано с тем, что именно такой оттенок приобретает больной человек или покойник. Так, многие народы представляли смерть в образе женщины

в белом сарафане [Толстой 1995, т. 1, с. 151-154]. Согласно поверьям, домовый, оповещающий о смерти, появляется именно в белом одеянии и смотрит пронзительным взглядом: *Как будто морозяным (веяньем) потянуло на меня (Смол.)* [Криничная 2004, с. 169]. Таким образом, белый цвет домового символизировал зло. Очевидно, это связано с тем, что домовый – умерший предок семьи [Афанасьев 1868, с. 74-75].

2.4.7.2. Синий цвет

Сема ‘синий’ найдена в слове *синеобразный*: *В этом море стоит синий камень, на синем камне сидит водяной с водяницей...* [Криничная 2004, с. 328-329]. В славянской традиции синий цвет символизирует потусторонний мир, нечистую силу и является атрибутом «чужого» пространства. Синий цвет символизирует смерть, траур. Именно такой оттенок приобретает утопленник. В противовес здоровому румянцу бледность и синева свойственны больному человеку.

Общеславянское слово *sinjъ* является однокоренным с глаголом *sjati* и имеет первоначальное значение ‘сверкающий’ [ЭСРЯ, т. 3, с. 624]. Таким образом, данный цвет нередко ассоциируется с синим огнём, который является атрибутом домового духа: *Чую, как ввернёт по полу веретенушко. А ишишо синенький маленький огонёк горит. Я чё-то взяла и голову высунула — так всё и пропало (Вят.)* [Криничная 2004, с. 137]. Домовые напоминали синие языки пламени, переплетённые с красными: *Дык суседка видела двоих (домовых): один у синей рубахе, другой — у красной, ды пиримётываютца. <...> Ды тах-та абнимутца, ды павалютца абои; а потом ускочуть, схватютца, да опять повалютца: играют (Курск.)* [Криничная 2004, с. 137].

Духу дома приписывали и наличие синей одежды: *Открыл одеяло, гляжу — на голбец лезет на печку старик в синей рубахе, кряхтит. <...> Начали смотреть — никого нет (Моск.)* [Криничная 2004, с. 143].

Таким образом, синий цвет олицетворяет мёртвую кровь, присущую представителям потустороннего мира, символизирует зло и огонь, являющийся атрибутом домового духа.

2.4.7.3. Красный цвет

Согласно верованиям, белый и синий цвета противопоставляются не только чёрному, но и красному. В такой оппозиции белый и синий выступают в качестве символа смерти, болезни, а красный – жизни, здоровья, плодородия. По народному суевию, именно красные предметы играли роль оберега: красный платок, красная ниточка и пр. [Ивашина 2021, с. 148-152].

Мифологические существа нередко обладали красными атрибутами одежды (сарафан, пояс, шапка и пр.) и, подобно «белым» домовым, приносили и добро, и зло [Белова 1999, т. 2, с. 647-651]: *За иконами в переднем углу можно будто бы увидеть седенького в **красной шапочке** старика, который и есть домовый (Заб.)* [Криничная 2004, с. 147] // *В положении была. Лежу, ни о чём не думаю. Вдруг из-под подпола **старушка** выходит в **красной кофточке**. — «Ага! Лежишь», — говорит. — «Ну и что. Лежу! А тебе какое дело? А что вам нужно?» А она говорит: «Скоро не будете здесь жить, и мужа у тебя не будет. Останешься одна — одинока и без мужа» (Карел.)* [Криничная 2004, с. 179].

Красная баба – мифологическое существо, которое насыляет болезнь: *Кумаха — горячая болезнь, вся кровь так и кипит; её **красная баба** насыляет, она весь век в красном (Волог.)* [СГРС, т. 6, с. 135]. Подобное значение имела и номинация *гнетёя (Влад.)* [СРНГ, т. 6, с. 241]. У этого слова и слова *огонь* есть общий корень *-гн-*. Именно эта сема и мотивирует символическое значение ‘огонь’, так как известно, что домовый – персонификация огня [Афанасьев 1865, т. 2, с. 727-728]. Отсюда вытекает и значение ‘болезнь, лихорадка’. По сути, это переносное значение корня *-гн-*,

т.к. высокая температура воспринималась как телесный огонь, т.е. лихорадка: *Гнетяя же ложится у человека на ребра и взвивает утробу; а если кто хочет есть, пусть ест, только из души у того человека вон идёт* (Влад.) [СРНГ, т. 6, с. 241]. Отметим, что существует поверье о 12 сёстрах лихорадки, духах женского пола, которые были прокляты родителями. Они страдают от проклятия и заставляют страдать других [Усачёва 2004, т. 3, с. 117-123]. Возможно, на возникновение данных мифологических персонажей повлияло негативное отношение к женщине, свойственное тому времени, что является гендерным стереотипом [Маркина 2019, с. 245-254].

Мифический персонаж в красном сарафане – *меденица*. О *меденице*: *Свекрови моей меденица привиделась: иду, говорит, на сенокос, впереди баба в красном сарафане с охачкой дудок под мышкой, еле жива домой прибежала* (Волог.) [СГРС, т. 7, с. 261]. Название происходит от ст.-слав. *мѣдь* [Фасмер, т. 2, с. 591]. Известно, медь наделена красным оттенком, что, вероятно, и стало причиной возникновения данной номинации. Ей придают сакральное значение, а её цвет в народной культуре коми-пермяков выступает в качестве оберега [Голева 2008, с. 74].

Итак, цветовая характеристика духов также имеет большое значение в символизации персонажей. Так, синий – цвет смерти, а белый и красный – жизни.

В Таблице 13 приведены диалектные номинации домового, лешего и водяного, классифицированные в соответствии с символическими значениями.

Таблица 13. Символическое значение номинаций домового, лешего и водяного

<i>Символ</i>	<i>Номинация</i>
Огонь (38)	<i>Дом:</i> <i>домовід, домовідушко, домовік, домовітушко, домоведушко, домовой, домовейко, домовейушко, домовичок, домовая, домовінка, домобушка, домовіха, домаха, матушка-домовая.</i>

	<p>Печь: Запéчельница, запéченник, запéчнушко, калёная пéчка, печáя, печной хозяин, подпéчник.</p> <p>Баня: баенник, ба́нна жихо́ня, ба́нная ба́ушка, ба́нька-па́рушка, ба́нница, ба́ннушка, не́чисть ба́нная, забáенник, па́рница, ба́енка-пустохорóминка.</p> <p>Огонь: гнеткé, гнеткó, гнётка, гнютéница.</p> <p>Животные: кура́нко, котáнко</p>
Предок (58)	<p>Предок: большáк, дед, дéдка(о), дéдушка(о), дидько, ба́(б)ушка, деду́ха, Соломíя-ба́бушка, дя́дины ребята, ба́тюшка, батама́н, батáнушка, ботамáнушко, вата́мушко, братáнушко, привáл, дéдка, дéдюшка, дéдя, лесной дéдушко, лесовой дéдушко, дéдушка, дéдушко водяной, дедуши́ха.</p> <p>Хозяин: хозяин, хозя́йка, похозя́йственник, лесной херувíм, лесной хозяин, лесовой хозяин, вóтчинник, жи́тель.</p> <p>Сосед: сосéдко, сосéдушка, сосéдушко, сусéдиха, суседка, сусéдушка, сусéд, сусéдушко, суседко.</p> <p>Тень: пастéн, постéн, постéнь, бестéнный бу́ка, стень и стинь, сéндушный.</p> <p>Подменённый: обмéн, другáя половíна.</p> <p>Ребёнок: ба́йстрюк, лесной дитя́тко, лешачо́нок, водянёнок, зы́бочник, грец, игре́ц, игруно́к</p>
Достаток и благополучие (54)	<p>Шерсть: мохна́ч, кузю́тка, мохна́тка, моховой, волосáтка, волосáтик, волосáн, борода́тка.</p> <p>Жир: жирови́к, жировый, жи́харь, жихарёк, жи́хорько, жихорю́шко, доможи́л, доможи́рко, жихари́ха, жихоричка, корми́лец, корми́нчик.</p> <p>Животные: Лáска, ужáчка, котáнко, бирю́к, медвéдко, звери́нко, лáска, росама́ха.</p> <p>Металл: железня́чка, зеленя́чка, медéница.</p> <p>Баня: Банька-па́рушка, па́рница.</p> <p>Цвет: кра́сная ба́ба, красноплéший и медéница, белолáпко, бе́ля, белун.</p> <p>Бобы: бобовница.</p> <p>Вода: водéник, воды́льник, во́дя, водянёнок, водяне́ц, водя́ник, во́дяный, изводённый, водяна́я, водяни́ха, водя́новка, водяну́ха, водяни́ца.</p> <p>Колодец: колóдечник</p>
Судьба (36)	<p>Действия: му́ка, обло́м, бука́рка, сутóрма, пыхтёлка, бука́нко, букана́й, бу́хра-ба́хра, бу́чер, сусéдушка-бакáнушка (бука́нушка), сéдушко-</p>

	<p>букáнушко, варахтáн, íзводень, лизу́н, ме́ка, облóм, облáм, осáд, притчу́н, стри́ж, вереци́ха, заде(и)ри́ха, букари́ца, букусéтка, бучéриха, варахтáнница, му́ка, неспíха, обдерíха, пу́жанка, секуни́ха, хiтница, турусáлка, стри́га.</p> <p>Нити: мотовiлли́ха, прýха</p>
Болезнь и смерть (78)	<p>Нечистая сила: навно́й, кики́мора, ма́ра, шули́кин, алба́ста, анчу́тка, Ваню́шка, колове́рши, еретни́к, ле́мбой, марда́с, навно́й, упы́рь, черта́н, шайта́н, шилику́н, мару́шка, кики́морка, кикү́мора, негóдные, ле́мор, ле́ман, сатаiла, сатана́, некрещённый, про́клятый, Ива́н чароде́й, проклянённый, кривохо́стик, куля́ш, шелю́кин, кромéшники, анцы́бал, ворогу́ша, гробóвка, ма́вка, русáлка, русла́нка, ма́ртушка, черта́шка, святка.</p> <p>Нижняя часть дома: подполя́ник, голбе́шный.</p> <p>Бобы: бобóвница.</p> <p>Двор: двóрник, дворно́й, дворовíк, дворово́й, дворовушко, дворову́ха, двору́ха, ма́тушка-подворёнка.</p> <p>Металлы: железня́чка, железня́чка, медéница.</p> <p>Лихорадка: гнеткé, гнеткó, гнётка, гнюте́ница, кондра́шка.</p> <p>Колодец: коло́дечник.</p> <p>Цвет: синеообра́зный, белу́н.</p> <p>Мельница: ме́льничный, ме́льник.</p> <p>Вода: водéник, воды́льник, во́дя, водяне́нок, водяне́ц, водя́ник, во́дяный, изводённый, водяна́я, водяни́ха, водяновка, водяну́ха, водяни́ца</p>
Обман (6)	<p>Ман, мани́ло, мани́лко, лука́нка, залу́тчик, залу́тчица</p>
Цвет	<p>1. Синий: синеобра́зный.</p> <p>2. Белый: белолáпка, бе́ля, белу́н.</p> <p>3. Красный: кра́сная ба́ба, гнетéя, медéница</p>

Таким образом, нами было найдено 6 символических значений, скрытых в семантике номинаций мифологических существ домового, лешего и водяного. Их количественное соотношение продемонстрировано на **рисунке 8**. Домовой, часто предстающий в виде человека или животного, символизирует предка-родоначальника, создателя семейного очага, а также сам семейный очаг, горящий в печи бани или дома. Двойниками выступают и

другие мифологические персонажи, копируя внешность обычных людей. Часто духи символизируют болезни, смерть и бедность, а иногда, наоборот, богатство и здоровье. Являясь нечистой силой, они заманивают людей в лес, символизируя обман, и применяют различные поступки по отношению к людям, предсказывая будущее и символизируя судьбу.

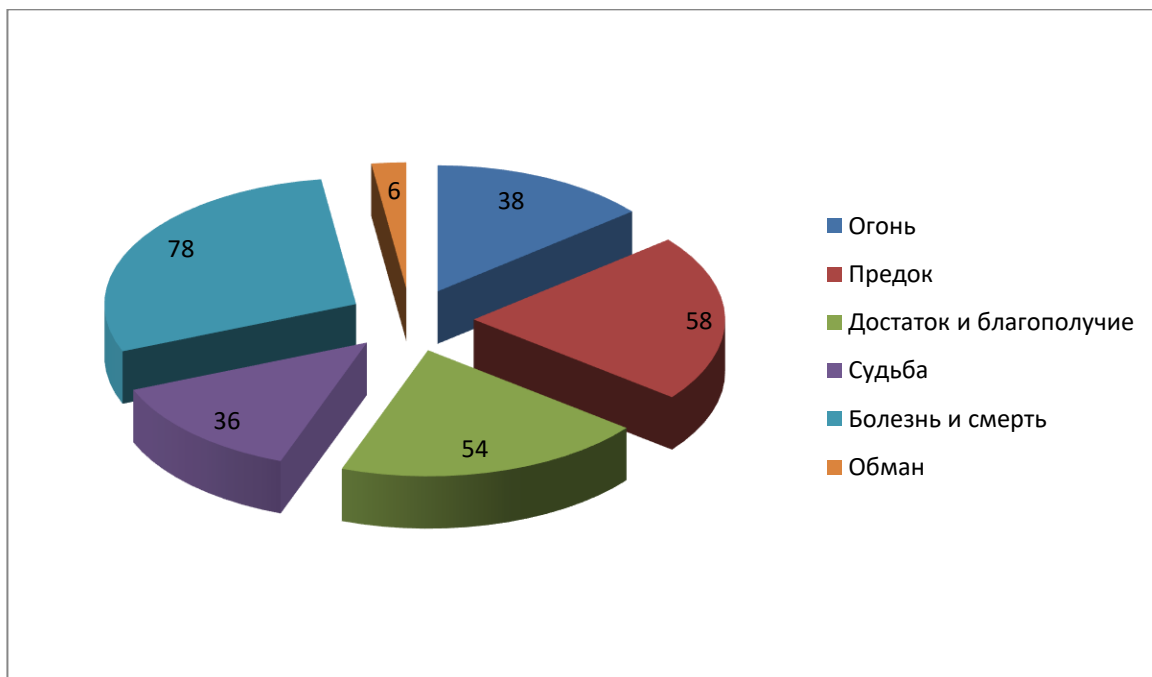

Рисунок 8. Количественное соотношение символических значений номинаций мифологических персонажей

Наибольшее количество диалектных номинаций содержит в своей семантике символическое значение ‘болезнь и смерть’ (78 ном.). Мы полагаем, это связано с тем, что изначально по своей сути мифологические персонажи являются представителями нечистой силы и, соответственно, отождествляются со смертью.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Систематизация мифологических персонажей в различных фольклорных и лингвистических исследованиях происходит потематическому принципу. Они несут особую ценность в нашей работе, так как имеют культурную, символическую, смысловую значимость.

При классификации диалектных номинаций мифологических персонажей мы опирались на их внутреннюю форму. Таким образом, мы выделили 7 семантических признаков мотивации номинаций домового ('локация', 'родство', 'действие', 'оценка', 'внешность', 'табуирование' и 'таксис'), 5 семантических признаков мотивации номинаций лешего ('лес', 'табуирование', 'действие', 'оценка', 'внешность') и 4 семантических признака мотивации номинаций водяного ('место', 'оценка', 'внешность'). Помимо этого, мы определили номинации, имеющие признаки, свойственные домовому, лешему и водяному. Нами были созданы собирательные семантические портреты мифологических персонажей, основанные на внутренней форме диалектных номинаций. Отметим, что самым ярким, на наш взгляд, является семантический портрет домового, так как именно этот мифологический персонаж наиболее приближен к крестьянскому быту.

В Таблице 14 представлены краткие собирательные семантические портреты русских домового, лешего и водяного.

Таблица 14. Собирательные семантические портреты
домового, лешего и водяного

Собирательный семантический портрет домового	Собирательный семантический портрет лешего	Собирательный семантический портрет водяного
<p>Предок-родоначальник; Хранитель домашнего очага. <i>Локация</i> – освоенное человеком пространство (дом, двор, дворовые постройки, огород, сад, поле); <i>Положительные действия:</i> приносит достаток и благополучие,</p>	<p>Хранитель леса и домашнего скота. <i>Локация</i> – лес. <i>Положительные действия:</i> оберегает лес и животных, помогает людям. <i>Отрицательные действия:</i> играет, крадет детей и девушек, наказывает, заманивает людей и заставляет их блуждать.</p>	<p>Хранитель водоёмов, утопленник. <i>Локация</i> – вода и околводное пространство (мох, лопухи, камыши). <i>Внешность:</i> человек или животное</p>

<p>помогает, предсказывает. Отрицательные действия: пугает, наказывает, крадёт детей. Внешность: животное, тень, человек</p>	<p>Внешность: человек, животное, дерево, лес</p>	
--	---	--

Среди диалектных номинаций домового и водяного наблюдается ярко выраженный гендерный стереотип. Женщина-домовой причиняет вред, ей свойственны такие качества, как вздорность, болтливость и ворчливость. В то же время, есть несколько номинаций, мотивированных названиями положительно оцениваемых действий. Женщина-водяной обитает в «мёртвой» воде, издаёт громкие звуки и имеет мужеподобную внешность. Что касается номинаций лешего, то среди них практически не наблюдается наличие гендерного стереотипа.

Анализируя внутреннюю форму диалектных номинаций мифологических персонажей, мы выяснили, что домовой, леший и водяной имеют следующие символические значения: ‘огонь’, ‘предок’, ‘достаток’ и ‘благополучие’, ‘болезнь и смерть’, ‘обман’, ‘судьба’.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование выполнено в русле современных не только лингвистических, но и других наук с учётом диалектологических и этнолингвистических методов. В рамках исследования был проведён комплексный анализ многокомпонентной структуры лексического значения диалектных номинаций мифологических персонажей (домового, лешего и водяного), раскрыта их внутренняя форма, выявлены гендерные стереотипы и символические значения.

Центральным понятием исследования является мифологический персонаж – явление, которое в равной степени имеет отношение к языку (это диалектная лексика) и к мифу, а также мифологическому мышлению народа. Миф есть особый тип мышления, когниция, закодированная словом и представленная в структуре лексического значения как коннотативный компонент в ЛЗ номинаций мифологических персонажей. Среди основных признаков мифа – процессуальность, антропоцентричность, перцептивность, синкретичность, цикличность. Миф и мифологический персонаж – взаимосвязанные многоплановые понятия. Миф является выраженным в языковой форме истинным повествованием, константой сознания, в центре которого находится мифологический персонаж, некое фантастическое существо. Большое количество номинаций мифологических персонажей объясняется мифологической инверсией, степенью освоённости пространства человеком и системой табуирования наименований.

Важнейшая единица мифа – мифологема. В нашей работе под мифологемой мы понимаем слово, не имеющее денотата, называющее главного героя мифа и отражающее национальное мифологическое мышление народа и, следовательно, имеющее культурную ценность.

Номинациям мифологических персонажей в настоящее время посвящено множество трудов в области фольклора и лингвистики. Большинство лингвистических работ направлено на изучение отдельных

названий мифологических персонажей. Лишь немногие лингвисты совершили попытку классифицировать мифологические номинации. К основным принципам таких классификаций, как правило, относятся тематический и культурологический.

Мы предложили типологию номинаций мифологических персонажей на основе их внутренней формы, гендерных стереотипов и символического значения. Вследствие этого было необходимо обратиться к многокомпонентной структуре ЛЗ слова, включающей денотативно-сигнификативный и коннотативный компоненты.

Полагаем, что номинации мифологических персонажей следует рассматривать как лексемы с многоаспектной структурой ЛЗ. К компонентам такой лексемы традиционно следует относить денотативный, сигнификативный и коннотативный компоненты. Денотат диалектных номинаций мифологических персонажей назвать нулевым можно лишь в том случае, если иметь в виду факт отсутствия такого референта (существа, предмета) в реальной действительности. Денотат мифологической лексики порождён народной фантазией и представляет собой совокупность эмпирических признаков, часто являющихся результатом олицетворения и персонификации – главных маркеров мифологического мышления.

Мы разделяем точку зрения ряда учёных о расширенном составе микрокомпонентов коннотации ЛЗ и включаем семы национальных гендерных стереотипов, а также семы, отражающие этнографические, зоо- и этологические факторы, данные географии ландшафта и гидрообъектов. Таким образом, помимо традиционных микрокомпонентов в состав коннотации мифологемы входит: внутренняя форма слова, символическое значение слова, социальные семы, полученные в результате индивидуальной или групповой дифференциации общества, в том числе и гендерные, этнографические, зоо- и этологические факторы, а также данные географии ландшафта и гидрообъектов.

Источниками коннотации диалектного слова являются оценочная корневая морфема, экспрессивные деминутивы, энантиосемия и оксюморон.

Предполагается, что современное представление о домовом, лешем и водяном крайне скудное. Мы систематизировали сведения о понятийном значении лексем домовый, водяной и леший, обратившись к данным толковых и ассоциативных словарей с целью оценить представления современного человека о них. Таким образом, мы выяснили, что понятие 'мифологический персонаж' актуально в русском языке. Выбранные нами номинации имеют несколько значений, в том числе те, которые исходят из производящего слова. Тем не менее, это не даёт нам полное представление о домовом, лешем и водяном, как и ассоциативные словари, в которых уточняется лишь их локус.

Расширить представление о мифологических персонажах возможно с помощью внутренней формы. В нашем понимании, внутренняя форма – это осознаваемая говорящими мотивированность значения слова данного языка значением составляющих его морфем или исходным значением того же слова, т.е. образ или идея, положенные в основу номинации и задающие определённый способ построения заключённого в данном слове концепта, компонент семантики производного слова; иногда в том же значении используется термин 'мотивировка'; несколько шире используется термин 'мотивация'.

Нами были систематизированы и созданы типологические системы диалектных номинаций с критерием «внутренняя форма», «гендерная принадлежность», «символическое значение». Так, выявлены 238 диалектных номинаций домового, мотивированных семантическими признаками: 'локус', 'действие', 'оценка', 'родство', 'внешность', 'табуирование' и 'таксис'; 97 диалектных номинаций лешего, мотивированных семантическими признаками: 'лес', 'действие', 'оценка', 'табуирование' и 'внешность'; 57 диалектных номинаций водяного,

мотивированные семантическими признаками: 'локус', 'оценка' и 'внешность'; определены номинации, семантические признаки которых свойственны одновременно домовому, лешему и водяному (20 ном.). В результате были созданы семантические портреты домового, водяного и лешего на основании внутренней формы называющих их диалектизмов.

Более того, было уделено внимание такому понятию, как гендерный стереотип, особенно ярко проявлявшийся в архаический период веры в данных мифологических персонажей. Таким образом, гендерный стереотип проявляется в семантике диалектных номинаций в большей степени домового и водяного, в то время как среди номинаций лешего данный компонент практически отсутствует.

Реконструируя внутреннюю форму диалектных номинаций мифологических персонажей, мы выявили символические значения названий домового, лешего и водяного. В нашей работе отмечается два подхода к понятию «символическое значение»: семантико-семиотический и семасиологический. С точки зрения первого слово является знаком второй степени и означает нечто отличное от себя, непознанное и неосвоенное человеком. В этом случае символическое значение – означаемое этого знака, антропоморфное и многозначное (включая энантиосемию). Означаемое символа как сема ЛЗ понимается нами в большинстве рассмотренных примеров, в которых источником символического значения является внутренняя форма слова. Компонентом ЛЗ слова символическое значение является и в том, случае, если их источником стали ландшафтные и гидрологические особенности местности, а также данные об этимологии некоторых птиц и животных. Если источником символического значения является фольклорный текст или речь диалектоносителя, то и в этом случае символическое значение считаем семой культурной коннотации ЛЗ, актуализованной контекстом.

С точки зрения второго подхода, символическое значение – компонент культурной коннотации ЛЗ слова. Символическое значение как лексико-семантический вариант слова отмечен нами только в ряде лексем, чьё первичное значение относится к литературному языку, а вторичное – к диалектной речи. Например, слово *выпь* в 1 значении – ‘птица’, а во втором – ‘водяной’. Хозяин: 1) ‘владелец, собственник’. 2) ‘домовой’.

К источникам символического значения относятся: внутренняя форма слова, народная этимология, фольклорные тексты, ландшафтные и гидрологические особенности местности, а также данные об этимологии и некоторых птиц и животных. Мы выяснили, что ‘домовой’, ‘леший’ и ‘водяной’ имеют следующие символические значения: ‘огонь’, ‘предок’, ‘достаток’ и ‘благополучие’, ‘болезнь и смерть’, ‘обман’, ‘судьба’.

Диссертация имеет вектор дальнейшего исследования и открывает ряд перспектив для будущих научных изысканий.

1. В частности, интересным нам представляется вопрос зональной специфики номинаций мифологических персонажей. Отдельные примеры специфической зависимости номинации от особенностей края в диссертации были рассмотрены (*лопухóня, камышáнов, кромéшник, мéльник, волосáтик и др.*). В Приложении 2 представлены картограммы, позволяющие наглядно увидеть распространение номинаций в России. Эта информация представляется стартовой для нового исследования.

2. Некоторые корни, лежащие в основе номинаций мифологических персонажей, такие как *-бук-, -кур-, -жир-, -кул-*, являются семантически синкретичными и требуют детального изучения.

3. Неисследованным является вопрос о лингвопоэтической функции номинаций мифологических персонажей.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Арх.* – Архангельская губерния (область).
- Астрах.* – Астраханская губерния (область).
- Белг.* – Белгородская область.
- Беломор.* – Беломорское городское поселение.
- Брян.* – Брянская область.
- Бурят.* – Бурятская АССР.
- Влад.* – Владимирская губерния (область).
- Волог.* – Вологодская губерния (область).
- Ворон.* – Воронежская губерния (область).
- Вост.-Сиб.* – Восточно-Сибирское.
- Вят.* – Вятская губерния.
- Горн.-Алт.* – Горно-Алтайская автономная область.
- Дон.* – Донское (по р. Дону).
- Енис.* – Енисейская губерния.
- Забайк.* – Забайкальская область.
- Зап.-Сиб.* – Западно-Сибирское.
- Иркут.* – Иркутская губерния (область).
- Казан.* – Казанская губерния.
- Калуж.* – Калужская губерния (область).
- Калин.* – Калининская область.
- Камч.* – Камчатское.
- Карел.* – Карельская АССР.
- Кемер.* – Кемеровская область.
- Киров.* – Кировская область.
- Костром.* – Костромская губерния (область).
- Краснодар.* – Краснодарский край.
- Краснояр.* – Красноярский край.
- Курган.* – Курганская область.

Курск. – Курская губерния (область).
Латв. ССР – Латвийская ССР.
Ленингр. – Ленинградская область.
Липец. – Липецкая область.
Моск. – Московская губерния (область).
Мурман. – Мурманская область.
Нижегор. - Нижегородская губерния.
Новг. – Новгородская губерния (область).
Новосиб. – Новосибирская область.
Олон. – Олонецкая губерния.
Онеж. – Онежское озеро.
Оренб. – Оренбургская губерния (область)
Орл. – Орловская губерния (область).
Пенз. – Пензенская губерния (область)
Перм. – Пермская губерния (область).
Петерб. – Петербургская область.
Пск. – Псковская губерния (область)
Ряз. – Рязанская губерния (область)
Самар. – Самарская губерния
Сарат. – Саратовская губерния (область).
Сев.-Двин. – Северо-Двинское (по р. Северной Двине).
Север. – Северное.
Свердл. – Свердловская область.
Сиб. – Сибирское.
Симб. – Симбирская губерния.
Смол. – Смоленская губерния (область).
Ср. Урал – Средний Урал.
Тамб. – Тамбовская губерния (область).
Твер. – Тверская губерния.

Терск. – Терская область.
Тобол. – Тобольская губерния.
Томск. – Томская губерния (область).
Тул. – Тульская губерния (область).
Тюмен. – Тюменская область.
Урал. – Уральское.
Уфим. – Уфимская губерния.
Чкал. – Чкаловская область.
Эст. – Эстонская ССР.
Южн.-Сиб. – Южносибирское.
Якут. – Якутская область.
Яросл. – Ярославская губерния (область).

СПИСОК СЛОВАРЕЙ-ИСТОЧНИКОВ И ИХ СОКРАЩЕНИЯ

1. АОС: Архангельский областной словарь: В 20 т. / Под ред. О. Г. Гецевой. – Изд-во Моск. ун-та, 1980-2020.
2. БТСДК: Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18000 слов и устойчив. словосочетаний / Ростов. гос. ун-т. — М.: ОО «Русский словари»; ОО «Издательство Астрель»; ОО «Издательство АСТ», 2003. – 608 с.
3. ВС: Вершининский словарь: В 7 т. / Гл. ред. О.И. Блинова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998-2002.
4. ИЭСРГА: Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая: В 7 т. / Под ред. Л. И. Шелеповой; Федеральное агентство по образованию, Алтайский гос. ун-т. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос.ун-та, 2007.
5. КГ: Кубанский говор. Опыт авторского словаря. – 2-езд., уточнённое и дополненное / П.И. Ткаченко. – Краснодар: «Традиция», 2008. – 288 с.
6. ПЦСС: Полный церковно-славянский словарь / сост. Дьяченко Г.М. – М.: Изд. отдел Моск. Патриархата, 1993. – 1125 с.
7. СВГ: Словарь вологодских говоров: В 11 т. / Науч. ред. Т.Г.Паникаровская. – Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983 – 2007.
8. СОВН: Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении /изд. подгот. А.И. Левичкин, С.А.Мызников, П.А. Дилакторский. – М.: Наука, 2006 – 653 с.
9. ОБКРН: Областной словарь колымского русского наречия / собр. и сост. В.Г. Богораз.– Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1901.
10. ОСВГ: Областной словарь вятских говоров: В 12 т. / Вятский гос. пед. ун-т. – Киров, 1996-2018.
11. СБГ: Словарь брянских говоров: в 5 т - Ленинград: ЛГПИ, 1976-1988.

12. СГП: Словарь говоров Подмосковья / А. Ф. Войтенко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: МПУ. – Вып. 1. – 1995. – 216 с.
13. СГРС: Словарь говоров русского Севера: В 7 т. / Под ред. А.К.Матвеева. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001-2018.
14. СГРСБС: Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 22 т. / ред. В.М. Гацак, С.А. Мызников. – Иркутск, 2007-2020.
15. СГСЗ: Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т.Б. Юмсуновой. – Новосибирск: Издательство СО РАН, ОИГТМ, 1999.
16. СОГ: Словарь орловских говоров: В 16 т. / Науч. ред. Т.В.Бахвалова. –Ярославль, 1989–2016.
17. СПГ: Словарь пермских говоров: В 2 т. / Под ред. А.Н.Борисовой, К.Н. Прокошевой. – Пермь: Кн. Мир, 2000-2002.
18. СРГК: Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 т. / Гл. ред. А.С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994-2005.
19. СРГСПК: Словарь русских говоров севера Пермского края / Гл.ред. И. И. Русинова. – Пермь: Пермский гос. ун-т. – Вып. 1. – 2011. – 363с.
20. СРГСУ: Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. / Подред. А. К. Матвеева. — Свердловск; Екатеринбург, 1964-1900.
21. СРГЦРКК: Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края: в 5 т. / О. В. Фельде (Борхвальдт). – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2003-2011.
22. СРГЮП: Словарь русских говоров Южного Прикамья: В 3 т. / И.А. Подюков и др. – Пермь: Пермский гос. пед. ун-т, 2010-2012.
23. СРНГ: Словарь русских народных говоров в 52 т. / Под ред. Ф.П.Филина, Ф.П. Сороколетова. – Л.: Наука, 1965–2021.
24. ССГ: Словарь смоленских говоров: В 11 т. / Под ред. доц. А.И.Ивановой. – Смоленск, 1974-2005.

25. ЯОС: Ярославский областной словарь: в 10 т. /М. Т. Афанасьева и др. – Ярославль, 1981-1991.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Монографии и статьи

1. Абыякая, О. В. Мифологическая лексика русского языка лингвокультурологическом аспекте и принципы её лексикографического описания: автореф. дис. канд. филол. Наук: 10.02.01 / Абыякая Олеся Викторовна. – Петербург, 2004. – 23 с.
2. Агапкина, Т. А. Лес / Т. А. Агапкина // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – 2004. – Т.3. – С. 97-100.
3. Агапкина, Т. А. Символика освоенного пространства: угол / Т. А. Агапкина // Пространство и время в языке и культуре. – М.: Индрик, 2011. – С. 13–53.
4. Алексеев, А. В. Семиотические категории языка и культуры при диахроническом анализе лексики / А. В. Алексеев. – М.: МГПУ, 2013. – 164с.
5. Алексеев, А. В. Символическое значение слова в этимологии и истории русского языка / А. В. Алексеев // Вестник Брянского государственного университета. – 2016. – Вып. 3 (29). – С. 107-112.
6. Алефиренко, Н. Ф. Когнитивно-семасиологическое содержание языкового знака / Н. Ф. Алефиренко // Вестник ТГПУ. Сер. Гуманит. науки. – 2005. – Вып. 3 (48). – С. 5-10.
7. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: Учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2010. – 288 с.
8. Алефиренко, Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография/ Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград: Перемена, 2006. – 227 с.
9. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян // Избр. труды. – М., 1995. – Т. 1. – 442 с.

10. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка /И. В. Арнольд. – Л., 1973. –302 с.
11. Арнольд, И. В. Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения / И. В. Арнольд // XXII Герценовские чтения. Иностранные языки: материалы межвузовской конференции; отв. ред. В. А. Ильиш. – Л.: 1970. – С. 87- 90.
12. Афанасьев, А. Н. Ведун и ведьма / А. Н. Афанасьев. — М.: тип. А. Семена, 1851. — 78 с.
13. Афанасьев, А. Н. Дедушка домовой / А. Н. Афанасьев // Архив историко-юридических сведений. – Кн. 1. – 1850. – С. 13-29.
14. Афанасьев, А. Н. Зооморфические божества у славян: птица, конь, бык, корова, змея, волк / А. Н. Афанасьев // Отечественные записки. – 1852. –№1-3.
15. Афанасьев, А. Н. Мифическая связь понятий: Света, зрения, огня, металла, оружия и жолчи / А. Н. Афанасьев. — М.: тип. А. Семена, 1854. — 16 с.
16. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи мифическими сказаниями других родственных народов: в 3-х т. / А. Н. Афанасьев. – М.: Изд. К. Солдатенкова, 1865-1869.
17. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Анатолий Павлович Бабушкин.– Воронеж, 1997. – 330с.
18. Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин – Л.: Наука, 1983. – 191 с.
19. Балли, Ш. Французская стилистика/ Ш. Балли // пер. с фр. К. А. Долинина; под ред. Е. Г. Эткинда.– М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.

20. Баранов, Д. А. Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия / Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Т. А. Зимина и др. // СПб.: Искусство – СПб, 2005. – 688 с.
21. Барт, Р. Основы семиологии/ Р. Барт // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 114-163.
22. Бекетова, Н. А. Экспрессивное словообразование в современных медиатекстах: на материале суффиксальных имен существительных: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Бекетова Наталья Александровна. – Белгород, 2014. – 231 с.
23. Белова, О. В. Красный цвет / О. В. Белова // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – Т. 2. – С. 647-651.
24. Белова, О. В. Свой – чужой / О. В. Белова // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Междунар. отношения, 2002. – С. 425-426.
25. Белова, О. В. Цвет / О. В. Белова // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. – С. 280-281.
26. Берегова, О. Символы славян / О. Берегова. – СПб, изд-во «Диля», 2008. – 432 с.
27. Березович, Е. Л. Ещё раз о русском диалектном демониме кулеш / Е. Л. Березович // В созвездии слов и имён сборник научных статей к юбилею Марии Эдуардовны Рут. – Екатеринбург, 2017. – С. 26-46.
28. Березович, Е. Л. Из словаря «Славянские древности»: Шуликуны / Е. Л. Березович, Л. Н. Виноградова // Славяноведение. – 2010. – №6. – С. 49-52.
29. Березович, Е. Л. Наименования нечистой силы в русских проклятиях/ Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2020. – №67. – С. 5-27.

30. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / Е. Л. Березович. – Екатеринбург, 2000. – 532 с.
31. Березович, Е. Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998. — 338 с.
32. Березович, Е. Л. Язык и традиционная культура / Е. Л. Березович. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.
33. Берестнев, Г. И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте / Г. И. Берестнев. – Калининград: Изд-во Калининградского ун-та, 2002. –149 с.
34. Берн, Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. – М.: Прайм-Еврознак, 2004. – 320 с.
35. Богданович, А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: этнографический очерк / А. Е. Богданович. – М.: Слава, 2009. – 158 с.
36. Булаховский, Л. А. Энантисемия. Развитие противоположных значений / Л. А. Булаховский // Русская речь. – 1988. - № 2. – С. 68-70.
37. Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф. И. Буслаев. – СПб.: Д.Е. Кожанчикова, 1861. – Т. 1. – 643 с.
38. Быкова, О.И. Мифологема как культурный концепт/ О. И. Быкова, О. Н. Ракитина // III Житниковские чтения. Динамический аспект лингвистических исследований. Материалы Всероссийской научной конференции. — Ч. 1. — Челябинск, 1999. – С. 133-140.
39. Валенцова, М. М. Колодец / М. М. Валенцова, Л. Н. Виноградова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Международные отношения. – 1999. – Т.2. – С. 536-541.

40. Валенцова, М. М. Шерсть / М. М. Валенцова // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Междунар. отношения. – 2002. – Т.5.– С. 492-493.
41. Васильев, Л. М. Современная лингвистическая семантика/ Л. М. Васильев. – М., 1990. – 176 с.
42. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1980. – 320 с.
43. Веселовский, А. Н. Сравнительная мифология и её метод /А. Н. Веселовский // Вестник Европы: журнал. — 1873. — № 10. — С.637—680.
44. Виноградов, В. В. О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) / В. В. Виноградов // Избранные труды. Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1976. – С. 369-459.
45. Виноградова, Л. Н. Народная демонология Полесья: публикации текстов в записях 80-90-х годов XX века: в 4-х т./ Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. – М.: Языки славянских культур, 2010-2019.
46. Виноградова, Л. Н. Вода / Л. Н. Виноградова // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. – С. 80-81.
47. Власова, М. Н. Энциклопедия русских суеверий / М. Н. Власова. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 624 с.
48. Волхв Велеслав. Веда Заговоров (Славянский заговорник)/ Волхв Велеслав. — М.: Торговый дом ИОИ, 2012. – 232 с.
49. Гайденко, В. П. Природа в религиозном мировосприятии / В. П. Гайденко // Вопросы философии. – 1995. – № 3. – С.43-52.
50. Галкина-Федорук, Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е. М. Галкина-Федорук // Сборник статей по языкознанию. Проф. МГУ В. В. Виноградову. – М., 1958. – С. 103-124.
51. Глебова, В. Д. Былички и бывальщины: Суеверные рассказы Брянского края/ В. Д. Глебова. – Орёл-Брянск: Изд-во ОГУ, 2011. – 405 с.

52. Говердовский, В. И. Коннотатемная структура слова / В. И. Говердовский. — Харьков: Высшая школа, 1989. — 95 с.
53. Голева, Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Голева Татьяна Геннадьевна.— Екатеринбург, 2008. — 293 с.
54. Гордлевский, В. А. Из османской демонологии / В. А. Гордлевский // Избр. соч. — М. — 1962. — Т. 3. — С. 312-315.
55. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / Гумбольдт В. // Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. — М.: Прогресс, 2001. — С. 37–298.
56. Гура, А. В. Демонологические свойства животных в славянских мифологических представлениях/ А.В. Гура // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. — М.: Индрик, 2000. — С. 303-313.
57. Гура, А. В. Из полесской свадебной терминологии. Свадебные чины (словарь: б-м) / А. В. Гура // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. — М.: Академия наук СССР, Институт славяноведения и балканистики, 1984. — С. 137-178.
58. Гура, А. В. К характеристике ритуальных форм речи у славян / А. В. Гура, О. А. Терновская, С. М. Толстая // Структура текста — 81: тезисы Симпозиума / ред. В. В. Иванов, Т. М. Судник, Т. В. Цивьян. — 1981. — С. 47-48.
59. Гура, А. В. Кошка / А. В. Гура // Славянские древности. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. — М.: Междунар. отношения. — 2004. — Т. 3. — С. 637-640.
60. Гура, А. В. Ласка / А. В. Гура // Славянские древности. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. — М.: Междунар. отношения. — 2004. — Т.3. — С. 82-85.

61. Гура, А. В. Медведь / А. В. Гура // Славянские древности. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – 2004. – Т.3. – С. 211-215.
62. Гура, А. В. Опыт семантической реконструкции славянской свадьбы / А. В. Гура // Вестник Российского гуманитарного научного фонда, 2003. – №3. – С. 133.
63. Гура, А. В. Россомаха/ А. В. Гура // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – 2009. – Т.4. – С. 474-574.
64. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М.: Индрик, 1997. – С. 228-229.
65. Девкин, В. Д. Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика/ В. Д. Девкин. – М.: Международные отношения, 1979. – 254 с.
66. Долинин, К. А. Стилистика французского языка / К. А. Долинин. — М.: Просвещение, 1987.—303 с.
67. Дынин, В. И. О номенклатуре русских мифологических персонажей / В. И. Дынин // Вестник ВГУ. Сер. Ист. Политол. Социол. – 2012. – № 1. – С. 96-100.
68. Ефименко, А. Я. Исследования народной жизни: Обычное право / А. Я. Ефименко. – М.: URSS. – 1884. – Вып. 1. – 398 с.
69. Жбанков, М. Р. Миф / М. Р. Жбанков // Новейший философский словарь. – 3-е изд., исправл. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
70. Журавлёв, А. Ф. Болезни/ А. Ф. Журавлёв // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – 1995. – Т.1. – С. 222-225
71. Забылин, М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / М. Забылин. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. – 541с.

72. Зализняк, А. А. Из заметок о любительской лингвистике/ А. А. Зализняк. – М.: Русский миръ, 2010. – 238 с.
73. Зализняк, А. А. Многозначность в языке и способы ее представления: дисс. докт. фил. Наук: 10.02.19 / Зализняк Анна Андреевна.– М., 2002. – 461 с.
74. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография / Д. К. Зеленин. – М.: Наука, 1991. – 507 с.
75. Зеленин, Д. К. Культ онгонов в Сибири: Пережитки тотемизма в идеологии сиб. народов: 84 рис. в тексте/ Д. К. Зеленин. – М.; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. – 436 с.
76. Земская, Е. А. Современный русский язык/ Е. А. Земская. – М: ФЛИНТА, 2011. – 328 с.
77. Зиновьев, В. Г. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / В. Г. Зиновьев. — Новосибир.: Наука, 1987. – 400 с.
78. Зубов, Н. И. О теониме Мокошь/ Н. И. Зубов // Этимологические исследования. – Свердловск. – 1981. – Вып. 2. – С. 149-160.
79. Иванов, В. В. Исследования в области славянских древностей/ В.В. Иванов, В.Н. Топоров. – М.: Наука, 1974. – 342 с.
80. Ивашина, Н.С. Амбивалентность семантики женского образа домового в лексике русских народных говоров / Н.С. Ивашина // Сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой памяти профессора П.А. Леканта / Ред.: Н.Б. Самсонов [и др.]. – 2019. – С. 191-195.
81. Ивашина, Н. С. Внутренняя форма диалектных номинаций лешего как источник его семантического портрета / Н. С. Ивашина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2 (145). – С. 166-173.
82. Ивашина, Н. С. Внутренняя форма номинаций домовых женского пола в русских народных говорах / Н. С. Ивашина // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2020. – Т. 166, кн. 5. – С. 144-158.

83. Ивашина, Н. С. Семантический портрет духов воды в говорах северорусского наречия / Н. С. Ивашина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3 (146). – С.145-152.
84. Ивашина, Н. С. Символическое значение 'огонь' в диалектных номинациях домового / Н. С. Ивашина // Сборник научных статей XI Всероссийской научно-практической конференции. – М.-Яросл., 2021. – С. 241-246.
85. Ивашина, Н. С. Цветовой семантический признак внутренней формы в диалектных номинациях домового / Н. С. Ивашина // Лекантовские чтения. Материалы Международной научной конференции. – М.: ИИУ МГОУ, 2020. – С. 148-152.
86. Ивашина, Н. С. Явление энантиосемии в диалектных номинациях мифологических персонажей / Н. С. Ивашина // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы международной научной конференции. – Владимир: Транзит-ИКС, 2021. – С. 113-118.
87. Калашников, В. Русская демонология / В. Калашников. – М.: Ломоносовъ, 2014. – 212 с.
88. Карандеева, М. В. Геоморфология Европейской части СССР / М. В. Карандеева. – М.: Изд-во Московского университета, 1957. – 315 с.
89. Кириллова, И. В. Структура лексического значения диалектной демонологемы / И. В. Кириллова // Лингвокультурология. – 2010. – №4. – С. 73–79.
90. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М., 2004. – 350 с.
91. Колесов, В. В. Концепт культуры: образ - понятие – символ / В. В. Колесов. – Вестник Санкт-Петербургского университета. – 1992. – Т.2. – № 2. – С. 3-40.

92. Колесов, В. В. «Первосмысл» концепта / В. В. Колесов. – Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2018. – Т.15. – Вып. 3. – С. 438–452.
93. Колесов, В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов // С-Пб.: Юна, 2002. – 448 с.
94. Колшанский, Г. В. Принципы и методы семантических исследований. / Г. В. Колшанский. – М., 1976. – 379 с.
95. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. / В.Н.Комиссаров// Учебное пособие. – М.: ЭТС, 2002. — 424 с.
96. Комлев, Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова/ Н. Г. Комлев. – М.: УРСС, 2003. – 192 с.
97. Кононенко, А. А. Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии / А. А. Кононенко. – Харьков: Фолио, 2013. – 1920 с.
98. Кононова, И. В. Проблема выявления структуры этических концептов (на материале английского языка) / И. В. Кононова // Языковые коммуникации в системе социально-культурной деятельности: Материалы научно-практической конференции. – Самара: СГАКИ, 2005. – С. 201-208.
99. Корепова, К.Е. Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М.Шеваренкова. – СПб: Тропа Троянова, 2007. – 496 с.
100. Кошарная, С. А. Лексикализация мифа как лингвокогнитивный феномен / С. А. Кошарная // Русский язык: исторические судьбы и современность: Материалы IV Междунар. конгр. исследователей рус. яз. – Москва, 2010. – С. 254-255.
101. Кошарная, С. А. Лингвокультурологическая реконструкция мифологического комплекса «Человек – Природа» в русской языковой картине мира: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Кошарная Светлана Алексеевна. – Белгород, 2003. – 452 с.

102. Кошарная, С. А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С. А. Кошарная. – Белгород: Изд-во Белгор. гос. ун-та, 2002. – 287 с.
103. Кошарная, С. А. Миф как метафора / С. А. Кошарная // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – Т.11. – № 3. – С. 24.
104. Крегждис, Р. Этимология русс. диал. Анчутка / Р. Крегждис. – Acta baltico-slavica – 2011. – №35. – С. 131-141.
105. Криничная, Н. А. Легенды, предания, бывальщины / Н. А. Криничная. – М.: Современник, 1989. – 286 с.
106. Криничная, Н. А. Магия слова и народный этикет: к семантике и тождеству формул приглашения домового в новое жилище / Н. А. Криничная // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск, 1995. – С. 67-77.
107. Криничная, Н. А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа/ Н. А. Криничная. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1988. – 191 с.
108. Криничная, Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора/ Н. А. Криничная. – М.: Академический проект: Гаудеамус, 2004. – 1008 с.
109. Крючкова, О. Е. Славянские магические узлы и заговоры/ О.Е.Крючкова, Е.А. Крючкова. – Издательство: Велигор, 2014. – 143 с.
110. Кубрякова, Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный»/ Е. С. Кубрякова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2001. – С. 4-10.
111. Курегян, Г. Г. Лингвопрагматический статус оксюморона : на материале русского языка : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Курегян Гаянэ Гургеновна// Адыг. гос. ун-т. - Майкоп, 2007. - 24 с.
112. Леви-Строс, К. Первобытное мышление / К. Леви-Строс // Пер., вступ. ст. и прим. А. Б. Островского. — М.: Республика, 1994. — 384 с.

113. Леви-Строс, К. Структурная антропология/ К. Леви-Строс// *Anthropologie structurale* // Пер. с фр. В. В. Иванова. — М., 2001. — 512 с.
114. Левкиевская, Е. Е. Водяной / Е. Е. Левкиевская // *Славянская мифология. Энциклопедический словарь.* — М.: Междунар. отношения, 2002. — С. 82-83.
115. Левкиевская, Е. Е. Восточнославянский мифологический текст: семантика, диалектология, прагматика: дисс.... д-ра филол. наук: 10.02.03 / Левкиевская Елена Евгеньевна. — М., 2007. — 634 с.
116. Левкиевская, Е. Е. Домовой / Е. Е. Левкиевская // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5-ти т.* — М: Международные отношения.— 1999. — Т.2. — С. 120-124.
117. Левкиевская, Е.Е . Железо / Е. Е. Левкиевская // *Славянская мифология. Энциклопедический словарь.* — М.: Междунар. отношения, 2002. — С. 159-160.
118. Левкиевская, Е. Е. Змея домашняя / Е. Е. Левкиевская // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т.* — М.: Междунар. отношения. — 1999. — Т.2. — С. 339-341.
119. Левкиевская, Е. Е. К вопросу об одной мистификации, или Гоголевский Вий при свете украинской мифологии / Е. Е. Левкиевская // *Категории и концепты славянской культуры. Труды Отдела истории культуры.* — М.: Институт славяноведения РАН, 2007. — С. 232-243.
120. Левкиевская, Е.Е. Леший / Е. Е. Левкиевская // *Славянская мифология. Энциклопедический словарь.* — М.: Междунар. отношения, 2002. — С. 280-281.
121. Левкиевская, Е.Е. Металлы / Е. Е. Левкиевская // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т.* — М.: Междунар. отношения. — 2004. — Т. 3. — С. 245-248.

122. Левкиевская, Е. Е. Мифологизированные явления и состояния: субъекты или объекты мифологизации? / Е. Е. Левкиевская // Демонология как семиотическая система. – М., 2014. – С. 58-60.
123. Левкиевская, Е. Е. Мифологический персонаж: соотношение имени и функции / Е. Е. Левкиевская // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов / Отв. ред. А. М. Молдован –Словения, 2003. – С. 376-388.
124. Левкиевская, Е. Е. Мифы русского народа/ Е. Е. Левкиевская. — М.: ООО «Издательство Астрель»; «Издательство АСТ», 2000. — 528 с.
125. Левкиевская, Е. Е. Подпол / Е. Е. Левкиевская // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – 2009. – Т. 4. – С. 103-106.
126. Левкиевская, Е. Е. «Русалка на ветвях сидит...»: литературный образ и его изобразительные трансформации в XIX-XXI вв / Е. Е. Левкиевская // Маргиналии-2020. Тезисы международной конференции. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, Науч.-иссл. вычисл. центр; ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. 2020.
127. Левкиевская, Е. Е. Русская народная мифология / Е. Е. Левкиевская. – М.: Фонд поддержки экономического развития стран СНГ, 2009. – 378 с.
128. Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы, эмоции / А. Н. Леонтьев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 38 с.
129. Лосев, А. Ф. Бытие. Имя. Космос / А.Ф . Лосев. — М.: Мысль,1993. – 958 с.
130. Мадлевская, Е. М. Русская мифология. Энциклопедия / Е. М. Мадлевская.– Мидгард, Эксмо, 2005. – 784 с.
131. Маковский, М. М. Феномен Табу в традициях и в языке индоевропейцев: сущность - формы – развитие / М. М. Маковский. - 3-е изд., испр. – М.: URSS, 2008. – 275 с.

132. Маковский, М. М. Язык-миф-культура / М. М. Маковский. – М., 1996. – 329 с.
133. Максимов, С.В. Легенды и мифы России / С. В. Максимов. – Ростов на Дону: Феникс; СПб.: Северо-Запад, 2006. – 416 с.
134. Максимов, С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила / С. В. Максимов. – СПб.: Изд-во ТОО «Полисет», 1994. – 446 с.
135. Маркина, Л.В. Бранные слова и устойчивые выражения как проявление вербальной агрессии в семье в отношении детей в русских говорах / Л. В. Маркина // Проблемы современного филологического образования. Сб. науч. ст. XI Всероссийской научно-практической конференции. – М.-Яросл, 2021. – С. 208-214.
136. Маркина, Л. В. Гендерные стереотипы в диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций женщин)/ Л. В. Маркина // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии. – М.: Книгодел, 2019. – Вып. 13. – С. 245–254.
137. Маркина, Л. В. Гендерные стереотипы маскулинности в диалектной коммуникации (на материале бранных номинаций мужчин) / Л. В. Маркина // Неофилология. 2020. – Т. 6. - № 21. – С. 5-14.
138. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание / Ю. С. Маслов. – М.: Академия, 2005. – 304 с.
139. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А . Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
140. Маслова, В. А. Экспериментальное изучение национально-культурной специфики внешних и внутренних качеств человека/ В. А. Маслова // Этнопсихоллингвистика. – М.: Наука, 1988. – С. 116-120.
141. Матвеев, А. К. Субстратная топонимия русского севера и мерянская проблема / А. К. Матвеев.– Вопр. Языкознания. – 1996. – №1. – С.3-23 с.

142. Матвиенко, Е. В. Языковая репрезентация образов восточноазиатской мифологии в англоязычных текстах: автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Матвиенко Елена Викторовна. – М., 2010. – 18 с.
143. Медведева, А. В. Символическое значение как тип значения слова (на материале русских и английских обозначений обиходно-бытовых ситуаций, предметов и явлений материальной культуры) / А. В. Медведева. – Воронеж, 2000. – С. 46–48.
144. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. — 407 с.
145. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин // Учебное пособие. — 2-е изд., доп. и испр. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. — 819 с.
146. Николенко, О. Ю. Названия мифических существ: история лексической группы по лексикографическим источникам / О. Ю. Николенко, Н. А. Файлерт. – Вестник Омского государственного педагогического университета. Сер. Гум. иссл. – 2014. – №3 (4). – С. 54-57.
147. Новиков, Л. А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике) / Л. А. Новиков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 290 с.
148. Новиков, Л. А. Избранные труды: в 2 т.: Проблемы языкового значения / Л. А. Новиков. – М.: РУДН, 2001. – Т.1. – 674 с.
149. Норман, Б. Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии / Б. Ю. Норман // Язык и культура: докл. Третьей междунар. конф. – Киев, 1994. – С. 53-60.
150. Огольцева, Е. В. Внутренняя форма отсубстантивного имени прилагательного как проявление диалектического единства языка и мышления / Е. В. Огольцева // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты. Материалы XIX междунауч. конф., посвящ. 100-

летию со дня рождения В. И. Кодухова / Отв. ред. А. В. Пузырёв. –2019. – С.37-39.

151. Панов, М. В. Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание) / Сост. М. В. Панов. – М., 1984. – 351 с.

152. Пенюкова, И. В. Явление табуирования в народном мышлении и диалектной речи / И. В. Пенюкова // Русистика. Сер. Русск. яз. – 2010. – №2. – С. 95-101.

153. Пименова, М. В. Семантическая деривация и синкретизм / М. В. Пименова// Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 154. – № 5. – С.132-136.

154. Питина, С. А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира / С. А. Питина. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002. – 191 с.

155. Плотникова, А. А. Бобы / А. А. Плотникова // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – 1995. – Т.1. – С. 201-202.

156. Померанцева, Э. В. Рассказы о домовом / Э. В. Померанцева //Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М.: Наука, 1975. – С.92–117.

157. Потebня, А. А. Мысль и язык / Потebня А. А. // Полн. собр. трудов. – М.: Лабиринт. – Т. 1. – 1999. – С. 90–110.

158. Потebня, А. А. О купальских огнях и сродных с ними представлениях / А. А. Потebня // Древности: Археол. вестник, изд. Моск. археол. о-вом. — М., 1867. —С. 97-106.

159. Потebня, А. А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий / А. А. Потebня // Соч. А.А. Потebни. – М.: Унив. тип., 1865. – 310 с.

160. Потebня, А. А. Объяснения малорусских и сродных народных песен: в 2 т. / А. А. Потebня. – Варшава, 1883-1887.

161. Пронина, Е. Е. Психология журналистского творчества / Е. Е. Пронина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 320 с.
162. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — М.: «Лабиринт», 2000. — С. 225.
163. Ремизов, А. М. Посолонь / А. М. Ремизов // Собр. соч.: в 10 т. – М.: Рус. кн. – Т. 2. – 1996. – 207 с.
164. Ресурсы поверхностных вод СССР. Т. 12. Нижнее Поволжье и Западный Казахстан. – Вып. 2. – Л.: ГМИ. – 512с.
165. Ровнова, О. Г. Бабушка. Языковой портрет-воспоминание / О. Г. Ровнова // В сб.: Русские в Прибалтике. Таллинский ун-т, Рус. дом, Эстония. – Москва, 2010. – С. 328-368.
166. Русинова, И. И. Злые духи, связанные с колдуном, мифологической традиции пермского края / И. И. Русинова // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи. – 2014. – С. 266-271.
167. Русинова, И. И. Кто такие бусеньки и кулешата? / И. И. Русинова // Севернорусские говоры. – 2014. – № 13. – С. 229-241.
168. Русинова, И. И. Отражение представлений о колдовстве и знахарстве пермскими диалектными словарями / И. И. Русинова // Вестник Пермского университета. Росс. и зар. фил. – 2011. – № 4 (16). – С. 40-52.
169. Русинова, И. И. Отражение сюжетных мотивов в номинациях домового и лешего (на материале мифологических рассказов пермского края) / И. И. Русинова, М. А. Гранова // Фил. науки. Вопр. теор. и практ. – 2016. – №12-2 (66). – С. 160-162.
170. Русинова, И. И. Пермские названия злых духов – помощников колдуна на севернорусском языковом фоне / И. И. Русинова // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. – 2014. – № 9. – С. 124-128.
171. Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б. А. Рыбаков. – 2-е изд. – М.: Наука, 1994. – 373 с.

172. Рыбников, П. Н. Народные поверья и суеверия в Олонецкой губернии / П. Н. Рыбников // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1864 г. – Петрозаводск, 1864. – Отд. 2. – С. 191—207.

173. Рябцев, Ю. С. История русской культуры. Художественная жизнь и быт XI – XVII вв./ Ю. С. Рябцев. – М.: Владос, 1997. – 336 с.

174. Свасьян, К. А. Философия символических форм Кассирера / К. А. Свасьян. – Ереван, 1989. – 238 с.

175. Седакова, И. А. Мельница / И. А. Седакова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – Т. 3. – С. 222-225.

176. Сеница, Н. А. Портретирование как методика этнолингвистических исследований (на материале образов священнослужителей в славянских языках): автореф. дис. ... канд. филол. Наук: 10.02.19. / Сеница Наталья Александровна. – Екатеринбург, 2018. – 25 с.

177. Скворцов, О. Г. Происхождение и структурно-семантические особенности поля английских существительных, обозначающих понятия «света» и «темноты»: Дисс. ... кандидата филологических наук:10.02.04 / Скворцов Олег Георгиевич. – М., 1991. – 172 с.

178. Стародубец, С. Н. Особенности функционирования обряда «проводы русалки» на территории брянско-гомельского пограничья / С. Н. Стародубец, О. В. Белугина // Культура и цивилизация. – 2016.– № 4. – С. 438-448.

179. Стеблин-Каменский, М. И. Труды по филологии / М. И. Стеблин Каменский. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. — 928 с.

180. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 253 с.

181. Стернин, И. А. Проблемы анализа структуры значения слова / И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1979. – 156 с.

182. Соколов, М. Н. Лес / М. Н. Соколов // Мифы народов мира. – М.: изд. Советская энциклопедия. 1980. – Т.2. – С. 49-50.
183. Солодуб, Ю. П. Современный русский язык. Лексика и фразеология: учеб. Пособие / Ю. П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт. – 2-е изд. – М.: Наука, 2003. – 259 с.
184. Сторожева, Е. М. Коннотация и её структура / Е. М. Сторожева // Вестник Челябинского государственного университета Языкознание и литературоведения. – Вып. 14. – № 13. – 2007. – С. 113-118.
185. Тараканова, Д. А. Символический компонент диалектного слова на материале говоров Среднего Приобья): дисс.канд. филол. наук: 10.02.01 / Тараканова Дарья Александровна. – Томск, 2012. – С. 42–43
186. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
187. Телия, В. Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М.: Наука, 1981. – 270 с.
188. Толстая, С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении / С. М. Толстая. – 2002. – №1 (3). – С. 112-127.
189. Толстик, С. А. Национальный образ внешности: к истории и этимологии русского диалектного прилагательного букатый / С. А. Толстик // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – № 3 (41). – С. 66-75.
190. Толстой, Н. И. Белый цвет / Н. И. Толстой // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – 1995. – Т.1. – С. 151-154.
191. Толстой, Н. И. Славянская лексикология и семасиология / Н.И. Толстой // Избранные труды.– М.: «Языки русской культуры», 1997.–Т.1. – 520 с.

192. Толстой, Н. И. Язык и народная культура: Очерки по слав. мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – 509 с.
193. Топоров, В. Н. Из истории балто-славянских языковых связей: анчўтка / В. Н. Топоров. – «Baltistica». – 1973. – С. 29–44.
194. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В. Н. Топоров. – М.: Прогресс-Культура, 1995. – 624 с.
195. Топоров, В. Н. О мифопоэтическом пространстве: Избр. ст. Pisa / В. Н. Топоров. – ESlG, 1994. – 316 с.
196. Топоров, В. Н. Теория и некоторые частные ее приложения / В. Н. Топоров // Исследования по этимологии и семантике. — М.: Языки славянской культуры, 2005. – Т.1. — 816 с.
197. Узенёва, Е. С. Петух / Е. С. Узенёва, А. В. Гура // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – 2009. – Т.4. – С. 28-35.
198. Улуханов, И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка / И. С. Улуханов. — 2-е изд. — М.: Либроком, 2010. — 320 с.
199. Улуханов, И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов // Российская акад. наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. – Изд. 5-е, испр. и доп. – М.: ЛИБРОКОМ, 2011. – 258 с.
200. Усачёва, В. В. Лихорадка / В. В. Усачёва // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5-ти т. – М.: Междунар. отношения. – 2004. –Т. 3. – С. 117-123.
201. Усачёва В. В. Магия слова и действия в народной культуре славян / В. В. Усачёва. — М.: Институт славяноведения РАН, 2008. — 368 с.
202. Успенский, Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей / Б. А. Успенский. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. – 248 с.

203. Уфимцева, А. А. Типы словесных знаков [Текст] / АН СССР. Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1974. – 205 с
204. Уфимцева, Н. В. Русские: опыт ещё одного самопознания / Н. В. Уфимцева // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей. – М.: МГУ, 1996. – С. 139-162.
205. Ушаков, Д. Н. Материалы по народным верованиям великоруссов / Д. Н. Ушаков // Этнографическое обозрение. Год 8-й, 1896. – М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1897. – № 2–3, кн. 29–30. – С. 146–204.
206. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. — 3-е изд., испр. — М.: Астрель: АСТ, 2008. — 878 с.
207. Филиппов, А. В. К проблеме лексической коннотации / А. В. Филиппов // Вопросы языкознания. – М.: Наука. – 1978. – № 1. – С. 57-63.
208. Флоренский, П. А. У водоразделов мысли: черты конкретной метафизики в 2-х т./ П. А. Флоренский. – М.: Академический проект. – Т.1. – 2013. – 684 с.
209. Фрейденберг, О. М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрайденберг. – М.: Лабиринт, 1997. – 449 с.
210. Фуфаева, И. В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными: на материале русского языка: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Фуфаева Ирина Владимировна. – М., 2017. – 258 с.
211. Ханова, З. Д. Коннотативная лексика в создании языковой картины мира учащихся национальной школы / З. Д. Ханова, Р. Г. Давлетбаева // Инновационный потенциал молодежной науки. Материалы Всероссийской научной конференции. – 2012. – С. 340-343.
212. Харченко, В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова / В. К. Харченко // РЯШ. – 1976. – № 3. – С. 67-68.

213. Цзинхуэй, Х. Мифологические персонажи в современной русской языковой картине мира: на фоне китайского языка: дис. ... канд. фил. наук: 10.02.01 / Цзинхуэй Хань. – Санкт-Петербург, 2012. –137 с.
214. Черемисина, Н. В. Структура лексического значения и давление текста на слово / Н. В. Черемисина // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе / под ред. Н. А. Лукьяновой. – Новосибирск, 1991. – С.3-51.
215. Черепанова, О. А. Мифологическая лексика русского языка: дис. ... д-ра филол. наук:10.02.01 / Черепанова Ольга Александровна. – М., 1983. – 434 с.
216. Черепанова, О. А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера/ О.А. Черепанова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.– 212 с.
217. Черных, А. В. «Вещица» в мифологических рассказах русских Среднего Прикамья/ А. В. Черных, И. И. Русинова, Ю. А. Шкураток // Традиционная культура. – 2016. – № 2 (62). – С. 62-79.
218. Шадеко, В. П. К вопросу о мифологической картине мира / В. П. Шадеко. – СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2012. – С. 380-391.
219. Шелестюк, Е. В. О лингвистическом исследовании символа (обзор литературы) / Е. В. Шелестюк // «Вопросы языкознания». – М.: 1997. – № 4. – С. 125–142.
220. Шерцль В. И. О словах с противоположными значениями (или о так называемой энантиосемии) / В. И. Шерцля. - Воронеж: тип. В.И. Исаева, 1884. – 83 с.
221. Шмелёв, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики/ Д.Н. Шмелёв. – М., 1973. – 274 с.
222. Щерба, Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л., 1958. - Т. 1. – 180 с.
223. Элиаде, М. Миф о вечном возвращении: Архетипы и повторяемость / М. Элиаде // пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. – СПб.: Алетейя, 1998. – 249 с.

224. Якушевич, И. В. Лингвокогнитивная типология символа / И.В.Якушевич // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2012. – № 4. – С.5–13.
225. Якушевич, И. В. Семантическая структура символа ‘огонь’: опыт словарной статьи лексемы-символа/ И. В. Якушевич // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. – 2011. – № 2. – С. 28–33.
226. Якушевич, И. В. Символ «дом» в русском языке и поэтическом тексте / И.В. Якушевич. – Владимир: Транзит-ИКС, 2018. – 182 с.
227. Якушевич, И. В. Символ «кошка»: языковая реализация в диалектной лексике и русских фольклорных текстах / И.В. Якушевич. – Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 1 (144). – С. 171-177.
228. Якушевич, И. В. Символическое значение ‘водяной’, мотивированное ландшафтными, гидрологическими и биогеографическими особенностями края / И. В. Якушевич, Н. С. Ивашина. – Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. -№04. – С. 181-186.
229. Якушевич, И.В. Символическая модель «печь – человек» в диалектной лексике / И.В. Якушевич // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы XIII Междунар. науч. конф. – Владимир: Транзит-ИКС, 2019. – С. 481-485.
230. Якушевич, И. В. Энантиосемия в лексико-семантической структуре символа/ И. В. Якушевич // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – Иркутск, 2012. № 2 (19). – С. 72–77.
231. Frege, G. On sense and reference / G. Frege // In: Logic and philosophy for linguists. – The Hague, 1974.
232. Ricoeur, P. The problem of double-sense as hermeneutic problem and assemantic problem / P. Ricoeur // Myths and symbols. – Chicago, 1969.

Словари и их сокращения

233. БАС: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Под ред. В. И. Чернышёва. — М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948—1965.
234. БЭС: Большой энциклопедический словарь. Языкознание /гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — М., 1998. — 685 с.
235. ЕВРАС: Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС: в 2 т. / Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева. — М.: Инст. Яз. РАН, 2014. — Т.2. От реакции к стимулу. — 763 с.
236. Крылов: Этимологический словарь русского языка / Г. А. Крылов. — СПб.: Victory, 2004. — 428 с.
237. КЭСМ: Краткая энциклопедия славянской мифологии: Около 1000 ст. / Н. С. Шапарова. — М.: АСТ и др., 2001. — 622 с.
238. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 685 с.
239. МАС: Словарь русского языка: В 4т. / Под ред. А. П. Евгеньвой. М.: 1981.
240. МС: Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. — М.: Сов. энцикл., 1990. — 672 с.
241. НСРЯ: Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. — М.: Русский язык, 2000.
242. Ожегов: Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1997. — 944 с.
243. ПиПРН: Пословицы и поговорки русского народа: В 2 т. / В.И.Даль. — М.: Художественная литература, 1984.
244. РГ80: Русская грамматика: В 2-х т. / Н. Ю. Шведоваи др. — М.: Наука, 1980.
245. РЭС: Русский этимологический словарь: В 13 т. / А. Е. Аникин. — М.: Рукоп. памятники Древней Руси, 2007.

246. САР: Словарь академии российской: В 6 т. – СПб.: При Имп. Акад. наук, 1789.
247. САС: Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е.Ф. Тарасов. — М., 2004. — 800 с.
248. СГТ: Словарь гендерных терминов / под ред. А. А. Денисовой. М., 2002.
249. СЛТ: Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова – М.: Книга по Требованию, 2013. – 608 с.
250. Срезневский: Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3-х т. / И. И. Срезневский. – СПб: Типография императорской академии наук, 1903.
251. СРЛИ: Словарь русских личных имён / Н. А. Петровский. – М.: Рус. яз., 1980. – 384 с.
252. СРС: Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий / Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. – Н. Новг.: Рус. купец; Братья славяне, 1995. – 559 с.
253. СРЯ11-17: Словарь русского языка XI–XVII вв.: В 30 т. / ред. С. Г. Бархударов. – М.: Наука, 1975-2016.
254. СРЯ18: Словарь русского языка XVIII века: В 22 т. / Под ред. Ю. С. Сорокина. — Л.: Наука, 1984-2019.
255. ССА: Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2016. – 812 с.
256. ССЛТ: Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1985. — 399 с.
257. ССМ: Словарь славянской мифологии / Е. А. Грушко, Ю. М. Медведев. – Н. Новг.: Рус. купец; Братья славяне, 1995. – 367 с.

258. ТСЖВЯ: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Типогр. Лаз. Инст. Вост. Язык., 1863-1866.
259. Ушаков: Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996.
260. Фасмер: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. – М.: Прогресс, 1964- 1973.
261. ФС: Философский словарь/ Под ред. И. Т. Фролова. – М., 2001.
262. ЭСРЯ1: Краткий этимологический словарь русского языка // Н. М. Шанский. – М.: Просвещение, 1975. – 543 с.
263. ЭСРЯ: Этимологический словарь русского языка: В 2 т. / Н. М. Шанский. – М.: Изд. Мос. ун-та, 1963-2007.
264. ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков: в 41 т. Праслав. лекс. фонд / О. Н. Трубачев, В. А. Меркулова, Ж. Ж. Варбот и др. // Под ред. О. Н. Трубачева. – М.: Наука, 1964-2018.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

Таблица 1 – Значения мифологических персонажей в толковых словарях.

Таблица 2 – Значения мифологических персонажей в ассоциативных словарях.

Таблица 3 – Оценочные корневые морфемы в номинациях домового, лешего и водяного.

Таблица 4 – Экспрессивные деминутивы в номинациях мифологических персонажей.

Таблица 5 – Энантиосемия и оксюморон в номинациях домового, лешего и водяного.

Таблица 6 – Ключевые понятия внутренней формы.

Таблица 7 – Типология номинаций домового по внутренней форме.

Таблица 8 – Типология номинаций лешего по внутренней форме.

Таблица 9 – Типология номинаций водяного по внутренней форме.

Таблица 10 – Типология номинаций домового по гендерному признаку.

Таблица 11 – Типология номинаций лешего по гендерному признаку.

Таблица 12 – Типология номинаций водяного по гендерному признаку.

Таблица 13 – Символическое значение номинаций домового, лешего и водяного.

Таблица 14 – Собираемые семантические портреты домового, лешего и водяного.

Рисунок 1 – Количественное соотношение значений домового в толковых словарях.

Рисунок 2 – Количественное соотношение значений лешего в толковых словарях.

Рисунок 3 – Количественное соотношение значений водяного в толковых словарях.

Рисунок 4 – Концентрические круги пространства домового.

Рисунок 5 – Мифологические персонажи в русской избе.

Рисунок 6 – Мифологические персонажи в крестьянском дворе.

Рисунок 7 – Мифологические персонажи в русском поле.

Рисунок 8 – Количественное соотношение символических значений номинаций мифологических персонажей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СЛОВНИК НОМИНАЦИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

1. **Алба́стый** – леший [СРНГ, т. 1, с. 233].
2. **Алба́ста** – русалка, шутовка, водяная [СРНГ, т. 1, с. 233].
3. **Амба́рник** – нечистый дух, домовый, живущий в амбаре [СРНГ, т. 1, с. 251].
4. **Амба́рный** – домовый, обитающий в амбаре [СРНГ, т. 1, с. 251].
5. **Анци́бал** – болотный чёрт, водяной. Дьявол, сатана [СРНГ, т. 1, с. 262].
6. **Анчу́тка** – леший; домовый [СРНГ, т. 1, с. 262].
7. **Ба́бушка, ба́ушка** – дух, который живёт в бане [СПГ, т. 1, с. 15].
8. **Ба́бушка-сосе́душка** — женская ипостась домового [СГРС, т. 1, с. 34].
9. **Бага́н** – добрый или злой дух, покровитель скота [СРНГ, т. 2, с. 33].
10. **Ба́енка Пустохоро́минка** – банный дух [СГРС, т. 1, с. 41].
11. **Ба́енник** – мифическое существо, обитающее в бане [СГРС, т. 1, с. 41].
12. **Ба́инная ба́ушка** – дух, живущий в бане [СРНГ, т. 2, с. 52].
13. **Байдáрошник** – дух двора, надворных построек [СРГЮП, т. 1, с. 36].
14. **Байстри́ок** – леший, чертёнок [СРНГ, т. 2, с. 57].
15. **Ба́нна жихо́ня** – нечистая сила, живущая в бане (банный дух) [СРНГ, т. 2, с. 200].
16. **Ба́нька-па́рушка** – обращение к духу бани, используемое с целью оберега [СРГСПК, т. 1, с. 57].
17. **Ба́ннушка** – банный дух [СРГЮП, т. 1, с. 40].
18. **Ба́нник** — злой дух, живущий в бане, род домового [СПГ, т. 1, с. 20].

19. **Ба́нница** – злой дух, живущий в бане, вид домового [СВГ, т. 1, с.21].
20. **Батама́н** – домовый [ОСВГ, т. 1-2, с. 56].
21. **Бата́нушка(о)** – домовый, живущий в доме, и дворовой, покровитель скота [СРНГ, т. 2, с. 141].
22. **Ба́тюшка** – обращение к домовому [СГРС, т.1, с. 77].
23. **Бе́лая ба́ба** – мифическое существо, обитающее в лесу [СГРС, т. 1, с. 90].
24. **Белола́пко** – дух моря, к которому обращаются находящиеся в плавании, чтобы вызвать ветер во время штиля [СРНГ, т. 2, с. 221].
25. **Белу́н** – добрый домовый, с белой бородой, в белом саване, сбелым посохом, является с просьбой утереть ему нос и за это сыплет деньги носом [СРНГ, т. 2, с. 228].
26. **Бе́ля** – дух моря, к которому обращаются находящиеся в плавании, чтобы вызвать ветер во время штиля [СРНГ, т. 2, с. 221].
27. **Бесте́нный бу́ка** – домовый в виде старца с бородою, неимеющий тени [СРНГ, т. 2, с. 281].
28. **Бирю́к** – домовый [СРНГ, т. 2, с. 294].
29. **Блуд** — злой дух, нечистая сила; леший [ССГ, т. 1, с. 193].
30. **Бобо́вница** – нечистая сила, водящаяся в огороде [СПГ, т. 1, с. 41].
31. **Боло́теник** – мифологический персонаж, обитающий в болоте [СРГК, т. 1, с. 89].
32. **Болотяни́к** — род лешего или водяного, живущего в болоте [СРНГ, т. 3, с. 80].
33. **Болотни́ца** — мифическое существо, дух болота в образе молодой женщины, увлекающей мужчин в болото [СРНГ, т. 3, с. 79].
34. **Болоту́ник** — злой дух, живущий в болоте [СРНГ, т. 3, с. 79].

35. **Болотной** – мифическое существо, обитающее в болоте [СГРС, т.1, с. 142].
36. **Большак** – домовый, мифическое существо, покровительствующее дому. Леший [СРНГ, т. 3, с. 86].
37. **Большой дядя** – леший [СРНГ, т. 3, с. 93].
38. **Большой мужик** – мифическое существо, живущее в лесу, леший [СГРС, т. 7, с. 353].
39. **Боровой** – леший [СРНГ, т. 3, с. 107].
40. **Бородатка** – мифическое существо [СГРС, т. 1, с. 159].
41. **Ботаманушко** – домовый, леший [СРНГ, т. 3, с. 130].
42. **Братанушко** – домовый. Дедушко-братанушко [СРНГ, т. 2, с.141].
43. **Буканка** – фантастическое существо, живущее в доме; домовый
44. **Буканко** – домовый [СРНГ, т. 3, с. 262].
45. **Буканай** – фантастическое существо, вроде домового, обитающее в конюшне, на сеновале или в подполье. «Сейчас пугают детей» [СРНГ, т. 3, с. 262].
46. **Букарлица** – фантастическое существо, живущее и подполье дома [СРНГ, т. 3, с. 264].
47. **Букарка** – сказочное страшилище, которым пугают детей [СРНГ, т. 3, с. 264].
48. **Букусетка** – сверхъестественное существо, обитающее в бане, которым пугали детей [СГСЗ, с. 58].
49. **Бухра-бахра** – домовый [СГРС, т. 1, с. 237].
50. **Бучер** – мифическое существо, обитающее в бане [АОС, т. 2, с.194].
51. **Бучериха** – мифическое существо, обитающее в бане [АОС, т. 2, с. 194].
52. **Ванюшка** – домовый [СГРС, т. 2, с. 22].

53. **Варахтáн** – мифическое существо [АОС, т. 3, с. 44].
54. **Варахтáнница** – мифическое существо [АОС, т. 3, с. 44].
55. **Ватáмушко** – мифическое существо, обитающее в бане [АОС, т. 3, с. 54].
56. **Верещíха** – мифическое существо [СГРС, т. 2, с. 63].
57. **Вещíца** – нечистая сила, лесной дух, часто в образе красиво окрашенной белки или бесхвостой сороки [ИЭСРГА, т. 2, с. 96].
58. **Вещúнья** – дух, предвещающий беду, опасность [СРНГ, т. 4, с. 229].
59. **Водéник** – водяной [СРГК, т. 1, с. 211].
60. **Водыльник** – водяной [СРНГ, т. 4, с. 348].
61. **Водя**– водяной (дух, хозяин водяных вместилищ) [СРНГ, т. 4, с. 348].
62. **Водяная** – русалка [СРГСПК, т. 1, с. 253].
63. **Водянёнок**– детёныш водяного духа [СРНГ, т. 4, с. 348].
64. **Водяне́ц** – злой дух, обитатель вод [СБГ, т. 3, с. 38].
65. **Водяни́ца** – русалка [СГРСУ, т. 1, с. 86].
66. **Водяни́ха** – водяной дух женского рода. Русалка [СРНГ, т. 4, с. 351].
67. **Водяни́к** – дух, обитающий в воде [ССГ, т. 2, с. 66].
68. **Водяно́вка**– водяной дух женского рода. Русалка [СРНГ, т. 4, с. 351].
69. **Водяну́ха** – водяной дух женского рода. Русалка [СРНГ, т. 4, с. 354].
70. **Водяны́й** – обитающий в воде (о водяном духе, водяном), Водяной дедушка (дедушко) [СРНГ, т. 4, с. 353].
71. **Волосáн** – мифическое существо, живущее в водоёмах, Водяной [СГРС, т. 2, с. 157].
72. **Волосáтик** – нечистый дух, чёрт. Леший [СРНГ, т. 5, с. 58].

73. **Волосáтка** – нечистая сила. «Означает духа женского пола, овиного домового, стерегущего овины с домашними животными [СРНГ, т.5, с. 58].
74. **Вóльный** – леший, нечистый дух [СРНГ, т. 5, с. 87].
75. **Ворогúша** – русалка, сказочное существо, живущее в воде [СВГ, т. 1, с. 83].
76. **Вóрог** – леший [СРНГ, т. 5, с. 108].
77. **Вóтчинник** – мистическое существо, дух – покровитель местности, помогающий на охоте [СРНГ, т. 5, с. 163].
78. **Враг** – леший, нечистая сила [СГРС, т. 2, с. 198]
79. **Вýем** – мифическое существо, хозяин поля[СГРС, т. 2, с. 221].
80. **Гадю́га** – водяной [СРГК, т. 1, с. 322].
81. **Гнётка**– дух, давящий по ночам спящих, вызывающий кошмары [СРНГ, т. 6, с. 241].
82. **Гнеткé**– домовый, который по ночам гнетёт, давит человека, вызывает кошмары [СРНГ, т. 6, с. 241].
83. **Гнеткó**– «Нечистый вроде домового; принимает образ домашних животных; душит, гнетёт по ночам» [СРНГ, т. 6, с. 241].
84. **Гнюте́ница** – дух, давящий по ночам спящих, вызывающий кошмары [СРНГ, т. 6, с. 251].
85. **Голбе́шный** – дух, обитающий в подполье (голбце) [СПГ, т. 1, с. 168].
86. **Грец** – дьявол, злой дух; чёрт, леший [СРНГ, т. 7, с. 135].
87. **Гробóвка** – мифическое существо, живущее в воде; русалка [СГРС, т. 3, с. 136].
88. **Гумéнный** – дух, домовый, живущий, по народному преданию, на гумне [СРНГ, т. 7, с. 228].
89. **Гумéнный** – домовый, обитающий, по народному преданию, на гумне [СРНГ, т. 7, с. 229].

90. **Дво́рник** – злой дух, живущий в бане, вид домового [СВГ, т. 2, с.12].
91. **Дворно́й** – мифическое существо, обитающее в помещении для скота [АОС, т. 10, с. 338].
92. **Дворови́к** – сверхъестественное существо, добрый или злой дух, якобы живущий во дворе [СРНГ, т. 7, с. 300].
93. **Дворово́й** – мифическое существо, обитающее в помещении для скота [СПП, т. 1, с. 167].
94. **Дворову́ха** – мифическое существо, обитающее в помещении для скота [АОС, т. 10, с. 339].
95. **Дворо́вушко** – домовый [СВГ, т. 2, с. 13].
96. **Двору́ха** – мифическое существо, обитающее в помещении для скота [АОС, т. 10, с. 339].
97. **Дед** – сверхъестественное существо, нечистый дух. Чёрт. Домовой. «Почётное прозвание домового» [СРНГ, т. 7, с. 328].
98. **Де́дка** — сверхъестественное существо, нечистый дух. Домовой [СРНГ, т. 7, с. 329].
99. **Де́дко** – сверхъестественное существо, нечистый дух. Домовой. Леший [СРНГ, т. 7, с. 329].
100. **Де́дко-рыга́ч** – мифическое существо, живущее в овине [СГРС, т. 3, с. 198].
101. **Деду́ха** – мифическое существо, обитающее в бане [АОС, т. 10, с.417].
102. **Дедушко водяно́й** – мифическое существо, обитающее в вудоёмах [АОС, т. 10, с. 419].
103. **Дедуши́ха** – русалка [АОС, т. 10, с. 417].
104. **Дедушка** – домовый. Леший [АОС, т. 10, с. 415].
105. **Дедушка лесно́й** – леший [СРНГ, т. 7, с. 331].
106. **Дедушко** – домовый [СРНГ, т. 7, с. 332].

107. **Дѣдюшка** – дедюшка лесной. Леший [СРНГ, т. 7, с. 332].
108. **Дѣдя** – леший [СРНГ, т. 7, с. 332].
109. **Дѣдько** – чёрт, бес, а также домовый [КГ, с. 107].
110. **Дѣкий** – леший. Чёрт, сатана, дьявол [СРНГ, т. 8, с. 57].
111. **Дѣконький** – нечистый дух, леший, живущий в лесах и полях [СРНГ, т. 8, с.64].
112. **Доброхóдушко** – то же, что дедушко-суседушко. «Суседко» скажут или «домовой» [СВГ, т. 2, с. 31].
113. **Доброхóт** – домовый [СВГ, т. 2, с. 32].
114. **Домáха** – жена домового [СРНГ, т. 8, с. 117].
115. **Домовáя** – мифологическое существо женского пола, обитающее в доме [СПП, т. 1, с. 183].
116. **Домовáя лáска** – мифическое существо, домовый в образе ласки [СГРС, т. 3, с. 248].
117. **Домовѣдушка** – добрый или злой дух, живущий в доме; домовый [СРНГ, т. 8, с. 119].
118. **Домовѣйко** – мифическое существо, живущее в доме [СГРС, т. 3, с. 248].
119. **Домовѣюшко** – мифическое существо, живущее в доме [СГРС, т.3, с. 248].
120. **Дóлгий дядюшка** – леший[СРНГ, т. 8, с. 106].
121. **Домовѣд** – добрый или злой дух, живущий в доме; домовый[СРНГ, т. 8, с. 119].
122. **Домовѣдушко** – добрый или злой дух, живущий в доме; домовый[СРНГ, т. 8, с. 119].
123. **Домовѣк** — добрый или злой дух, живущий в доме; домовый [СРНГ, т. 8, с. 119].
124. **Домовѣнка** – мифическое существо, дочь домового [СРГСУ, т. 1, с. 141].

125. **Домові́ха** – мифическое существо, живущее в доме [СГРС, т. 3, с. 249].
126. **Домовичо́к** – добрый или злой дух, живущий в доме; домовой [СГРС, т. 3, с. 249].
127. **Домові́тушко** – добрый или злой дух, живущий в доме; домовой [СРНГ, т. 8, с. 120].
128. **Домово́й** – сверхъестественное существо, живущее в доме [ВС, т. 2, с. 150].
129. **Домо́вушко** – добрый или злой дух, живущий в доме; домовой [СРНГ, т. 8, с. 121].
130. **Доможі́л** – добрый или злой дух, живущий в доме; домовой [СРНГ, т. 8, с. 122].
131. **Доможі́рко** – добрый или злой дух, живущий в доме; домовой [СРНГ, т. 8, с. 123].
132. **До́як** – мифологически персонаж, который на заре доит коров [БТСДК, с. 139].
133. **Друга́я полови́на** — домовой или леший [СРНГ, т. 8, с. 210].
134. **Ду́мова** – злой дух, живущий в доме [СРНГ, т. 8, с. 257].
135. **Дурно́й** – злой дух, нечистая сила; домовой [СРНГ, т. 8, с. 270].
136. **Дя́дины ребя́та** – духи, живущие в бане [СРНГ, т. 8, с. 306].
137. **Ела́нья** – лесной дух [СРНГ, т. 8, с. 338].
138. **Ёлс** – леший, чёрт [СРНГ, т. 8, с. 348].
139. **Еретні́к** – домовой [СРНГ, т. 9, с. 23].
140. **Жа́реник / Жарені́ца** – мифическое существо, обитающее нагороховищах [СОВН, с. 128].
141. **Железні́чка** – дух, обитающий в огороде [СРНГ, т. 9, с. 106].
142. **Жирові́к** – нечистый дух, домовой [СРНГ, т. 9, с. 185].
143. **Жирово́й чёрт** – живущий в доме; домовой [СРНГ, т. 9, с. 186].
144. **Жиро́вый** – домовой [СРНГ, т. 9, с. 186].

145. **Житель** – водяной, домовый и т.д. [СРГК, т. 2, с. 66].
146. **Жихарёк** – домовый [СРГК, т. 2, с. 70].
147. **Жихариха** – жена домового [СРГК, т. 2, с. 70].
148. **Жихарь** – злой дух, обитающий в жилище человека, домовый [СРНГ, т. 9, с. 198].
149. **Жихоричка** – мифическое существо, злой дух женского пола [АОС, т. 14, с. 238].
150. **Жихорько** – злой дух, обитающий в жилище человека, домовый [СРНГ, т. 9, с. 198].
151. **Жихорюшко** – нечистая сила, живущая в конюшне, заплетающая в косы гривы и хвосты лошадей [СРНГ, т. 9, с. 200].
152. **Забáенник** – мифическое существо, злой дух, живущий в бане [СРНГ, т. 9, с. 241].
153. **Заде(и)ри́ха** – мифическое существо, живущее в бане [АОС, т. 16, с. 234].
154. **Зализу́ха** – мифическое существо, живущее в колодце [СГРС, т. 4, с. 116].
155. **Залу́тчик** – тот, кто заманивает, залучает. «Леший залутчик, заманщик; он же залучник, если выгоняет зайцев прямо на охотника» [СРНГ, т. 10, с. 224].
156. **Залу́тчица** – женск. к залутчик [СРНГ, т. 10, с. 224].
157. **Запéчьельница** – дух, обитающий за печкой [СРГК, т. 2, с. 173].
158. **Запéченник** – дух, бес, обитающий в доме за печкой [СРНГ, т. 10, с. 315].
159. **Запéчнушко** – домовый, живущий за печью [СГРС, т. 4, с. 153].
160. **Зверинка** – полумифическое существо, обитающее в конюшнях, хлевах, которое мучает коров, заплетает косичками гриву лошадей [СГРС, т. 4, с. 252].
161. **Зелезня́чка** – дух, обитающий в огороде [СРНГ, т. 10, с. 245].

162. **Земляной царь** – дух огорода [СРГЮП, т. 3, с. 331].
163. **Зыбочник** – леший, который живет в лесах и качается над деревьями [СРНГ, т. 12, с. 32].
164. **Иван Чародей** – мифическое существо, обитающее в лесу, леший [СГРС, т. 4, с. 297].
165. **Игрёц** – нечистый или злой дух, бес; домовый [СРНГ, т. 12, с. 70].
166. **Игрунок** – мифическое существо, обитающее в лесу, леший [СГРС, т. 4, с. 304].
167. **Изводённый** – водяной, черт [СРНГ, т. 12, с. 108].
168. **Изводень** – существо, издающее неприятные, надоедливые звуки [СВГ, т. 3, с. 8].
169. **Калёная пёчка** – фантастическое существо, злой дух [СРНГ, т. 27, с. 7].
170. **Камышанов** — водяной [СРНГ, т. 13, с. 33].
171. **Кикимора** – домовый, проказящий по ночам с пряжей, веретеном, коробами, вьюшкой [ОСВГ, т. 5, с. 41].
172. **Кикиморка** – мифическое существо, кикимора [ОСВГ, т. 5, с. 41].
173. **Кикумора** – домовый [СПГ, т. 1, с. 383].
174. **Кладовик** – дух, охраняющий клад [СРНГ, т. 13, с. 258].
175. **Кладовой** – дух, охраняющий клад [СРНГ, т. 13, с. 258].
176. **Кожедёр** – леший, чёрт [СРНГ, т. 14, с. 51].
177. **Коловёрши** – фантастические существа, живущие под печкой или полом в домах тех людей, которые обладают даром колдовства, внешним видом похожие на чёрных кошек с большим мешкообразным зобом [СРНГ, т. 14, с. 150].
178. **Колодечник** – дух, обитающий в колодце [Черепанова 1983, с. 68].
179. **Кондрашка** – мифологический персонаж, обитающий в воде [ОСВГ, т. 5, с. 84].

180. **Конопляница(нка)** – мифологический персонаж, обитающий в огороде [ОСВГ, т. 5, с. 86]
181. **Конюшник** — домовый, живущий в конюшне [СРНГ, т. 14, с.278].
182. **Костоло́м** – чёрт, леший [СРНГ, т. 15, с. 77].
183. **Корбе́ник** – лесной дух, леший [СРГК, т. 2, с. 421].
184. **Корми́лец** — домовый [СРНГ, т. 14, с. 336].
185. **Корми́льчик** – то же, что кормилец [СРНГ, т. 14, с. 336].
186. **Корми́нчик** – домовый [СРНГ, т. 14, с. 336].
187. **Кота́нко**– домовый, чёрт [СРНГ, т. 15, с. 101].
188. **Кра́сная ба́ба** – мифическое существо, которое насыляет болезнь [СГРС, т. 6, с. 135].
189. **Красноплéший** – леший [СРНГ, т. 15, с. 184].
190. **Кривохо́стик** — водяной, нечистая сила [СРНГ, т. 15, с. 247].
191. **Кроме́шники** – общее название водяных, леших, домовых и т. п.[СРНГ, т. 15, с. 275].
192. **Кругово́й** – домовый [ССГ, т. 5, с. 112].
193. **Кузю́тка** – бес; домовый [СРНГ, т. 16, с. 29].
194. **Кузя** – домовый [СРГЮП, т. 1, с. 440].
195. **Ку́ка** — леший, живущий в бане [СРНГ, т. 16, с. 30]
196. **Кука́н** – мифическое существо, обитающее в лужах, болотах. Фантастическое существо, которым пугают детей, бука [СРНГ, т. 16, с. 31].
197. **Куля́ш**– чертенок или водяной [СРНГ, т. 16, с. 78].
198. **Кура́нко** – леший [СРНГ, т. 16, с. 111].
199. **Кути́нья** – дух женского пола, обитающий в углу дома[СРНГ, т.16, с. 169].
200. **Кухта́хта** – мифический лесной зверь [СГРС, т. 6, с. 327].
201. **Лад** – леший [СРНГ, т. 16, с. 227].
202. **Ла́ман** – леший [СРНГ, т. 16, с. 252].

203. **Лáска** – зверёк, который, по поверьям, является домовым [СГРС, т. 7, с. 31].
204. **Ласи́ца** – мифическое существо, дворовой в облике ласки [СРГК, т. 3, с. 98].
205. **Легáн** – леший [СРНГ, т. 16, с. 309].
206. **Лéман** – нечистая сила, чёрт, леший, дьявол [СРНГ, т. 16, с. 346].
207. **Лéмбой** – леший, чёрт, домовый [СРНГ, т. 16, с. 347].
208. **Лéмор** — дух, обитающий в лесу; леший [СРНГ, т. 16, с. 350].
209. **Лес** — главный лесной дух; леший, дьявол вообще [СРНГ, т. 16, с. 368].
210. **Лес честнóй** – обращение к главному духу, хозяину леса [СРНГ, т. 16, с. 368].
211. **Лесик** – леший [СРНГ, т. 16, с. 370].
212. **Лéсман** – леший [СРНГ, т. 16, с. 372].
213. **Лесначи́ха**– женщина-леший [СРНГ, т. 16, с. 372].
214. **Лесна́я дéвка** – девушка, по воле лешего долго блуждавшая полесу [ССГ, т. 3, с. 5].
215. **Лесни́к** — лесной дух, леший [СРНГ, т. 16, с. 372].
216. **Лесно́й дéдушко** – главный лесной дух; леший [СРНГ, т. 16, с. 373].
217. **Лесно́й дiтятко** – мифическое существо, обитающее в лесу [АОС, т. 11, с. 156].
218. **Лесно́й херувiм** – леший [СРНГ, т. 16, с. 373].
219. **Лесно́й хозя́ин** – то же, что лесной дедушко [СРНГ, т. 16, с. 373].
220. **Лесно́й дýдя** – леший [СРНГ, т. 16, с. 373].
221. **Лесно́й** – лесной дух, леший [СРНГ, т. 16, с. 373].
222. **Лесну́ха** – мифологический персонаж в лесу [ОСВГ, т. 5, с. 187].
223. **Лесовiк** – лесной дух, леший [СРНГ, т. 17, с. 10].
224. **Лесовiха** – жена лесовика (лесного духа) [СРНГ, т. 17, с. 10].

225. **Лесово́й де́душко** – главный лесной дух, леший [СРНГ, т. 17, с.11].
226. **Леша́к** — лесной дух в образе очень высокого человека; леший [СРНГ, т. 17, с. 30].
227. **Лешачи́ха** – лесной дух в образе женщины; жена лешего; иногда русалка [СРНГ, т. 17, с. 31].
228. **Леша́чка** – лесной дух в образе женщины; жена лешего; иногда русалка [СРНГ, т. 17, с. 31].
229. **Лешачо́нок** – маленький леший [СРНГ, т. 17, с. 31].
230. **Лешеня́** – маленький леший [СРНГ, т. 17, с. 31].
231. **Лешеня́та** – дети лешего [СРНГ, т. 17, с. 32].
232. **Лешма́н** – леший [СРНГ, т. 17, с. 75].
233. **Лизу́н** — домовый, живущий в подполье, под печкой и т.д.[СРНГ, т. 17, с. 44].
234. **Лиха́ч** – нечистая сила, черт, леший
235. **Лихо́й** – нечистая сила, домовый, злой дух [СРНГ, т. 17, с. 78].
236. **Лихома́нник** — сверхъестественное существо, живущее в лесу, леший [СРНГ, т. 17, с. 80].
237. **Лопухо́ня** – мифическое существо, живущее в водоёме и насылающее болезни [СГРС, т. 7, с. 138].
238. **Лопасты́й** – домовый [СРНГ, т. 17, с. 132].
239. **Лука́нька** – дьявол, сатана, леший [СРНГ, т. 17, с. 188].
240. **Лы́ско** – нечистая сила, живущая в доме [СРГК, т. 3, с. 164].
241. **Ляд** – злой дух, бес, нечистый. Чёрт. Домовой. Леший [СРНГ, т.17, с. 259].
242. **Ма́вка** – девочка, умершая некрещёной и превратившаяся послесмерти в русалку [СРНГ, т. 17, с. 287].
243. **Ман** – нечистый дух, живущий в доме, бане или на колокольне [СРНГ, т. 17, с. 354].

244. **Манілко** – домовый, нечистый дух [СРНГ, т. 17, с. 360].
245. **Маніло** – мифическое существо, которым пугали детей [СГРС, т. 7, с. 236].
246. **Ма́ра** – существо женского пола, обитающее в доме, которое ночью допрядает то, что оставлено недопрядённым, причём путает и рвёт кудель и пряжу [ОСВГ, т. 6, с. 19].
247. **Марда́с** – мифологическое существо типа домового, оставляющее синяки на теле человека [СГРС, т. 7, с. 239].
248. **Ма́ртушка** – нечистая сила, обитающая в воде [СРГЮП, т. 2, с.59].
249. **Мару́шка** — фантастическое существо, незаметно похищающее вещи [СРНГ, т. 17, с. 377].
250. **Ма́тица-доброхо́тица** – сверхъестественное существо, добрый дух, живущий в доме [СВГ, т. 4, с. 74].
251. **Ма́тушка-домова́я** – мифологическое существо, живущее в доме [СГРС, т. 7, с. 254].
252. **Ма́тушка-подворёнка** – мифологическое существо, живущее на скотном дворе [СГРС, т. 7, с. 254].
253. **Медвѣ́дко** – мифологический персонаж, который давит по ночам [ОСВГ, т. 6, с. 33].
254. **Медвѣ́душка** – мифическое животное, охраняющее скот [СГРС, т. 7, с. 260].
255. **Медѣ́ница** – мифическое существо в виде женщины в красном сарафане [СГРС, т. 7, с. 261].
256. **Мека** – нечистый дух, которым пугают детей в темноте [ССГ, т. 6, с. 92].
257. **Ме́льник** — водяной, живущий, под колесами мельницы, принимающий вид красивой женщины или белой собаки [СРНГ, т. 18, с. 104].

258. **Ме́льничны́й** – злой дух, обитающий в доме, воде и т. п. [СРНГ, т. 18, с. 105].
259. **Мила́к** – домовый [СРНГ, т. 18, с. 159].
260. **Мотови́лиха** – мифическое существо, «контролирующее» количество пряжи [СРГС, т. 7, с. 342].
261. **Мохна́тка** – мифическое существо, которым пугали детей [СГРС, т. 7, с. 346].
262. **Мохна́ч** — домовый [СРНГ, т. 18, с. 310].
263. **Мохово́й** — злой дух, живущий в моховых болотах [СРНГ, т. 18, с. 312].
264. **Мужичо́к** – леший [СРНГ, т. 18, с. 334].
265. **Му́ка** – мифическое существо, которым пугали детей. Запугивали букой да мукой [СГРС, т. 7, с. 355].
266. **Мяки́льница** – дух плодородия и достатка, обитающий в помещении, где хранится мякина [СРНГ, т. 19, с. 77].
267. **Навно́й** – домовый [СРНГ, т. 19, с. 170].
268. **Неве́домый** – леший [СРНГ, т. 20, с. 329].
269. **Него́дные** – нечистая сила; черти, лешие [СРНГ, т. 20, с. 374].
270. **Некрещёны́й** – леший [СРНГ, т. 21, с. 65].
271. **Неспи́ха** – мифологический персонаж, вредящий беременным женщинам [ОСВГ, т. 6, с. 238].
272. **Не́чисть ба́нная** – нечистая сила, злой дух, который живёт в бане [СВГ, т. 5, с. 109].
273. **Норово́юшко** – домовый [СВГ, т. 5, с. 112].
274. **Носа́к** – мифологическое существо, способное приносить молоко [СРГК, т. 4, с. 43].
275. **Оба́нак** – чёрт, леший [СРНГ, т. 21, с. 348].
276. **Обана́т** – чёрт, леший [СРНГ, т. 21, с. 348].

277. **Обдері́ха** – женщина – злой дух, живущий в бане, вид домового [СРНГ, т. 22, с. 22].
278. **Обла́м** – нечисть; домовый [СРНГ, т. 22, с. 84].
279. **Обло́м** – нечистая сила, злой дух, домовый, который портит, «обламывает» лошадей, а иногда и людей [СРНГ, т. 22, с. 108].
280. **Обме́н** – ребёнок лешего, черта, подмененный на человеческого дитя [СРНГ, т. 22, с. 123].
281. **Ови́нник**– домовый, живущий в овине [СРНГ, т. 22, с. 299].
282. **Ови́нница** – дух, обитающий в овине [СРНГ, т. 22, с. 299].
283. **Ови́нничиха** – дух, обитающий в овине [СРНГ, т. 22, с. 299].
284. **Ови́нушко** – дух, обитающий в овине [СРНГ, т. 22, с. 299].
285. **Ови́нщик** – мифическое существо, домовый в овине [ССГ, т. 7, с.148].
286. **Огору́дница** – мифическое существо, обитающее в огороде [СРГЮП, т. 2, с. 221].
287. **Озереві́к**–хозяин озера, водяной [СРНГ, т. 23, с. 90].
288. **Озерно́й**–чёрт, живущий в озёрах [СРНГ, т. 23, с. 92].
289. **Ому́тник** – дух, обитающий в речных и озерных ому́тах [СРНГ, т. 23, с. 207].
290. **Ому́тница** – дух, живущий в речных и озерных ому́тах [СРНГ, т.23, с. 207].
291. **Ому́тно́й** – дух, живущий в речных и озерных ому́тах [СРНГ, т.23, с. 207].
292. **Он и ён** – табуистическое наименование чёрта, дьявола, домового [СРНГ, т. 23, с. 213].
293. **Онго́н** – божество, дух, покровительствующий домашним животным [СРНГ, т. 23, с. 214].
294. **Оні́** – табуистическое наименование чертей, домовых, леших и т.п. [СРНГ, т. 23, с. 215].

295. **Оны и ёны** – табуистическое наименование чертей, домовых, леших и т.п. [СРНГ, т. 23, с. 228].
296. **Оса́д** – домовый [СРНГ, т. 23, с. 350].
297. **Па́мха** – чёрт, леший [СРНГ, т. 25, с. 187].
298. **Па́рница** – мифологический женский персонаж в бане [ОСВГ, т.7, с. 205].
299. **Пастён** – домовый; нечистый дух, давящий, по народному поверью, человека во сне [СРНГ, т. 25, с. 262].
300. **Пережи́нница** – дух в образе женщины в рубашке сраспущенными волосами, которая якобы сжинает чуткую рожь [СРНГ, т. 26, с. 106].
301. **Печа́я**– мифологическое существо, хозяйка печи [СРНГ, т. 26, с. 346].
302. **Печно́й хозя́ин** – домовый [СРНГ, т. 27, с. 9].
303. **Погребни́ца-пыхте́лка** – злой дух, обитающий в погребе и пожирающий детей [СРНГ, т. 27, с. 312].
304. **Подови́нник** — нечистый дух, бес, живущий (в ямах) под овином; домовый [СРНГ, т. 28, с. 109].
305. **Подови́нный** – злой дух, нечистая сила, обитающие под овином; домовый [СРНГ, т. 28, с. 109].
306. **Подпе́чник** – домовый [СРНГ, т. 28, с. 135].
307. **Подпо́ляник** – дух, живущий в подполье [СРНГ, т. 28, с. 145].
308. **Полднево́й** – домовый, появляющийся в полдень [СРНГ, т. 29, с. 43].
309. **Полеви́к** – дух, живущий в поле [ОСВГ, т. 8, с. 117].
310. **Полёсовик** – леший [СРНГ, т. 29, с. 59].
311. **Полуде́нный домово́й** – домовый, действующий в дневное время (в полдень) [СРНГ, т. 29, с. 143].

312. **Полудница** – мифологическое существо, живущее в доме или в бане, в воде, в лесу и т.п. [ОСВГ, т. 8, с. 131].
313. **Полно́чна** – мифологический персонаж, появляющийся в полночь [СРГЮП, т. 2, с. 395].
314. **Полуно́чник** – домовый, который в полночь обходит всю деревню и возится по задворкам [СРНГ, т. 29, с. 156].
315. **Полно́чница** – мифологический персонаж, появляющийся в полночь [ОСВГ, т. 8, с. 132].
316. **Полно́шница** – нечистый дух, появляющийся в полночь и беспокоящий спящих детей [СРНГ, т. 29, с. 157].
317. **Поля́нница** – злой дух, живущий в полях, на земле [СРНГ, т. 29, с. 190].
318. **Поля́ха** – жена духа полей [СРНГ, т. 29, с. 192].
319. **Постён** – домовый, нечистый дух [СРНГ, т. 30, с. 225].
320. **Постёнъ** – домовый, нечистый дух, якобы давящий спящего человека [СРНГ, т. 30, с. 225].
321. **Пополудница** – дух, охраняющий огороды, поля [СРНГ, т. 29, с. 333].
322. **Похозья́йственник** – мифологически персона (домовой), функционально связанный со скотом (вредит или оберегает) [БТСДК, с. 413].
323. **Пра́ведный** – леший [СРНГ, т. 31, с. 52].
324. **Прива́л** – домовый, домовик [СРНГ, т. 31, с. 128].
325. **Притчу́н** – мифическое существо, приносящее вред беременным женщинам [СВГ, т. 6, с. 68].
326. **Прокля́нный** – леший, водяной, живущий в камышах [СРНГ, т. 32, с. 159].
327. **Про́клятый** – нечистая сила [СРНГ, т. 32, с. 160].
328. **Пря́ха** – сверхъестественное существо женского пола, которое поночам прядёт, путает пряжу [СВГ, т. 6, с. 106].

329. **Пу́жанка** – домовый, нечистая сила, дьявол [СРНГ, т. 33, с. 111].
330. **Пыхтёлка** – сверхъестественное существо, дух, привораживающий, заманивающий человека в лес [СВГ, т. 6, с. 116].
331. **Рейский** – дух, живущий в риге, гумне [СРНГ, т. 35, с. 44].
332. **Рековой** – речной дух, водяной [СРНГ, т. 35, с. 45].
333. **Ржаница** – мифическое существо в цветущей или поспевающей ржи [СВГ, т. 8, с. 56].
334. **Ригачник / рига́шник** – сверхъестественное существо, обитающее в риге, овине [СРНГ, т. 35, с. 101].
335. **Рижаник** – дух, обитающий в риге [СРНГ, т. 35, с. 102].
336. **Рижница** – сверхъестественное существо, хозяйка риги [СВГ, т. 8, с. 56].
337. **Родимец** – нечистая сила, черт, домовый [СРНГ, т. 35, с. 133].
338. **Росомáга / росомáха** – один из огородных духов, которыми пугали маленьких [СРГЮП, т. 3, с. 47].
339. **Русáлка** – водяной [СРГК, т. 5, с. 584].
340. **Русла́нка** – русалка [СРГК, т. 5, с. 583].
341. **Русомáга** – один из огородных духов, которыми пугали маленьких [СРГЮП, т. 3, с. 54].
342. **Ры́жный** – нечистая сила, обитающая в риге и способная превращаться в домашних животных [СРНГ, т. 35, с. 306].
343. **Садоло́м** – нечистая сила, домовый [СРНГ, т. 36, с. 35].
344. **Сам** – домовый [СРНГ, т. 36, с. 72].
345. **Са́ма** – домовый [СРНГ, т. 36, с. 72].
346. **Сара́юха** – мифологическое существо, живущее в сарае [СВГ, т. 9, с. 94].
347. **Сатайла** – о чёрте, дьяволе, лешем [СРНГ, т. 36, с. 150].
348. **Сатана́** – нечистая сила, леший, живущий в болоте [СРНГ, т. 36, с. 150].

349. **Свя́тки** – черти, водяные и т.п. [СРНГ, т. 36, с. 343].
350. **Се́душко-букáнушко** – домовой [СРНГ, т. 37, с. 119].
351. **Секуни́ха** – сверхъестественное существо, охраняющее огород [СРНГ, т. 37, с. 128].
352. **Се́ндушный** – леший [СРНГ, т. 37, с. 163].
353. **Сенно́й** – домовой [СРНГ, т. 37, с. 167].
354. **Сеси́льный** – сказочное существо, живущее в лесу – леший [СРНГ, т. 37, с. 232].
355. **Синеобра́зный** – с тёмной кровью (о леших, водяных и др. нечистой силе) [СРНГ, т. 37, с. 326].
356. **Ско́тный корми́лец** – домовой, который ухаживает за скотом [СРНГ, т. 38, с. 117].
357. **Скотно́й сусе́дка** – дух, живущий на скотном дворе [СРНГ, т. 38, с. 117].
358. **Соломи́я-ба́бушка** – мифический персонаж, банный дух [СПГ, т.1, с. 14].
359. **Сосе́д** – домовой [СРНГ, т. 40, с. 41].
360. **Сосе́дка** – женщина-домовой [СРНГ, т. 40, с. 41].
361. **Сосе́дко** – домовой [СРНГ, т. 40, с. 41].
362. **Сосе́душка** – домовой. Соседушка-буканушка [СРНГ, т. 40, с. 42].
363. **Сосе́душко** – домовой [СРНГ, т. 40, с. 42].
364. **Сусе́д** – домовой [СРНГ, т. 42, с. 295].
365. **Сусе́диха** – домовой [СРНГ, т. 42, с. 295].
366. **Сусе́дка** – домовой [СРНГ, т. 42, с. 295].
367. **Сусе́душка** – домовой [СРНГ, т. 42, с. 297].
368. **Сусе́душка-бакáнушка (букáнушка)** – эпитет домового, обращение к домовому [СРНГ, т. 42, с. 297].

369. **Суседушка-буредушка** – обращение к домовому [СРНГ, т. 42, с.297].
370. **Суседушко** – домовый [СРНГ, т. 42, с. 297].
371. **Стень и стинь** – домовый, нечистый дух [СРНГ, т. 41, с. 137].
372. **Стога́фья** – мифическое существо, якобы живущее в стогу [СВГ, т. 10, с. 122].
373. **Страхила́т** – мифическое существо, домовый [СРНГ, т. 41, с.291].
374. **Страхила́тка** – мифическое существо, устрашающее своим видом [СРНГ, т. 41, с. 291].
375. **Стри́га** – домовый [СРНГ, т. 41, с. 339].
376. **Стриж** – мифическое существо в виде птицы, которое живёт в хлеву и выстригает шерсть у животных [СРНГ, т. 42, с. 5].
377. **Сутóрма** – мифическое существо [СРНГ, т. 42, с. 319].
378. **Туруса́лка** – мифическое существо в образе женщины, приносящее несчастье [СВГ, т. 11, с. 77].
379. **Уде́льница** – мифическое существо в виде женщины с чёрными распущенными волосами, живущей во ржи, которая причиняет вред ещёне рождённым или маленьким детям, вызывает болезнь родимец [СРНГ, т. 46, с.290].
380. **Ужа́к** – мифическое существо, живущее во дворе дома [БТСДК, с. 540].
381. **Ужа́ка** – мифологический персонаж, хозяйка во дворе [БТСДК, с.540].
382. **Ужа́чка** – мифическое существо, живущее во дворе дома [СРНГ, т. 46, с. 331].
383. **Уку́н** – злой или добрый дух, обитающий в охотничьих угодьях [СРНГ, т. 47, с. 104].
384. **Упы́рь** – дух, обитающий в домах [СРНГ, т. 47, с. 306].
385. **Ха́ма** – домовый [СВГ, т. 11, с. 177].

386. **Хітніца** — мифологическое существо, обитающее в хозяйственной части дома [СВГ, т. 11, с. 185].

387. **Хозяйка** — мифическое существо женского пола, обитающее в доме. Мифическое существо женского пола, которое прядёт по ночам [СВГ, т. 11, с. 199].

388. **Хозяин** — мифическое существо, обитающее в доме, домовый или живущее во «дворе» и присматривающее за скотом [СВГ, т. 11, с. 189].

389. **Чертан** – нечистый дух [СРГЮП, т. 3, с. 351].

390. **Черташка** – русалка [СРГЮП, т. 3, с. 351].

391. **Шайтан** – о нечистом духе (лешем, реже банном, домовом) [СРГЮП, т. 3, с. 379].

392. **Шатун** – леший [ЯОС, т. 10, с. 71].

393. **Шелюкин**– водяной дух, живущий в проруби, но по ночам выходящий на лед [ОБКРН, с. 161].

394. **Шиликун** – нечистый дух, черт, домовый [СОВН, с. 568].

395. **Шуликин**– водяной [СРГЦРКК, т. 5, с. 152].

А Т Л А С
НОМИНАЦИЙ
ДОМОВЫХ, ВОДЯНЫХ И ЛЕШИХ

Москва – Истра
2021

Пояснительная записка.

Атлас номинаций домовых, водяных и леших построен по принципу максимально возможной локализации этих номинаций по территории РФ.

Локализация произведена по имеющимся в словарях ссылкам.

На всех картах рассматриваемые номинации духов показаны одинаковыми условными обозначениями: шрифтами, цвет которых соответствует «специальности» того или иного мифологического персонажа.

Домовые

Лешие

Водяные

На обзорной карте РФ показаны номинации, не имеющие хотя бы региональной локализации. Также туда включены номинации, относящиеся к Забайкальской области Российской Империи (ныне республика Бурятия почти целиком, Забайкальский край - целиком, части Амурской обл., Иркутской обл., республики Саха), и к Западной области РСФСР (1929-1937 гг) занимавшей территории современных Брянской и Смоленской обл. – целиком, Калужской и Тверской обл – их западные «половины», Псковской обл. – южная «половина». Номинации, не имеющие локализации даже размером с Сибирь, вынесены в легенду на этом же листе карты атласа.

На региональных картах показаны номинации, имеющие региональную и более дробную локализацию. Областные/губернские локализации выносятся в легенду, районные (уездные, волостные) оформлены в виде пунсонов с выноской подписей за границу региона, точечные (сельсовет, населённый пункт), а также локализации ныне упразднённых районов – в виде простого пунсона.

Архангельская обл. Представлена на двух листах карт атласа. На первом показаны областные/губернские локализации (в легенде), и

субрегиональные локализации «Северная Двина», и «Сольвычегодский у-д», (на территории которого ныне расположен целый ряд районов Архангельской и Кировской областей и республики Коми). На втором листе представлены районные и точечные локализации.

Также субрегиональная локализация «Средний Урал» вынесена в легенду на карте Свердловской обл., т.к. бóльшая часть Среднего Урала расположена именно на её территории, а также на территории Пермского края, севера респ. Башкирия и севера Челябинской обл.

На карте республики Саха (Якутия) пунсонами показаны крупнейшие старожильские поселения в локализациях «Колыма» и «Индибирка». На карте Прибалтики, на территории Эстонии – старообрядческие поселения Зачудья.

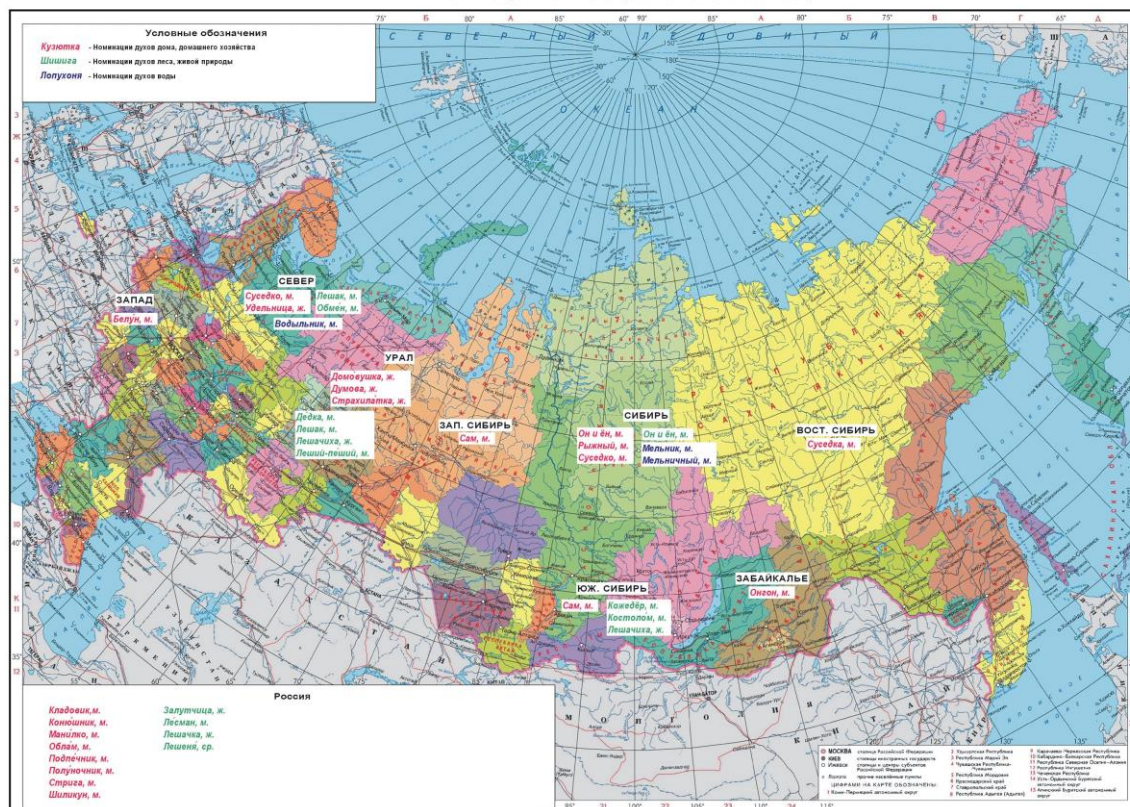
Подоснова карт – электронные копии «Географического атласа России» изд-во АСТ 2003г.

Оформление карт Атласа номинаций домовых, водяных и леших выполнено в отечественной ГИС «Панорама». Лицензионный договор №Л-58/15 от 04.06.2015. Карты подготовил инженер-геоморфолог, судебный эксперт Всеволод Дидимович Якушевич.

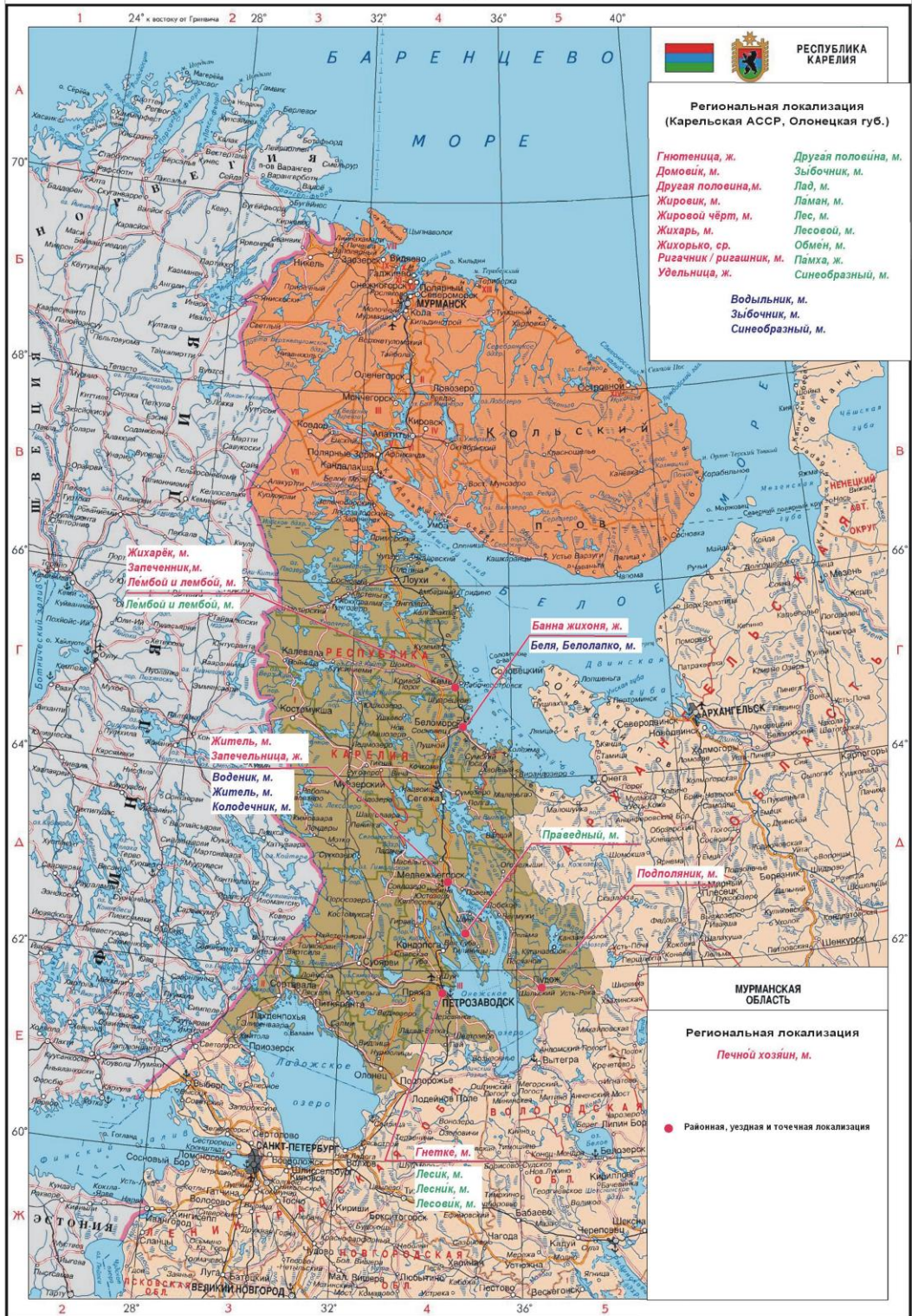
СОДЕРЖАНИЕ КАРТ АТЛАСА

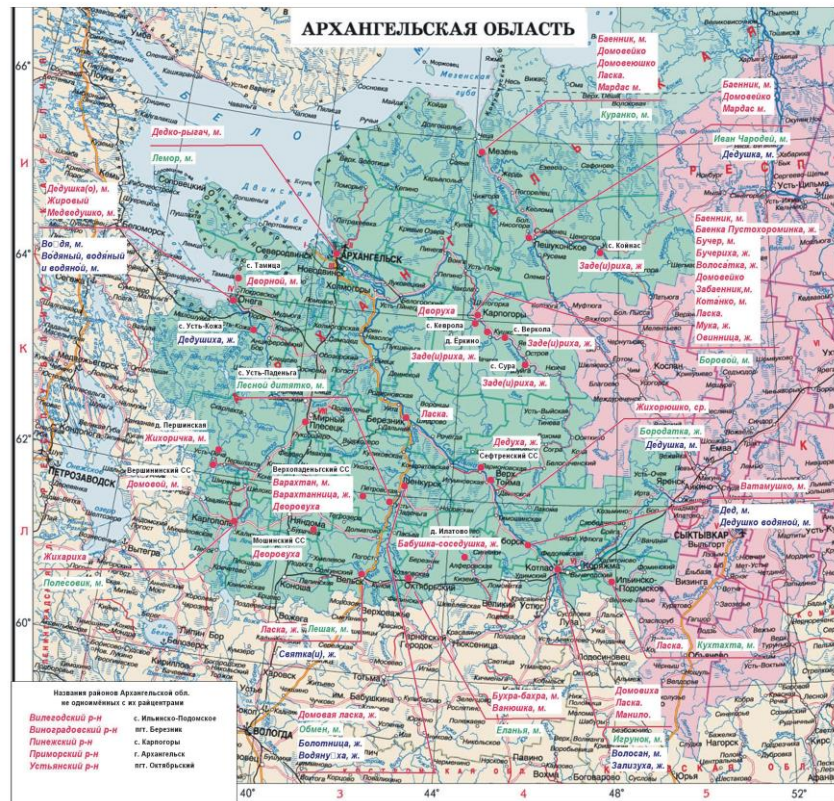
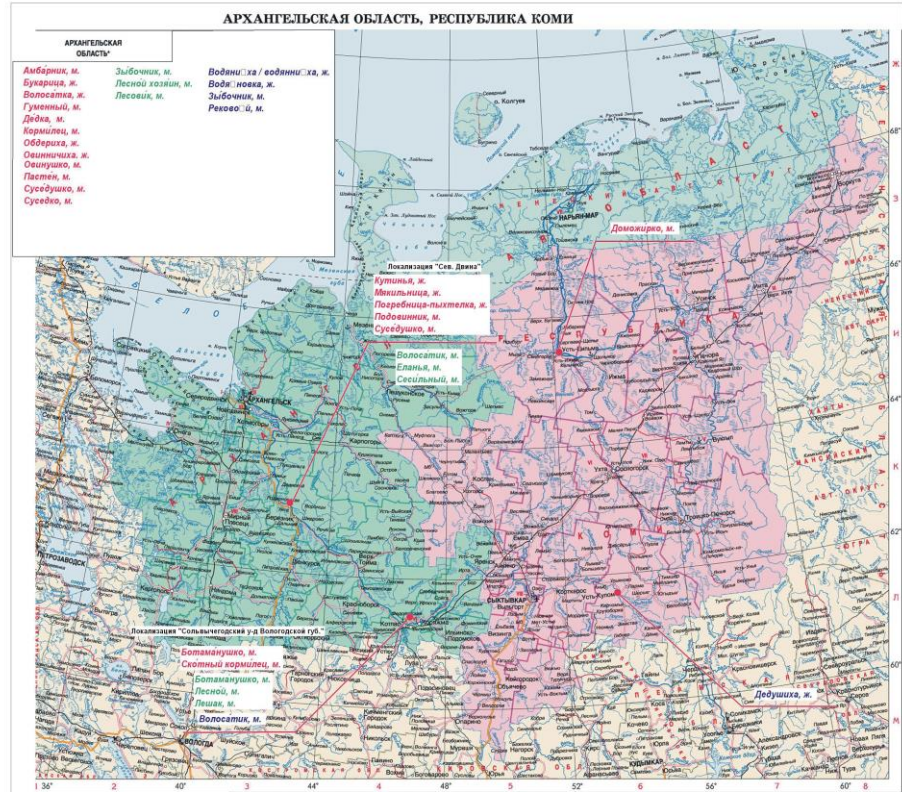
4. Обзорная карта РФ. Номинации, не имеющие чёткой локализации.
5. Республика Карелия, Мурманская область.
6. Архангельская область, Республика Коми.
7. Архангельская область.
8. Вологодская область.
9. Ленинградская, Новгородская, Псковская области, Санкт-Петербург, Калининградская область.
10. Московская, Смоленская, Тверская области.
11. Владимирская, Ивановская, Костромская, Ярославская области.
12. Брянская, Калужская, Орловская, Рязанская, Тульская области.
13. Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая, Тамбовская области.
14. Республика Марий-Эл, республика Мордовия, Нижегородская область, Чувашская республика – Чувашия.
15. Кировская область.
16. Республика Татарстан (Татарстан).
17. Пензенская, Самарская, Саратовская, Ульяновская области.
18. Волгоградская, Ростовская области.
19. Республика Адыгея (Адыгея), Кабардино-Балкарская республика, Карачаево-Черкесская республика, Краснодарский край, республика Северная Осетия – Алания, Ставропольский край.
20. Астраханская область, республика Калмыкия.
21. Пермская область, Удмуртская республика, Коми-Пермяцкий автономный округ.
22. Свердловская область.
23. Оренбургская область.

24. Тюменская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.
25. Новосибирская, Омская области.
26. Томская область.
27. Кемеровская область.
28. Красноярский край (юг), республика Тыва, республика Хакасия.
29. Республика Бурятия, Иркутская область, Усть-Ордынский Бурятский автономный округ, Читинская область, Агинский Бурятский автономный округ.
30. Республика Саха (Якутия).
31. Камчатская область, Корякский автономный округ.
32. Прибалтика.

РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ, МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

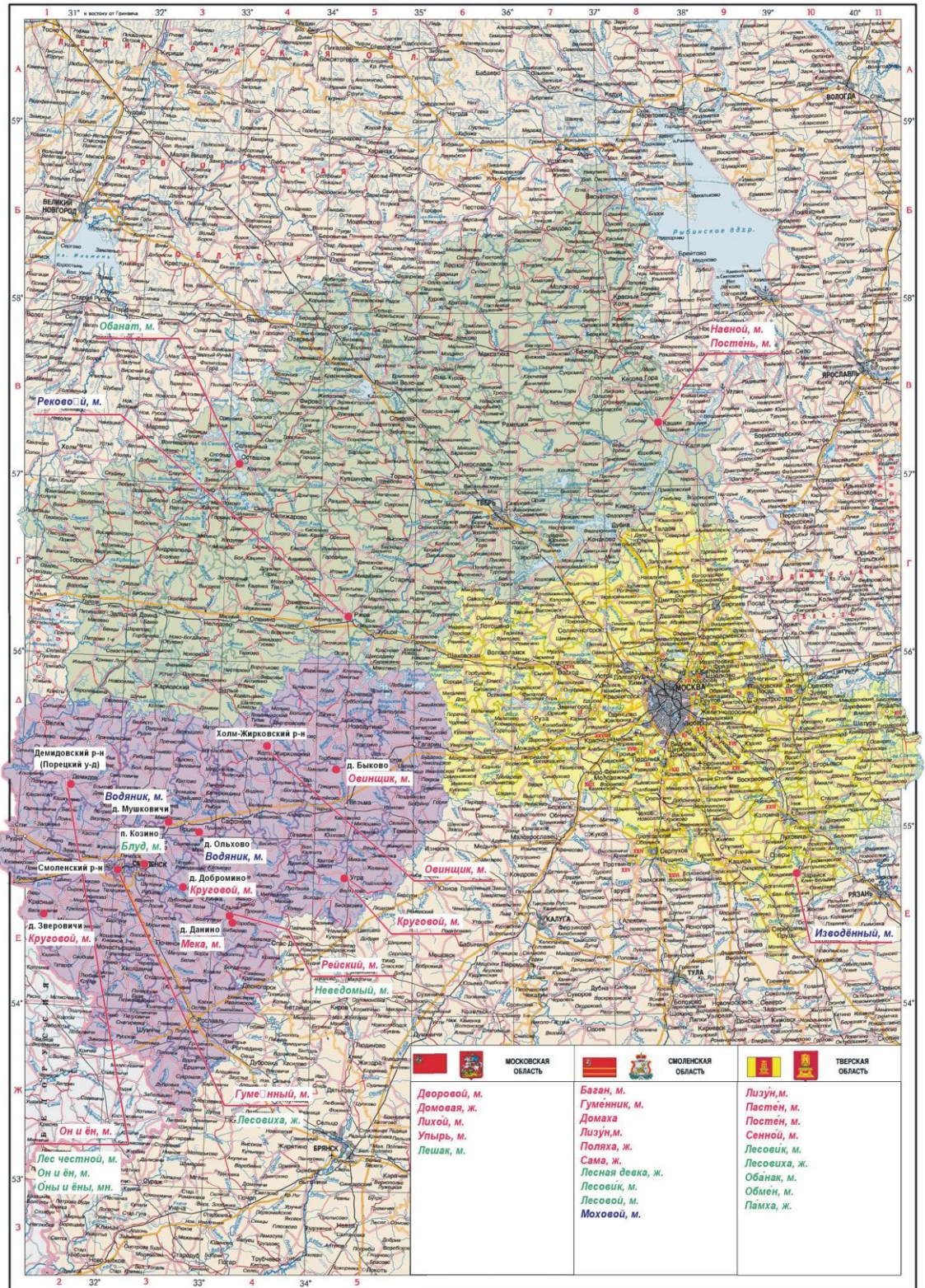

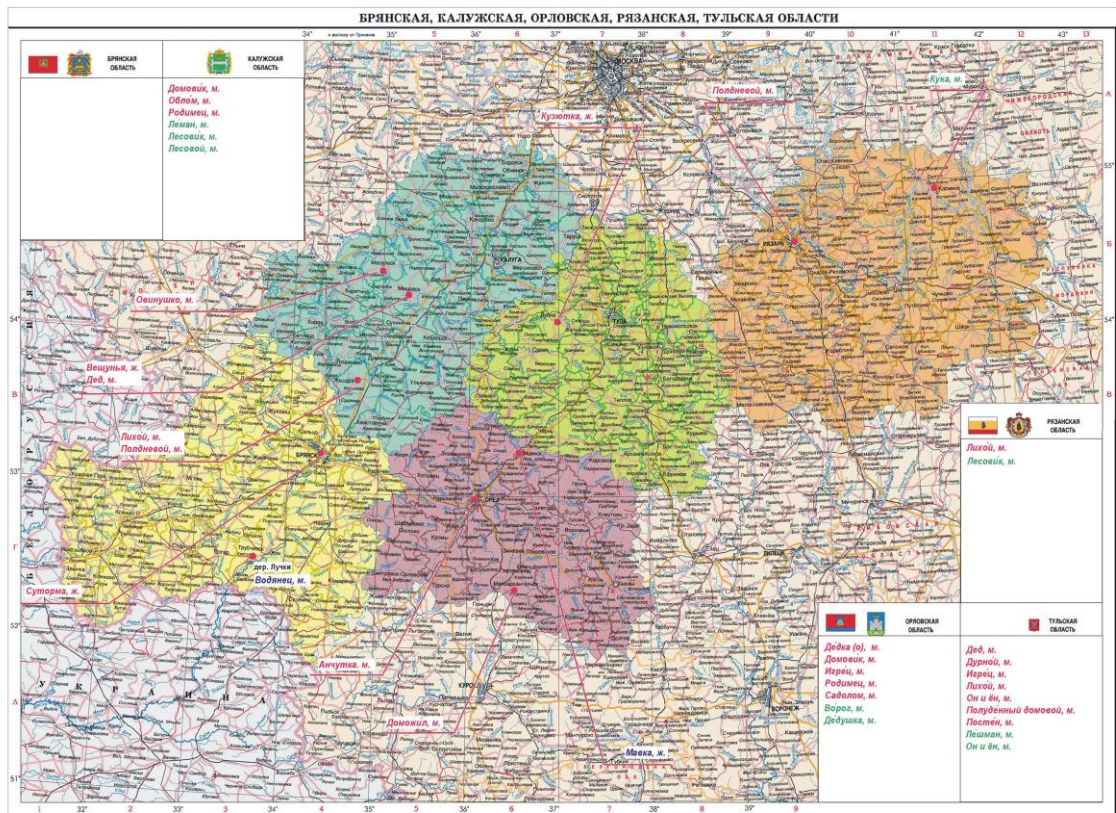
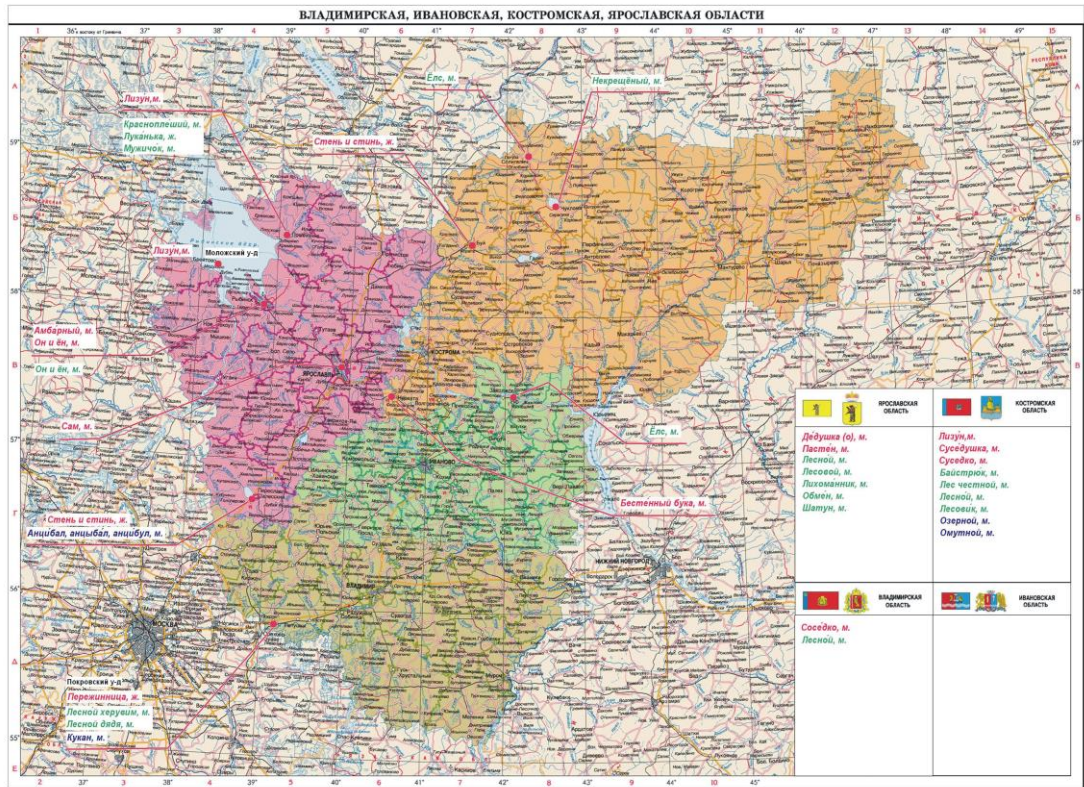
ЛЕНИНГРАДСКАЯ, НОВГОРОДСКАЯ, ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТИ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ,
КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ

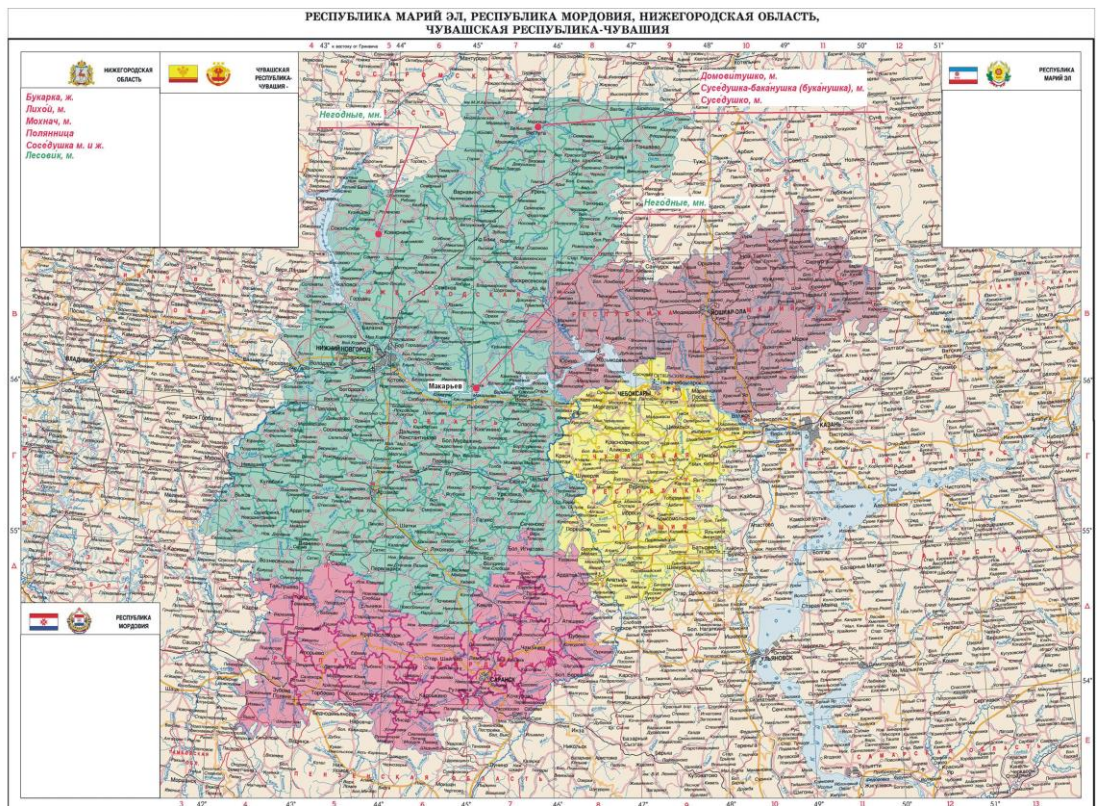
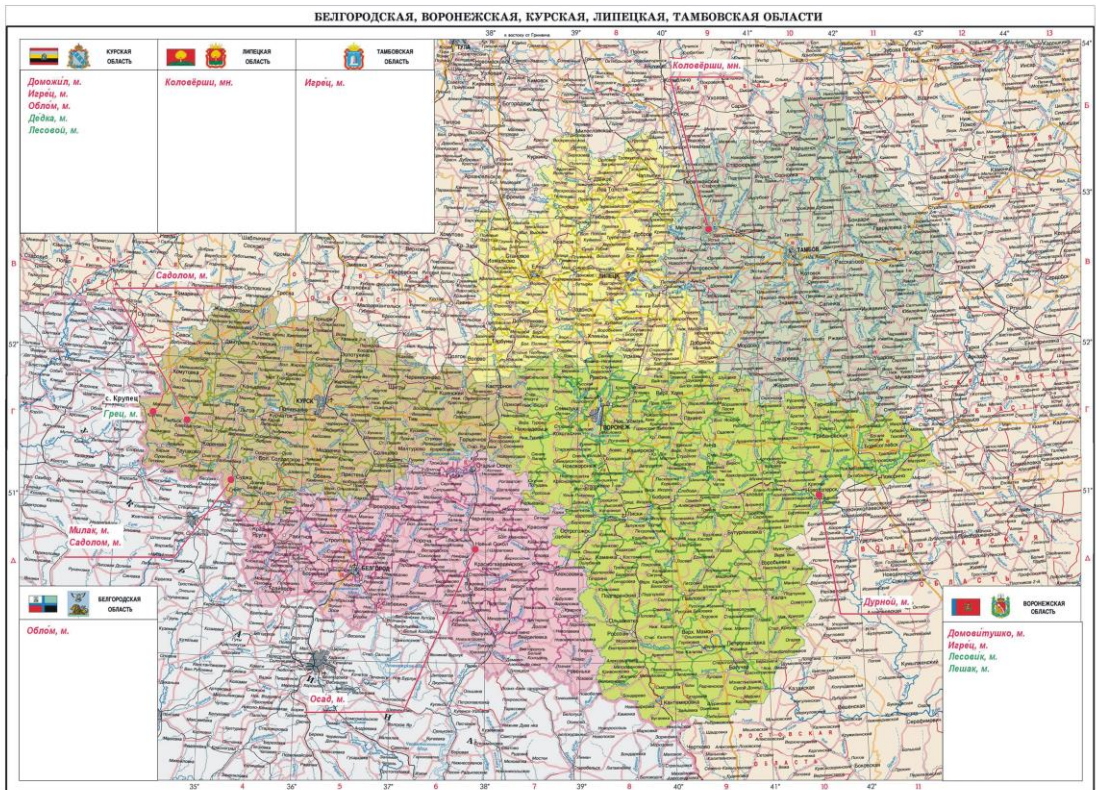

МОСКОВСКАЯ, СМОЛЕНСКАЯ, ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТИ

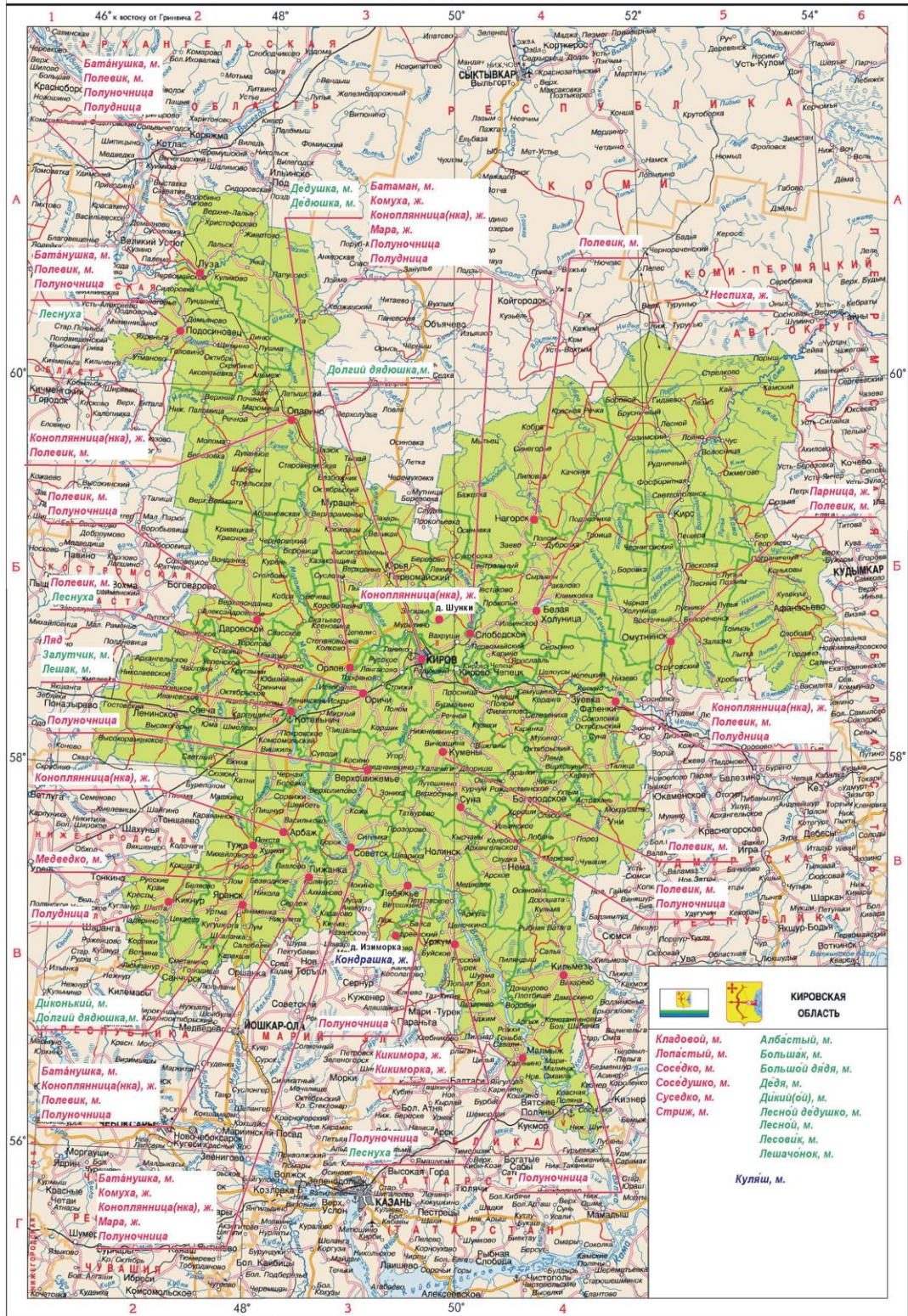

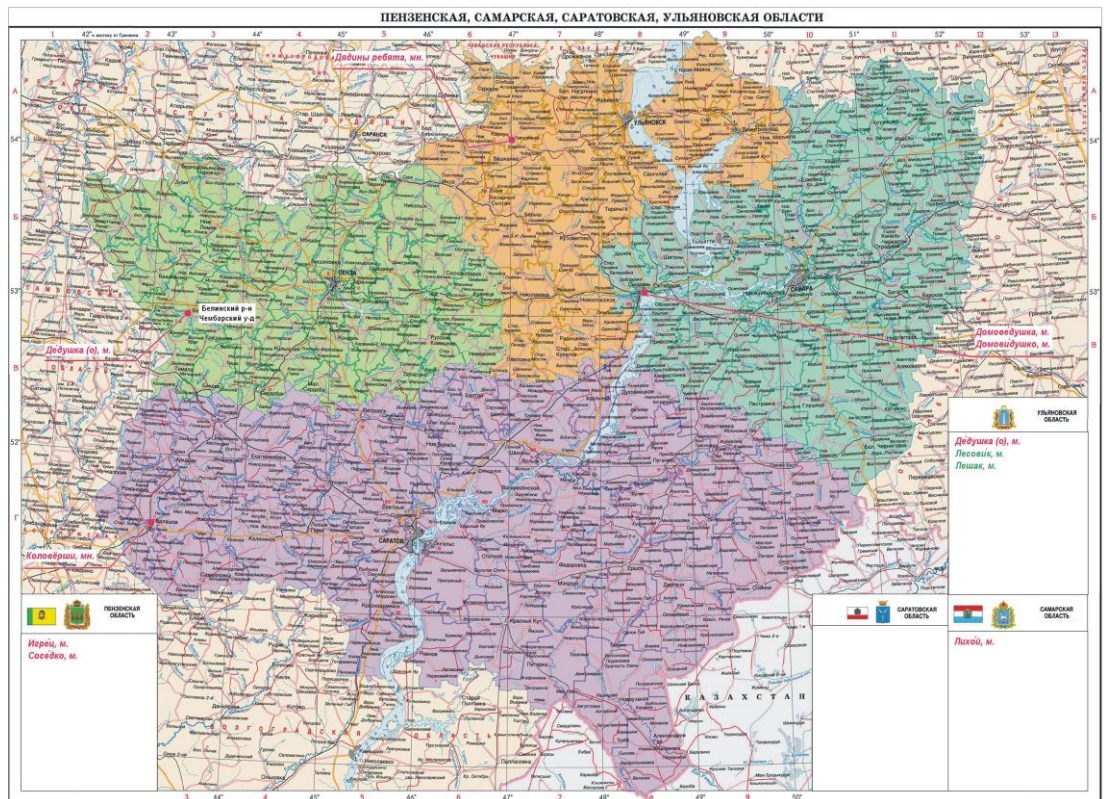
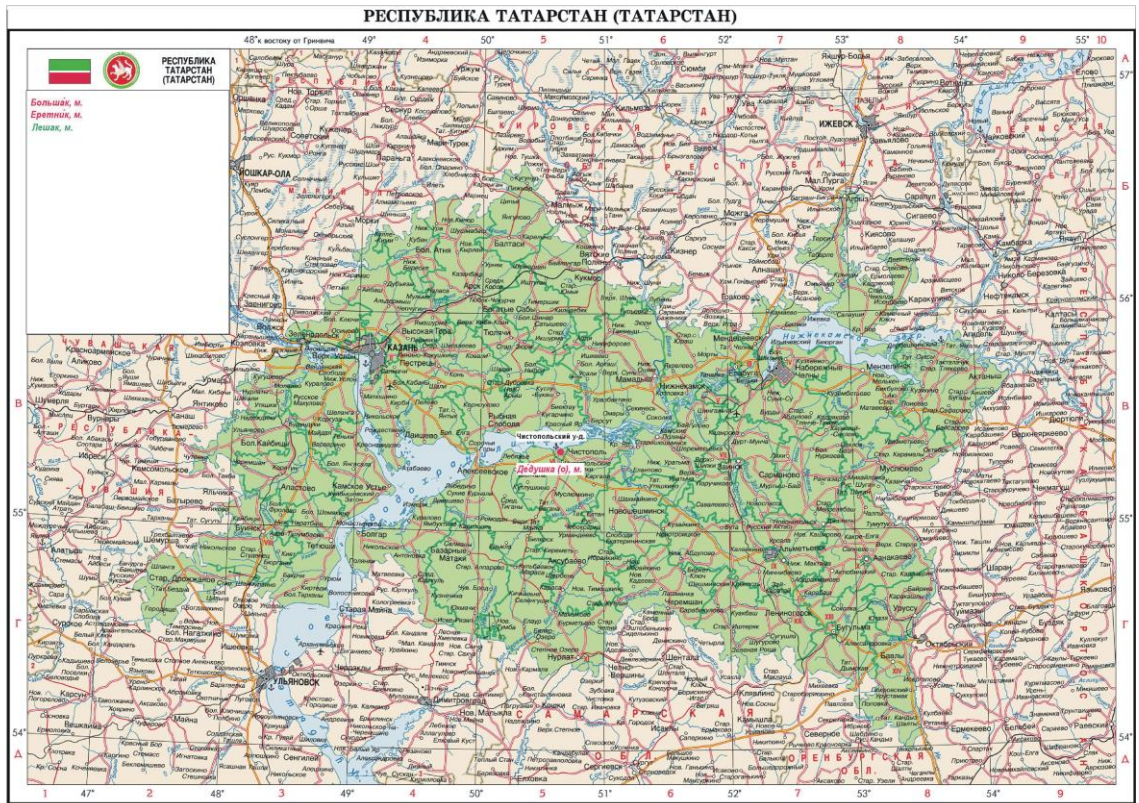
 МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ	 СМОЛЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ	 ТВЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ
Дворовой, м. Домовая, ж. Лихой, м. Упырь, м. Лешан, м.	Баган, м. Гуменики, м. Домаха Лизун, м. Поляха, ж. Сама, ж. Лесная девушка, ж. Лесовик, м. Лесовой, м. Моховой, м.	Лизун, м. Пастен, м. Постен, м. Сенной, м. Лесовик, м. Лесовиха, ж. Обмен, м. Памха, ж.

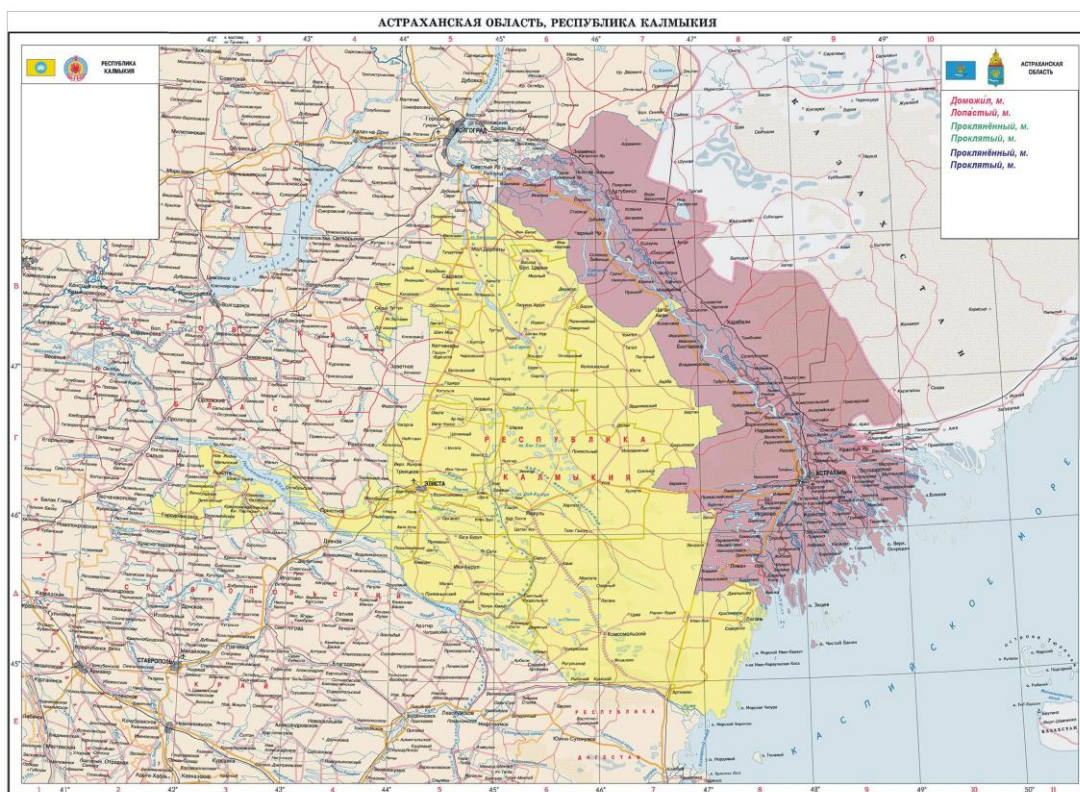

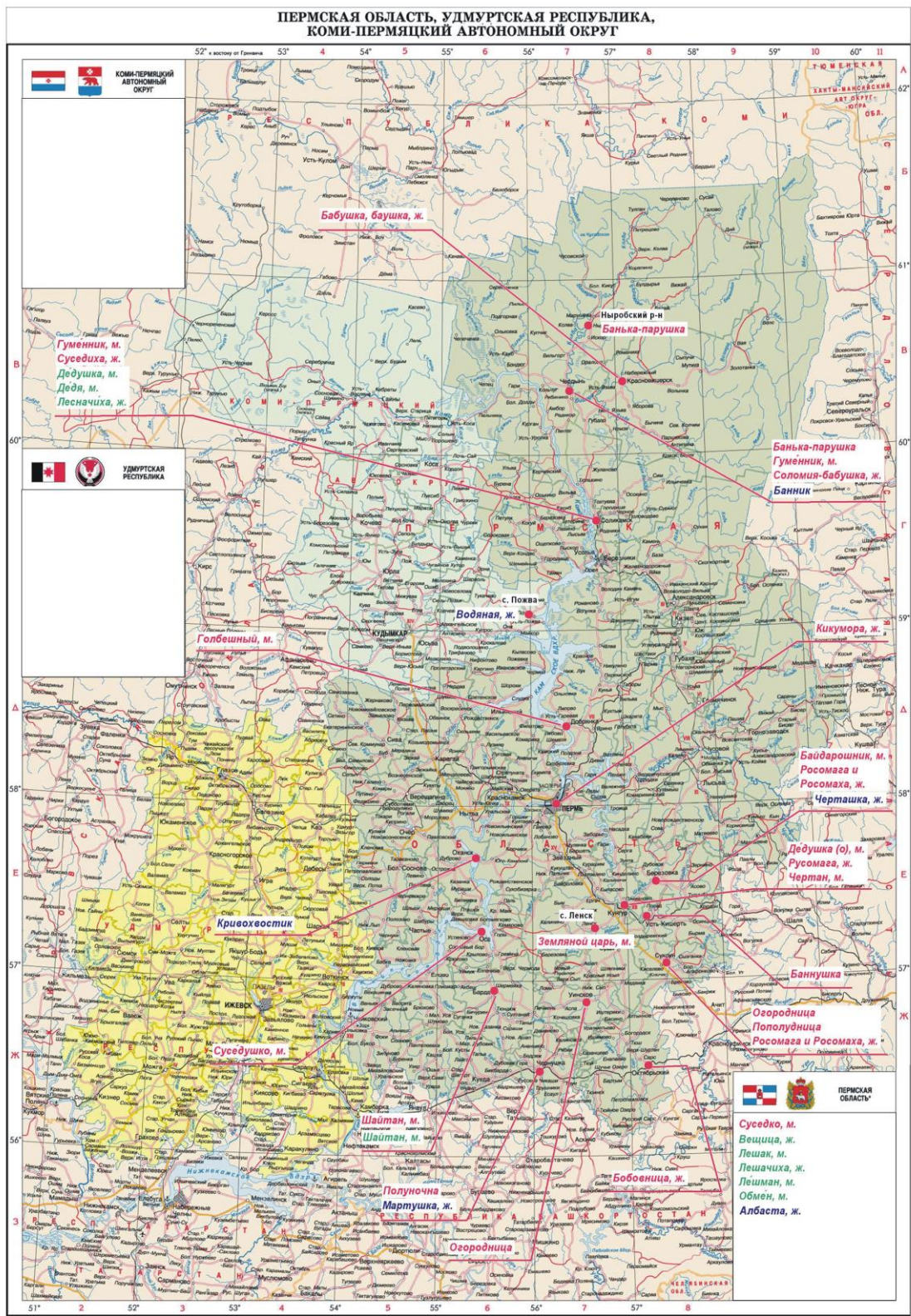

КИРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

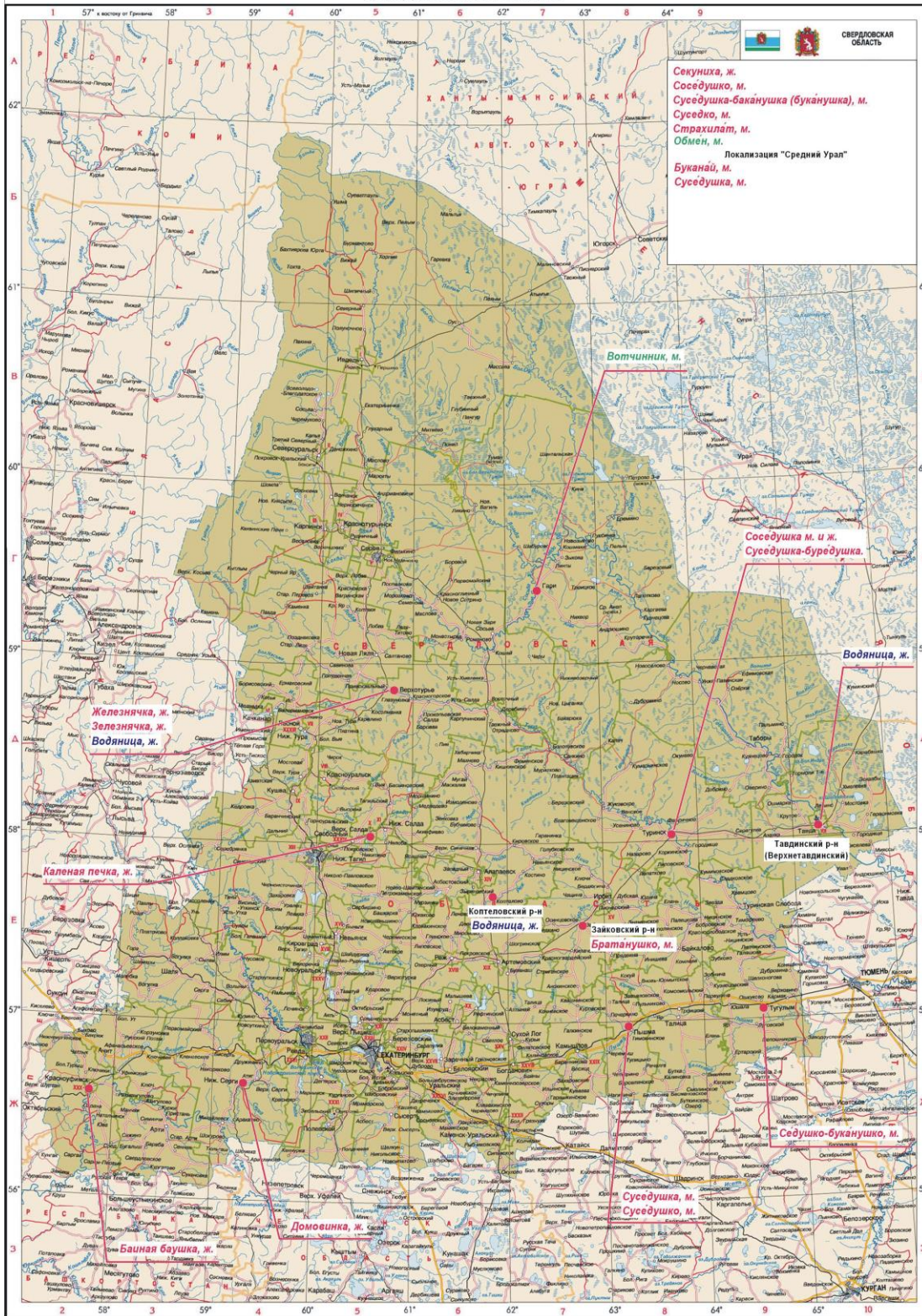

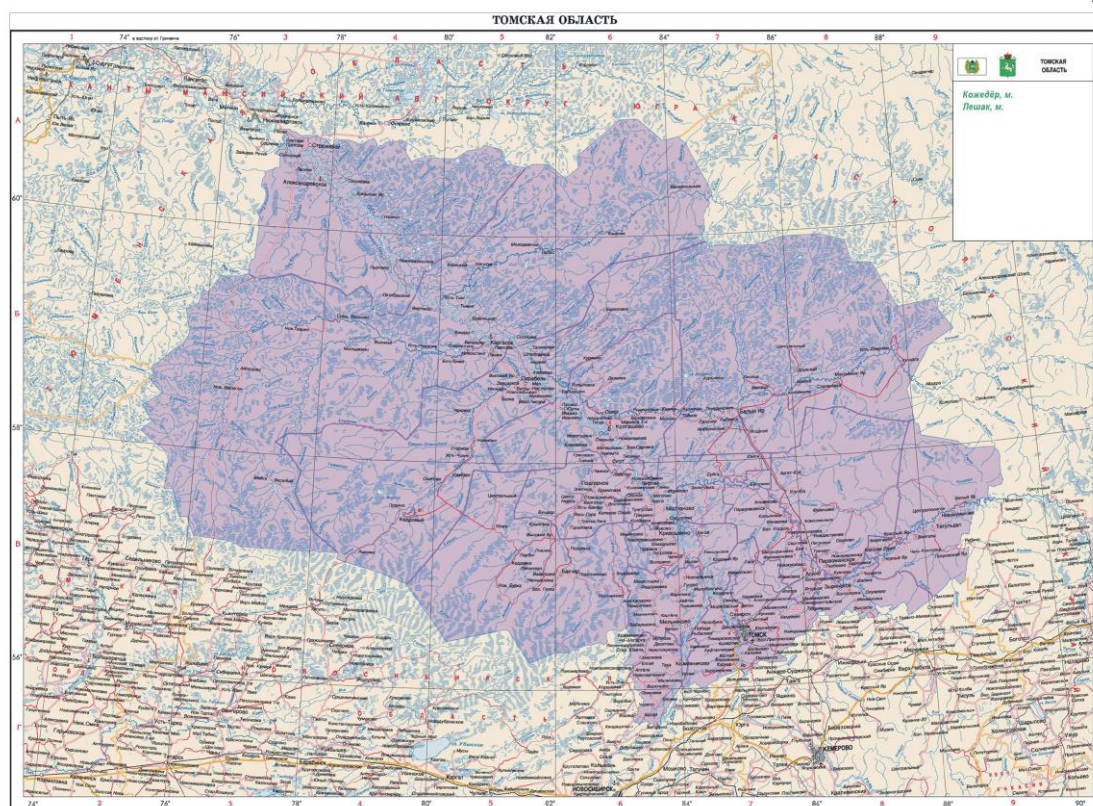
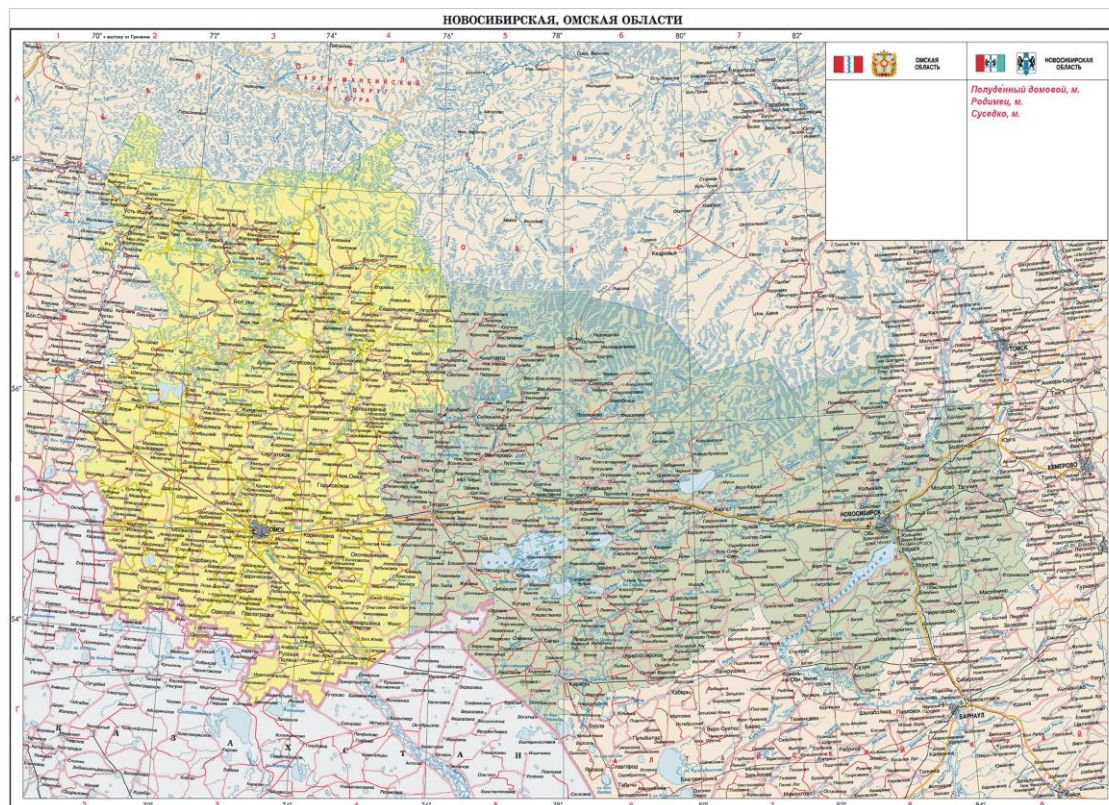
СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

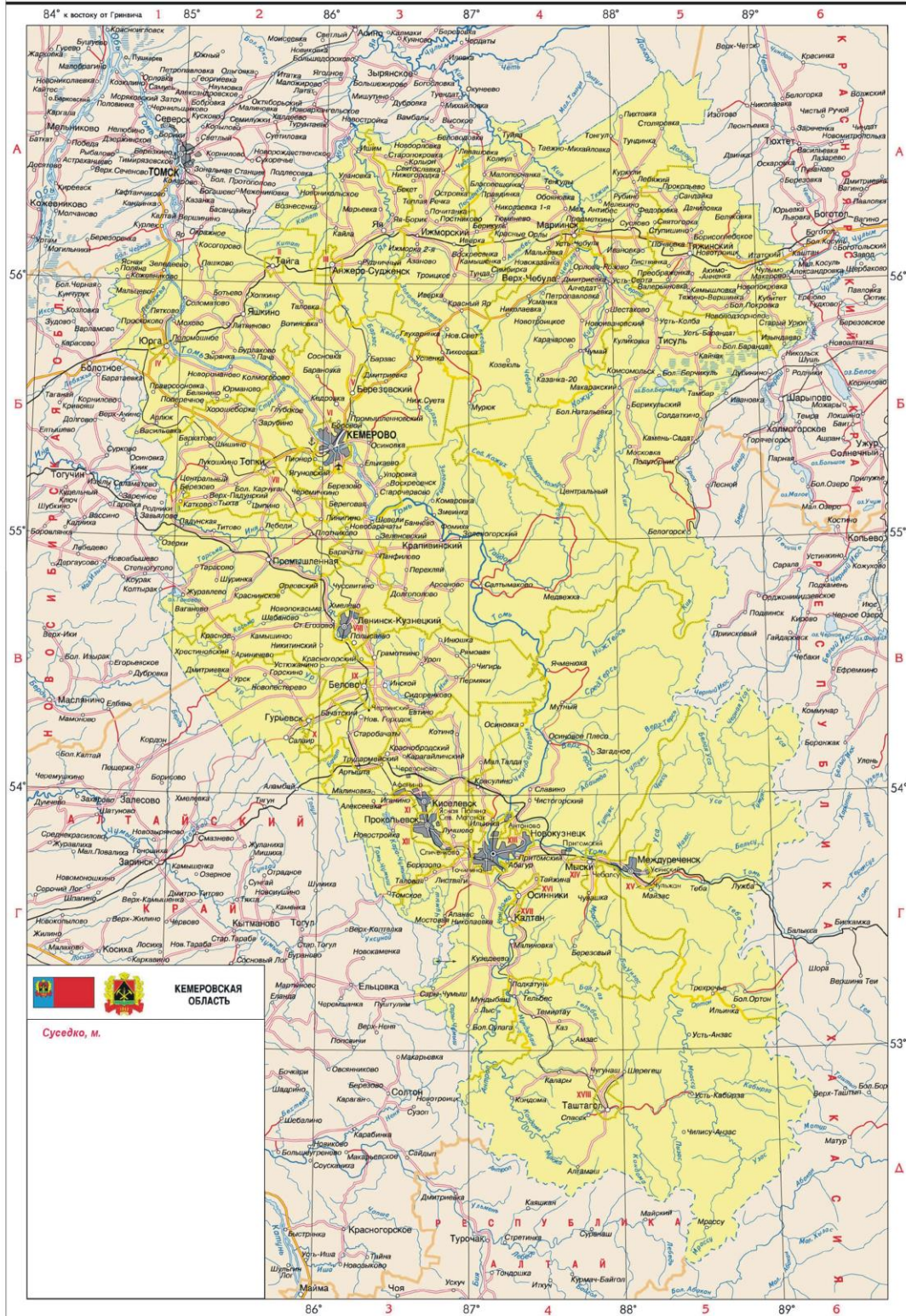
Секунича, ж.
Соседушко, м.
Соседушка-Баканушка (баканушка), м.
Суседко, м.
Страхилат, м.
Обмен, м.
Локализация "Средний Урал"
Буканай, м.
Суседушка, м.

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТЬ, ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ,
ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ – ЮГРА

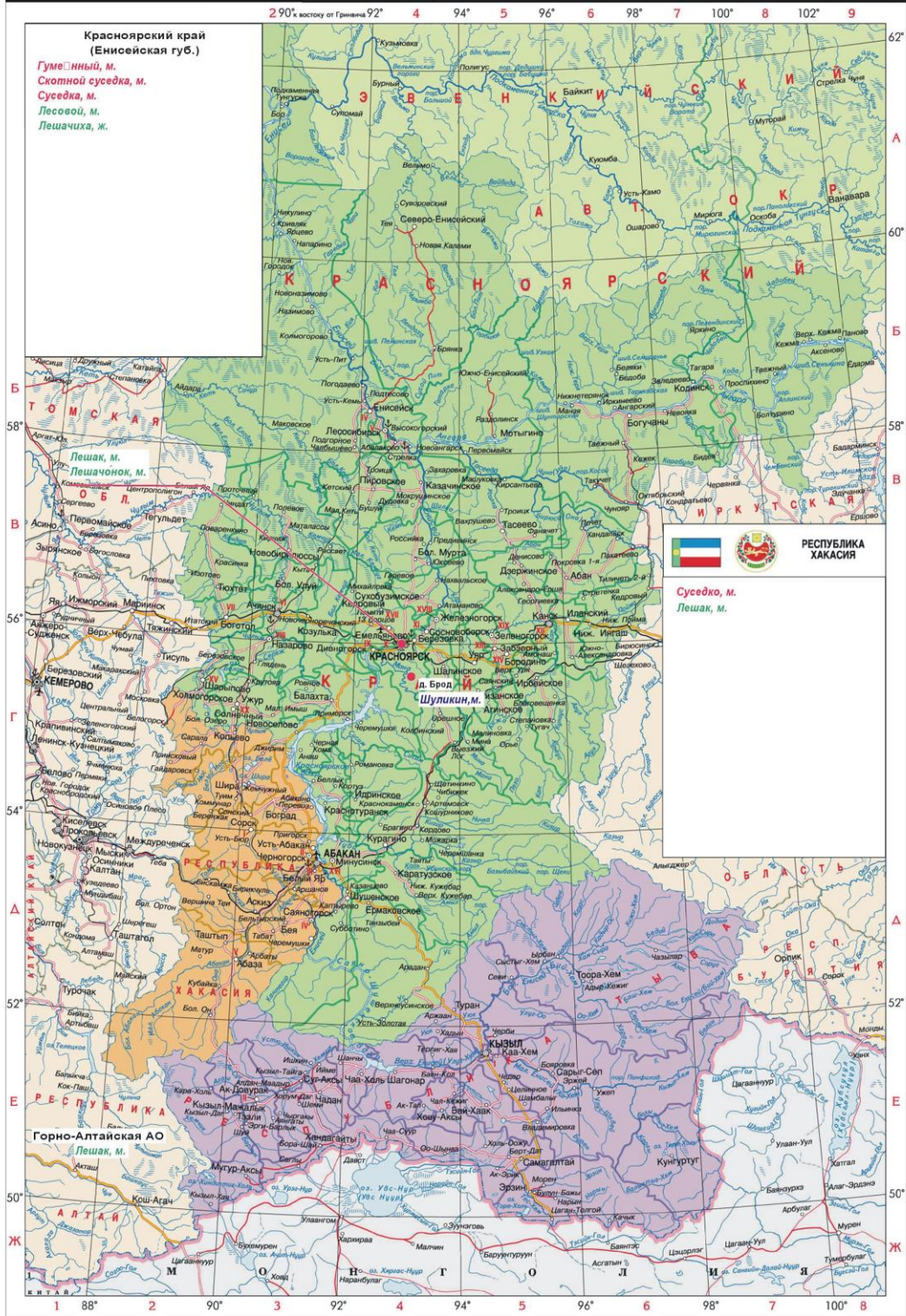

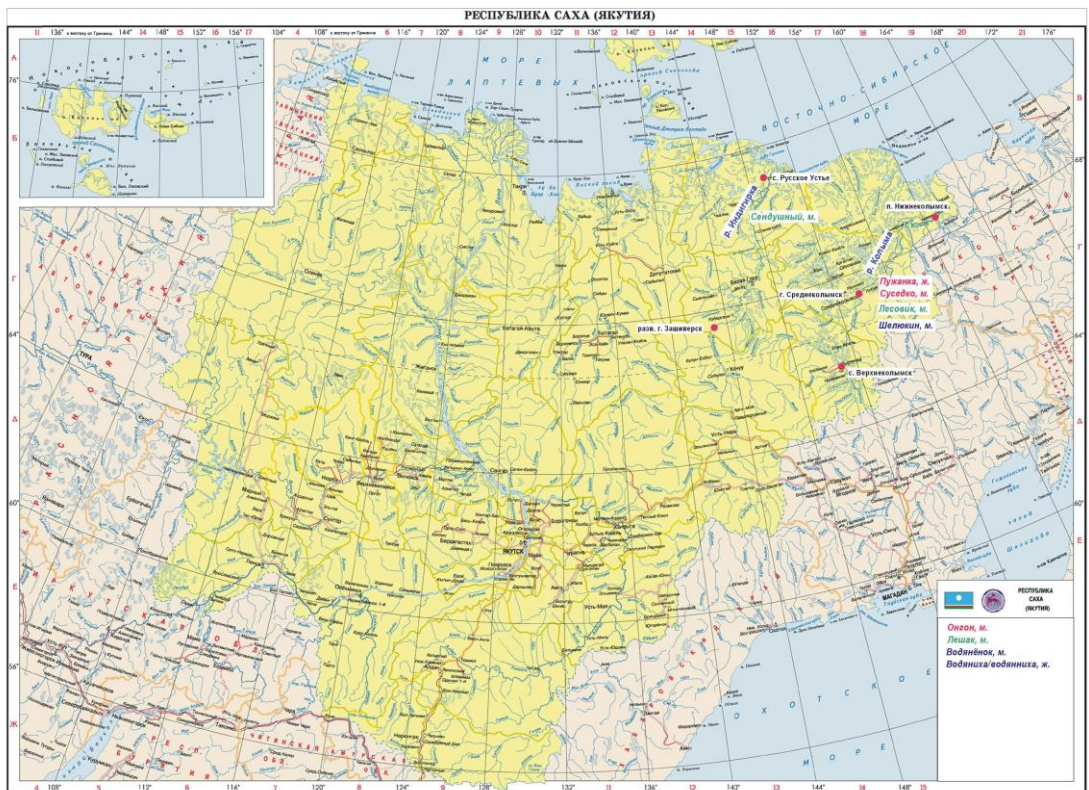
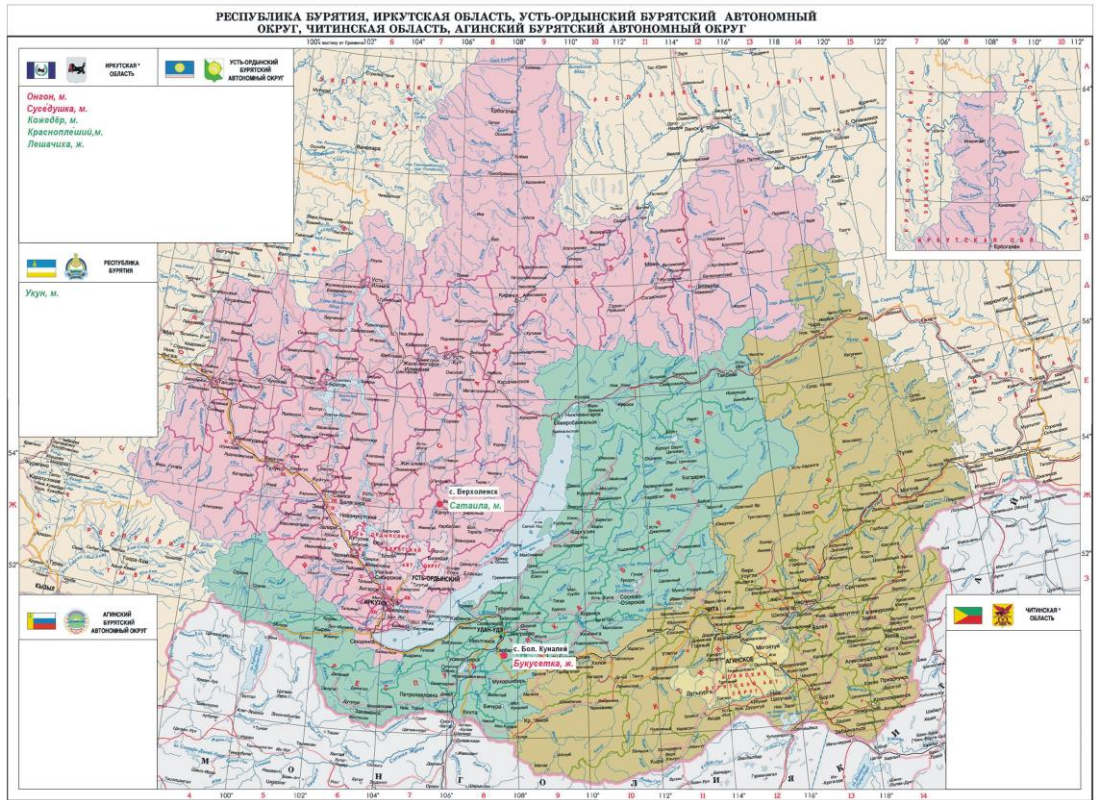

КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

**КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ (10Г),
РЕСПУБЛИКА ТЫВА, РЕСПУБЛИКА ХАКАСИЯ**

КАМЧАТСКАЯ ОБЛАСТЬ, КОРЯКСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

ПРИБАЛТИКА

